Н. Н. АЛЕКСЕЕВ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ
1931

227
32

Введение

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Гл. 1. Идея государства в современном государствоведении.

Современная теория государства построена была в период европейской истории, отличительной чертой которого является утрата западными народами чувства реальности государства. Отдельные выражения этого явления — разнообразны, и мы ограничимся тем, что назовем главнейшие и наиболее выпуклые . Наиболее общая идейная почва, на которой выросло и воспиталось названное настроение, была создана широко распространившимися на Западе, главным образом, в романском и в англо-саксонском мире, учениями естественного права. Учения эти признавали справедливым только то государство, которое основано на договоре граждан с властвующими или между собою. Отсюда вытекало, что законною является власть, на которую дано согласие подвластных, причем вначале допускалось, что согласие такое может быть дано раз навсегда, а впоследствии сделали вывод, что право соглашения неотчуждаемо и что акту согласия должно подлежать каждое действие власти. Тем самым западными народами была утрачена самая идея власти. На место властного союза, государства, требующего подчинения и жертвы, была поставлена человеческая личность с ее интересами. Личность эта не признавала никакого общественного целого, которое не представляло бы собой совокупности во всех отношениях самоопределяющихся личностей. Личность оторвала себя от общества и государства, стала независимой, самостоятельной, не нуждающейся в обществе величиной. Нация, государство превратились в аггрегат наделенных правами отдельных личностей, этих «безвкусных выдумок XVIII века».[1]) Личности эти были чисто отвлеченными, не определялись ни историческими условиями, ни социальными различиями, ни каким-либо иным положением в обществе. Такая личность и заслонила собою государство, заставила идейно забыть о нем.

1) По выраженію *Маркса*, Neue Zeit, Bd. 21, стр. 710.

Можно сказать, что, говоря о такой личности, мы оперируем с призраками прошлого. В настоящее время теория естественного права потеряла значение и признание, главным образом, вследствие критики со стороны представителей исторического и органического миросозерцания. Но достаточно поставить вопрос, что же оказало, в конце концов, большее влияние и на современные политические представления, и на конституции, и на учреждения, и на само понятие государства, — истины ли договорной теории или истины ее противников, — чтобы убедиться, что естественно-правовые представления, хотя научно и умерли, однако, практически еще живут и продолжают влиять.

Европейский государственный мир рос, развивался и еще продолжает развиваться под влиянием идей английской и французской революций,а не под влиянием идей реставрации. То, о чем учили *Берк*, *Де-Мэстр*, *Гегель*, *Карлейль* и многие другие, отвлеченно признавалось правильным, но практически уступало место доктринам революции. В Европе побеждал миф революционный, а не реставрационный; интуитивная сила была за лозунгами первого, а не второго; политическое творчество вдохновлялось *Руссо*, *Монтескье*, *Сиэйсом*,*Мабли*, а не реставраторами XIX века. И даже на наших глазах, после великой войны, создание ряда новых конституций убеждает нас в живой силе этих революционных идей о народном суверенитете, неотчуждаемых правах, самоуправлении народа и т. п.

Несколько по иной дороге шло развитие германских представлений о государстве, которые до эпохи превращения Германии в республику создавались под влиянием немецкой юридической школы. Однако, результаты оказались сходными. Юридическое направление начало с того, что объявило государство особой личностью.[1]) Казалось бы, что на почве такого воззрения скорее мог бы процветать культ государства, — этатизм, столь соответствующий германскому духу. Однако, постепенное развитие юридической теории государства приводит к последствиям совершенно противоположным. Государство-личность постепенно стало только «фикцией» или научной «конструкцией», не обладающей реальной жизнью. Личность государства превратилась в «вспомогательное» научное представление, в простой образ,в олицетворение,— чего же?— спросим мы. В олицетворение правовых норм, установлений действующего права.[2]) При этом нормативная теория государства всячески стремилась отделить «норму» от реальности, из мира «сущего» перенести ее в мир нереального «должного». Таким образом

---

1) Начиная съ *Гербера*, который был под влиянием органической школы въ государствоведении. Ср. Gerber, Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, 1869.

2) Мы говорим о направлении, возглавляемом известным австрийским юристом, *Г. Кельсеном*, об отдельных сочинениях которого будет говориться не раз в последующем изложении. Направление названного ученого было последним шагом в развитии германской юридической школы, которая подготовила все основные теории Кельсена. Надо добавить, что к отожествлению государства с правом своеобразно пришла и французская теория государства. См., например, новую книгу Carré de Malberg, Contribution à la Théorie générale de l'Etat, v. 1-2,1920—22, особ. стр. 8-9. Одним из идейных предшественников названных воззрений был голландец Krabbe, Die Lehre von der Rechtssuveränität, Gröningen, 1906.

государство превратилось в совокупность норм, в правопорядок. Из понятия о государстве постепенно были вытеснены все элементы, отражающие реальность государственных явлений. Результаты применения такой теории понятны: своими путями она приводила к тому же, что и договорная теория,— к утрате чувства реальности государства. Нет другого,более верного способа утерять реальность какого-нибудь явления, как отожествить его с другим, его сопровождающим, и заслонить таким образом первое посредством второго. На этом строилась вся естественно-правовая, революционная теория государства: она отожествила правителей и управляемых, господствующих и подчиненных, субъект и объект государственного авторитета.[1]) Подобное же совершила и германская юридическая теория, отожествив государство с нормой права и заслонив государство правом.

Названные нами направления в западном государствоведении господствовали преимущественно в кругах официальной университетской науки и не находили отражения в сознании широких народных масс, затронутых новейшим социальным движением. Что касается до миросозерцания этих последних, то и в нем нельзя не отметить также утраты чувства государственной реальности, хотя и в совершенно особых проявлениях. При этом выдающееся идейное влияние оказали два фактора: латинский анархизм и германский марксизм. Первый можно назвать скорее «настроением», чем выработанной научной или, по крайней мере, наукообразной теорией, — тем настроением, которое столь характерно для многих представителей латинской расы, породившей *Прудона* и идейно натурализовавшей у себя *Бакунина* и *Кропоткина*. Второй, напротив, выступает со всем внешним аппаратом научности и с внутренней силой разработанной и продуманной диалектики. Марксизм оказал на современную идеологию западного социального движения неизмеримо большее влияние, чем латинский анархизм. Он глубоко проник и в латинские страны, просочился в социальную идеологию латинской расы, в результате чего и родились такие социальные теории, как французский и итальянский синдикализм. Вообще говоря, степень влияния марксизма на человеческую мысль можно сравнить только с влиянием учений естественного права в предшествующую эпоху. *Руссо и Маркс*, «Общественный договор» и «Коммунистический манифест» — вот символы, которые олицетворяют всю историю социально-политических движений новейшего западного человечества. Что касается воззрений на государство, то *Маркс* был, конечно, гораздо реалистичнее *Руссо*.[2]) С глубокой иронией высмеял *Маркс* теорию отвлеченной человеческой личности и поставил на ее место конкретного, живущего в обществе человека. Свойства человека определялись для *Маркса* условиями общественной жизни, его занятием, профессией, принадлежностью к классу. Таким образом и государство превращалось из простого, кучеобразного аггрегата отвлеченных личностей в совокупность реальных классовых отношений. Для марксизма государство есть организация классового господства и классового принуждения. В государстве должны быть правящие и управляемые, господ-

---

1) Как на это правильно указывает C. Schmitt,Die geistiggeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus, 1923, стр. 15-16.

2) Некоторым сторонам воззрений Маркса на государство будет посвящена специальная глава.

ствующие и подчиненные, субъект авторитета и его объект. Государство есть сумма реальных общественных отношений, а не совокупность юридических норм и субъективных прав, этими нормами установленных. Все это — вполне трезвые, реалистические устремления, которые, казалось бы, должны служить к установлению истинно научной теории государства. Однако, в отношении марксизма к государству имеется еще и другая, менее реалистическая сторона. Социальный и революционный миф о будущем земном рае толкал *Маркса*, по крайней мере, в тех его сочинениях, которые оказали особо сильное влияние на умы, к отрицанию необходимости государства в будущем человеческом обществе. Государство есть аппарат классового принуждения, следовательно, где не будет этого принуждения, там не будет и государства. В будущем социалистическом обществе государство станет не нужным так же, как не нужна соха при наличии усовершенствованного плуга. В то же время марксизм всегда отмежевывал себя от анархизма и считал, что будущее общество должно быть построено в особых формах организации и дисциплины. Чем же оно будет отличаться от государства? И почему его не назвать государством — скажем, государством рабочих, государством трудящихся? Революционная фраза, которой увлекались марксисты, принуждала их искусственно сузить понятие «государства», обозначая им только ту форму организации, в которой есть классовое принуждение, и не подводя под это понятие организованную форму совместной жизни рабочих. А между тем эта последняя также является своеобразным государственным образованием, отличие которого от капиталистического не глубже, чем отличие государства, построенного на свободном труде, от государства, практикующего рабский труд (напр. древнего Египта от современной Англии). И сказанное нами нашло блестящее подтверждение на опыте: опыт организации коммунизма в России вылился в формы «государства рабочих и крестьян» или «советского государства». Если предположить, что произойдет социальная революция на всей нашей планете и все рабочие мира устроят единое организованное общество— оно также будет некоторым универсальным государством. Таким образом социализму и коммунизму не уйти от государства, если только эти социальные течения не уклонятся в сторону анархизма, отрицающего необходимость организованно-принудительных форм общественной жизни для будущего человечества.

Неправомерное сужение понятия государства в системе марксизма и вытекающее из него отрицание государственных оформлений в будущем социалистическом обществе были причинами своеобразной утраты чувства государственной реальности у современных европейских социалистов и ведомых ими народных масс. Государство превратилось в историческую категорию, утратилось сознание необходимости государственного бытия. Государство стало каким-то наростом на теле буржуазного общества, который будет удален после социалистической операции. Реальность государства ушла из поля зрения марксистов так же, как она ушла из поля зрения сторонников естественного права и приверженцев юридического метода в государствоведении. И это случилось даже в германском социализме, этатическом по своему духу; что же касается до социализма романского, то он воспринял марксизм в существенно анархическом освещении, что еще более способствовало утрате сознания реальности государства.

Таковы идеологические основы отмеченных нами особенностей отношения западных народов к государству. Но, разумеется, отношение это не определяется

одними идеологическими факторами и имеет более глубокий социальный фундамент. С эпохи новейшего промышленного развития европейская культура вступила в период, который можно было бы, по примеру естествоиспытателей, назвать *мутационным*. Быстрые изменения и неисчерпаемая способность создания новых форм—таковы особенности этого периода. Само собою разумеется, такой период истории не мог не оказать влияния как на формы властных отношений, так и на представления о них. Вместе с другим культурным наследием, мутации подверглись и властные отношения,и сама идея власти. В течение многих веков существовал тот ведущий слой западного общества, который именовался феодальной аристократией и дворянством. Процессы изменения, в нем наблюдаемые, не меняли существа его в целом. В быстром революционном процессе слой этот был вытеснен новым классом, буржуазией. Но едва буржуазия выдвинулась на роль ведущей группы, идейные устои ее существования были подвергнуты беспощадной критике со стороны социалистов. И вместе с тем на арене истории появился новый социальный слой, претендующий на преобладание в государстве, — промышленный пролетариат. Все эти процессы наметились в течение нескольких десятилетий, — и это не могло не оказать решительного влияния на самую идею власти. В процессе революционных изменений ведущего слоя люди перестали понимать, кто же властвует и преобладает. Неустойчивость «ведущих» внесла сомнения в представления о власти вообще.Получился тот кризис власти, о котором уже не раз писали наблюдатели западной жизни. «Исчезла вера в всеобщепринятый и всеми почитаемый принцип авторитета», — говорит, характеризуя современную эпоху, один западный историк, — «состояние повсюду господствующей непрочности заставляло прислушиваться к безумным идеям всяких совершителей переворотов и увлекаться любовью к бессмысленным авантюрам». Так рушится значение авторитета, этого «главного камня в создании любой цивилизации» — процесс, в результате которого может последовать быстрое разложение культурных начал европейской жизни.[1])

Европейские общества еще доныне всецело погружены в этот процесс, однако,наблюдение некоторых сторон европейской жизни и окружающего ее мира убеждают, что как будто родятся и какие-то новые явления, что наступил какой-то перелом. В качестве идеологических признаков названного перелома можно указать на целый ряд литературных явлений, намечающих новую установку современной мысли по отношению к познанию смысла государства в человеческой истории и человеческой жизни. Как это часто случается в истории человеческих идей, на поверхность европейской мысли одновременно и независимо друг от друга выплыл ряд воззрений на государство, сходных по внутреннему настроению и представленных не какой-нибудь одной школой, но авторами, вращающимися в совершенно разных орбитах. Государство есть одна из форм человеческой жизни, причем форма необходимая и высшая — такова была основная мысль нашумевшей,вышедшей в 1917 году,книги шведского государствоведа *Кьеллена*.[2]) Но почти дословно та же самая мысль была повторена и в другой, еще более

---

1) G. Ferrero, Der Untergang der Zivilisation des Altertums, 1922, стр. 195-6.

2) R. Kjellen, Der Staat als Lebensform, 1917. Книга эта породила целую литературу.

повлиявшей на умы западного человечества, книге, — в «Закате Европы» *Шпенглера*. Для *Шпенглера* государство есть также «форма жизни», «физиономия исторического бытия человечества». И политика для него есть прежде всего жизнь, проявления которой мы видим в борьбе, войне.[1]) Автор третьей, также пользующейся широким успехом книги, берлинский профессор *Мейнеке*, считая государство формой человеческой жизни, ставит своей задачей открыть руководящий принцип, который лежит в ее основании и который управляет ее развитием. Это и есть Staatsraison, «государственный интерес», стремление к поддержанию и усовершенствованию государственного бытия. По мнению *Мейнеке*, принцип этот является «вечным спутником и вождем всех государств, созданных рукой человека, — той пылающей искрой, которая загорается в каждом вновь возникшем государстве и которая, в пределах одного и того же государства, переходит, в случае революционного изменения правящих лиц или формы властвования, с старых властителей на новых». *Мейнеке* усматривает в этом принципе некую двойственность, — как бы два лица. Одно обращено к природе и проявляется в стремлении к голому поддержанию жизни; другое обращено к царству духа, требует выполнения высших культурных задач и ведет к образованию высших, более благородных и утонченных форм государства.[2])

Ошибочно было бы думать, что изображенные нами новые стремления характеризуют только германскую науку. В тех или иных выражениях сходные чувства и сходные настроения можно встретить и в других странах. Во Франции ныне пишут о реставрации государства,[3]) о необходимости восстановления в ее политической жизни принципа авторитета. «Реставрация политического авторитета», — по словам одного из новейших авторов — «для современной Франции есть вопрос жизни и смерти».[4]) «О возвращении к государству» пишут и в английской литературе, — в литературе того народа, который склонен был самое слово «государство» заменить словом «общество» (society).[5]) Мы уже не говорим о том фактическом и идеологическом процессе государственного переустройства, который совершается сейчас в Италии.[6]) Словом, наступил такой исторический момент, когда у западных народов пробуждается ощущение государства. Государство стало видным, стало заметным — одни это просто констатируют, другие хотят подвести сюда научно философский фундамент.[7])

---

1) O. Spengler, Der Staat, Sonderdruck aus «Der Untergang des Abendlandes», München, 1924. Ср. также O. Koellreutter, Die Staatslehre O. Spenglers, 1924.

2) Fr. Meinecke, Die Idee der Staatsraison in der neuen Geschichte, 1924.

3) R. Hubert, Le principe d'autorité dans l'organisation démocratique, 1926.

4) Ibid., стр. 218.

5) H. Laski, A. Grammer of Politics, 1925 и рецензия на нее Kingsley, The return of the State. Economica, London, 1926.

6) Для фашистского воззрения на государство важно «Relazione e proposte delle Comissione Presidenziale per lo studio delle riforme constitutionelle, Roma 1925», — совокупный труд так называемой комиссии восемнадцати, куда входили Gentile, Corradini, Rossoni, Volpe, Rocco и др.

7) Характерны слова одного из новых авторов, который писал на тему о «Aufbau des Staates», «реставрации государства»: «Субъект

Если всмотреться в существо новых воззрений на государство, то нельзя не признать, что они глубоко противоположны установившимся политическим понятиям. Государство не механическая совокупность отвлеченных граждан, но живая целостность; государство не отвлеченный субъект права и не совокупность юридических норм, но конкретная форма жизни; государство не придаток правопорядка, но развитие витального принципа самосохранения и развития; государство не надстройка над общественной реальностью, свойственная известной ступени жизни человека, но реальная необходимость, требуемая самим началом жизни. Получается какая-то совсем иная установка по отношению к государству, которая одинаково далека и от сторонника естественного права, и от теоретика юридической методы в ее различных вариантах, и от современного марксиста.

Скажут, пожалуй, что это установка старая и довольно известная: мы стоим как будто перед возвращением старых органических воззрений на государство. Мы снова вещаем об эпохе «реставрации государственных наук»,[1]) эпохе уже прошедшей и изжитой. Неужели сейчас опять нужно звать к *Де-Мэстру*, *Берку*, *Галлеру*, *Гегелю* и другим бесчисленным представителям органического и исторического воззрения на государство? Бесспорно, органические воззрения воскресают в современном государствоведении, но весь вопрос как раз в том, что возрождение их происходит совсем в иных, новых формах. Дело не идет просто о том, чтобы реставрировать старые идеи, чтобы водворить в государственной науке принципы политической романтики начала XIX века, — дело идет о пересмотре всего государствоведения, о построении новой теории государства.[2]) Задача эта диктуется, именно, особенностями нынешнего исторического момента, совершенно новыми формами, выплывшими на поверхность жизни европейских обществ. Реставрация государственных наук XIX века вызывалась отрицанием французской революции, но революция эта есть уже ныне факт давно прошедший; ныне свершилась другая, не только политическая, но социальная, российская революция. И в революции этой для государствоведа открылись две стороны: она поставила перед западным государствоведом ряд новых вопросов и она в то же время освободила его от западного эгоцентризма. Российская социальная революция есть процесс, вдохновленный западными теориями, но происшедший на нееврспейской почве, которая жила в других политических оформлениях, чем запад, и для которой была органически чужда европейская либерально-демократическая доктрина. Таким образом процесс развития политических идей переместился, и никак не могут уже удовлетворить те форму-

---

государственной мощи есть не какая либо корпорация, не личность, не символ, не что либо формальное; напротив того, всеобъемлющая и всемогущая государственная власть существует только сама в себе и через себя». Ср. Archiv d. öffentlichen Rechts, NF. VII, 1924, стр. 173.

1) Название известной книги *Галлера*.

2) Ср. M. Rumpf, Archiv d. öffentl. Rechts, NF, IX, 1925, стр. 348 (рецензия на книгу Мейнеке), где автор совершенно правильно указывает, что сейчас дело идет о построении «органического учения о государстве совершенно нового стиля, которое одинаково будет отличаться как от мистически окрашенных представлений о государстве немецкой романтики и историзма, так и от политического биологизма научных монистов».

лировки, которые давали отрицатели западной революции в XIX веке. Для нас, русских, *Галлер*, *Де-Мэстр* и *Гегель* столь же далеки, как и *Локк*, *Монтескье* и *Руссо*. И если мы стали, после нашей революции, фактором европейской жизни и европейской мысли, то, очевидно, развитие политических теорий должно приобрести особое направление, в значительной степени указываемое русской наукой, а не европейскими реакционерами и реставраторами.

Гл. 2. О методах теории государства.

Утрата чувства государственной реальности находит свое особое выражение в той методологии, которая ныне господствует в западном государствоведении. Основным методологическим приемом западной теории государства является установка умственного зрения исключительно на новейших государствах *западной* культуры, — то-есть на тех государствах, самое бытие которых сложилось в духовной атмосфере, уже лишенной ощущения реальности государства. Один из самых выдающихся государствоведов новейшего времени, создатель целой школы и до некоторой степени властитель дум целого поколения, ныне умерший гейдельбергский проф. *Георг Еллинек*, выставил в своем известном сочинении по общей теории государства следующее небезынтересное для человека, не принадлежащего к западной культуре, требование. По его мнению, предметом общей теории государства должна быть «только *жизнь современных западных государств и их прошлое*, поскольку оно необходимо для уяснения настоящего».[1]) «Эти государства», — как правильно указывает *Еллинек* — «образуют в своем историческом развитии самостоятельную ветвь всей семьи государств. Мир азиатских государств имеет, конечно, общие корни с западно-европейскими государствами, но развитие их шло независимо от последних». Оттого они и должны быть выкинуты из поля наблюдения современной теории государства. Такое выключение не означает, по мнению *Еллинека*, *неполноты*. «История», — говорит он — «всегда фрагментарна». «Требовать, чтобы научное познание было основано на всем историческом прошлом, значит желать невозможного или проложить путь спекуляции, которая по своей внутренней ценности ничем не отличается от фантастических исторических конструкций прежнего времени, имеющих с современной точки зрения в лучшем случае анекдотическое значение».[2]) Следует только спросить, почему, при таких предположениях, сочинение *Еллинека* называется *общей* теорией государства? Не правильнее ли было назвать его *общей* теорией *европейского государства*, к тому же нового периода? То, что у *Еллинека* находит совершенно сознательную формулировку, — формулировку, ограниченность которой очевидна, вследствие ее точности, — у других современных авторов является результатом скрытой подмены одних проблем другими. Так, например,

1) G. Jellineck, Allgemeine Staatslehre, 4-te Aufgabe, 1922, стр. 22.
2) Ibid., стр. 23. — Изложенные ограничения не помешали автору включить в свою книгу ряд очень ценных описаний государств других культур. С точки зрения методологических принципов книги это является совершенно ненужной роскошью.

автор одного из новейших трудов по общей теории государства, *Каррэ де Мальберг*,[1]) просто подставляет на место теории государства теорию современного конституционного права, называя, однако, свое сочинение «Théorie générale de l'Etat». Очевидно, что прилагательное «générale» просто излишне, что ни о каких *общих* проблемах государства у автора не говорится. Более последовательно поступают те из современных ученых, которые сознательно и открыто заменяют теорию государства теорией современного государственного права. Такая постановка вопроса, по крайней мере, избавляет от ложного представления, что теория современного европейского государства может сойти за теорию государства вообще. Так, например, поступает выдающийся французский государствовед *Орю*, который в своем учебнике совершенно ясно подчеркивает, что он намерен изучать только одну из форм государства, именуемую «конституционным режимом». По мнению *Орю*, «конституционный режим» встречается только *два раза* в истории западной цивилизации, — именно, в конце греко-римского периода и начиная с XVIII века нашей эры. «Конституционный режим» привлекает *Орю*, прежде всего, потому, что он актуален, а затем и потому, что по мнению названного автора, европейская цивилизация является *наиболее великой* со стороны материальной и *наиболее прекрасной со стороны моральной* («la plus belle civilisation morale»).[2]) Сколь ни оспоримо по существу это утверждение, однако, в сделанной формулировке оно избавляет нас от всяких недоразумений: ясно, что здесь дело идет об изучении не государства вообще, а одной, и очень редко встречавшейся, государственной формы.

Подобное ограничение материала, подлежащего изучению общей теорией государства, ставит необходимо следующий прикладной вопрос: спрашивается, какое значение такая теория может иметь для народов, не принадлежащих к европейской культуре? И могут ли эти последние построить свою *не*-европейскую теорию государства, или же они призываются к тому, чтобы, при отсутствии у них своей теории, принять в порядке европеизации «общую» теорию европейского государства. Наконец, может ли быть построена какая-нибудь действительная *общая* теория государства, — не европейская и не азиатская, и не какая либо иная, а подлинно *общая*, формулирующая структуру государства вообще, т.-е. те категории, которые делают мыслимым самый факт государства? Или же следует думать, по примеру *Шпенглера*, что, подобно тому, как было античное понятие о пространстве, формулированное в особой античной математике, и новейшее европейское понятие о пространстве со своей особой новейшей математикой, — подобно этому различные культуры могут построить совершенно различные теории государства?

Тщетно было бы искать теоретического ответа на эти вопросы у *Еллинека* и вообще в новейшей науке о государстве. Однако, *практический* ответ на них не раз намечался, — и примером тому может служить, если не все наше русское государствоведение, то, по крайней мере, его популярные течения. Русские ученые, вышедшие из западных школ, без всяких особых размышлений и без всяких оговорок перенесли построенную на западе *теорию европейского государства* на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное

1) Цитирован выше, гл. 1.
2) Hauriou, Précis de droit constitutionnel, 1923, стр. 1-2.

значение. Оттого наше государствоведение, в трудах наиболее популярных его представителей (каковыми были, например, *Кокошкин* и *Лазаревский*), являлось ни чем иным, как политикой европеизации русского государства. Конечно, Российская Империя сама была опытом прививки у нас европейских государственных форм, сначала в виде западного абсолютизма, потом в виде западного умеренного монархического конституционализма. И как всякий продукт европеизации, государство наше представляло копию, отстающую от образца. Государствоведение наше и поставило своей задачей превратить копию в образец, т.-е. истолковать наш государственный порядок так, чтобы он приобрел оформления новейших, западных государств. По такому политическому методу целиком построен был, например, учебник конституционного права покойного *Лазаревского*. Отправной его точкой было изложение западного политического строя, как строя *нормального*. Затем скрыто или открыто с этим нормальным строем сравнивались наши государственные институты, подвергались критике, отвержению или интерпретации в смысле соответствующих институтов западного государственного права. Это был типичный пример смешения науки с политикой, — смешения, одинаково недопустимого ни с точки зрения первой, ни с точки зрения последней.

Мы уже сказали, что особенности методологии западной теории государства обусловливались тем, что теория эта создалась, как мы уже говорили, в духовной атмосфере, утратившей чувство реальности государства. Было бы удивительно, если бы подобная атмосфера могла воспитать познавательные приемы и методы, обеспечивающие возможность познания реальной природы государства. *Георг Еллинек* был тем ученым, с именем которого в особенности связана постановка новейших методологических проблем в западном государствоведении. Сам он посвятил не мало труда изучению методологических вопросов, и многие новейшие сочинения по методологии науки о государстве вышли непосредственно из его школы.[1]) Уже внешняя характеристика этой методологии способна внушить сомнение в пригодности ее для нужд предметного знания о государстве, как целостном явлении общественной жизни.[2]) Характерной ее особенностью было утверждение *множественности* способов познания государства и множественности учений о государстве. Действительность бесконечно многообразна, учили представители этой методологии, в многообразии своем она непознаваема. Познание обуславливается точкой зрения, стилизующей действительность с определенной перспективы. Таких точек зрения может быть очень много, и, следовательно, много может быть наук о государстве (методологический плюрализм). Нельзя образовать какое-либо одно понятие о государстве, которое бы

1) Ср., кроме соответствующих глав в цитированной книге названного автора, G. Jellineck, System der subjektiven öffentlichen Rechte, 2-te Aufl., где имеется специальная методологическая глава. Из наиболее выдающихся учеников *Еллинека*, посвятивших себя изучению преимущественно методологических вопросов, нужно назвать Б. *А. Кистяковского*, Социальные науки и право, 1916, а также более раннее сочинение «Gesellschaft und Einzelwesen», 1899.

2) Критику методологической теории *Еллинека* и его школы можно найти у *Н. Н. Алексеева*, Очерки по общей теории государства, 1920, и, в несколько измененном виде, в «Общей теории государства», Прага, вып. 1 (литографированное издание).

выражало *сущность* исследуемого предмета. Понятий о государстве столько, сколько точек зрения, сколько методов: могут быть социально-научное, юридическое и т. д. понятия о государстве. И между этими понятиями очень мало общего, — даже нет ничего общего, за исключением разве ничего не значащих формально-логических признаков. Таким образом, под влиянием названной методологии, изучаемый предмет множится в нашем умственном зрении, разлагаясь на несколько вполне самостоятельных предметов. Совершается рассеяние предмета, деконцентрация его существенных свойств. Предмет растекается сквозь пальцы исследователя, как вода. О какой же еще реальности государства можно при этом говорить? Социолог имеет дело с одной реальностью государства, юрист — с другой, а какова истинная реальность — не знает ни тот, ни другой, — и вообще никто не знает, ибо она содержится в непознаваемом многообразии реального опыта.

Можно поставить вопрос, мыслимо ли достигнуть такого распыления реальности государства, если даже к нему и стремиться? Не произойдет ли некоторого принудительного восстановления познавательного единства предмета и познавательного единства методов его изучения каждый раз, когда сторонник подобного плюрализма попытается войти в действительное соприкосновение с тем, что он изучает? Исследование тех результатов, к которым привела названная методология, всецело оправдывает эти предположения. Практически плюрализм оказался действительно не проводимым и не осуществимым. Вместо многих методов и многих понятий о государстве практически получился один метод и одно понятие, — но метод запутанный и понятие искаженное. Достаточно подвергнуть анализу то, что сделано в громадном труде *Еллинека* «Общая теория государства», чтобы убедиться в истинности наших предположений. По содержанию своему книга эта представляет весьма пеструю смесь, составленную из философских, исторических и отчасти юридических размышлений и исследований. Причем вся постройка завершена так, что преобладающим ее стилем являются все-же юридические построения.[1]) Можно сказать, что книга *Еллинека* есть философ-

---

1) В основу методологии Еллинека положена перекрещивающаяся противоположность наук, с одной стороны, *идиографических* (т.-е. описывающих индивидуальные явления) и *номотетических* (т.-е. устанавливающих общие законы), с другой стороны, *каузальных* (т.-е. устанавливающих причины явлений) и *нормативных* (т.-е. устанавливающих то, что должно быть). Для Еллинека наука о государстве является не номотетической, а идиографической наукой, т.-е. она ближе к истории, чем к естествознанию. Поэтому и общая теория государства не устанавливает законы, а описывает типы. Причем или объясняет их, или же устанавливает нормальные типы. Первое *Еллинек* называет *общим социальным учением о государстве* (название первой части книги), второе — *общим учением о государственном праве* (вторая часть книги). Но, если мы попытаемся обозреть состав первой части, то увидим, что в ней нет ровно ничего каузального, что в ней имеется большое количество черт нормативного рассмотрения и что, наконец, в ней есть целый ряд глав, не подходящих ни к каузальному, ни к нормативному рассмотрению. Уже одна из первых проблем, поставленных в «общем социальном учении о государстве», глава о существе государства (гл. VI), напоминает скорее всего отрывок из философского трактата. В ней имеется обильный исторический материал, касающийся философских теорий государства, менее всего изучаемый каузально;

ское и историческое введение в юридическую теорию государства, т. е. в общее государственное право. В введении этом обосновывается то, что служит отправной точкой для юридической теории государства — именно, юридическое понятие государства и вопрос об отношении государства и права. Здесь подготовляется тот вывод, что государство есть исключительно правовое явление, — род правопорядка, — вывод, не сделанный в полной последовательности самим *Еллинеком*, но обоснованный учеными, вышедшими из его школы. В нашу задачу впрочем не входит подробная критика системы *Еллинека*. Мы хотим только установить то, совершенно общее положение, которым определяется все научное предприятие этого замечательного ученого: теория государства в конце концов превращается у него в теорию государственного права, представляющую опять-таки смешанное целое, составленное из весьма разнообразных элементов. Превращение это совершается незаметно для самого автора: оно им не обосновано, оно выходит из под его пера само собою, как невольный результат инстинктивной систематизации. Так что «общую теорию европейского государства» правильнее было бы назвать «*общей теорией европейского государственного права*». Вместо обещанного плюрализма методов получается таким образом юридический монизм. Юридическое рассмотрение государства начинает задавать тон в методологии, и в сложном строении государства выдвинутой на первый план оказывается одна сторона — *сторона правовая*. Это и есть проявление той утраты чувства реальности государства, о которой было говорено выше.

То, что у *Еллинека* сказывается, как еще вполне несознанная тенденция, получает рациональное обоснование у одного из современных столпов германского государствоведения, — у *Г. Кельсена*. В специальном сочинении *Кельсен* решил показать, что никакого «социологического» понятия о государстве, в сущности говоря, быть не может. Социологи, пытающиеся образовать такое понятие, незаметно оперируют с понятием права, правовой организации, правопорядка.[1]) Выводом из этого и является произведенная *Кельсеном* еще в предшествующих

никакого изучения социально-исторических процессов в этой главе просто не содержится; включенные в нее параграфы, касающиеся юридического понятия о государстве (стр. 162-73), предупреждают последующее изложение и содержат ряд элементов чисто нормативных. Глава VII книги трактует об «оправдании государства», т.-е. о вопросе, менее всего относящемся к «каузально-историческим» исследованиям и столь же мало соответствующем задачам «общего государственного права». Если эта глава и пользуется нормативным методом, то уже не в юридическом, а в моральном и философском смысле этого слова. То же самое нужно сказать и о главе VIII (о «Цели государства»). Последующая (IX) глава «О возникновении и прекращении государства» как будто переводит нас в область социально-исторических исследований, однако, они ведутся так, что каузального момента в них нет. То же нужно сказать и о X главе — «Главные исторические типы государств». Наконец, последняя глава «Государство и право» отчасти относится к философии права, отчасти к философии государства, — т.-е. не относится ни к каузальному, ни к юридически-нормативному исследованию. Излагаемая в ней теория *Еллинека* о самообязывании государства есть теория философская или, как ее называет автор, *метаюридическая*. Так по какому же основанию она попала в «Социальное учение о государстве»?

1) H. Kelsen, Soziologische und juristische Staatsbegriff, 1922.

его сочинениях *идентификация государства и права*, причем под правом он понимает совокупность правоположений или правовых норм (Rechtssatz).[1]) Таким образом в общей теории государства вместо плюрализма появляется философски обоснованный правовой монизм. Общая теория государства открыто становится общей теорией права, — в каковом духе и написана новейшая книга *Кельсена*, посвященная этому предмету.[2])

Фактическая несообразность всех этих построений вскрывается тотчас-же, как мы их попытаемся применить к государству неевропейской культуры. Можно ли, например, сказать, что отожествление государства с правопорядком применимо к Китайской Империи, к государству фараонов, к Ассиро-Вавилонскому царству? Что понял бы ученый в государственной структуре Московской монархии, если бы он стал отправляться от мысли об идентификации государства и права? Да и к Российской Империи гипотеза эта — мало применима. «Европейски образованный» человек с возмущением скажет, что мы имеем здесь дело с деспотиями, а не с правовыми государствами. Но ведь это оценки, которых нужно избегать в науке. Наука хочет понять, *что такое государство*, а этого нельзя сделать, отмахиваясь от государственных образований, которые существовали целые тысячелетия. Курьезно «общую теорию государства» строить на опыте последних ста лет европейской истории и отбрасывать тысячелетний опыт истории других культур. Такая теория будет всем,чем угодно, но не наукой.

Выводом из изложенного могут быть следующие требования, с которыми мы обращаемся к методологии европейского государствоведения: 1) Наука о государстве должна освободиться от засилья в ней юридизма; общая теория государства должна перестать отожествлять себя с общей теорией государственного права; 2) Формальным условием такого освобождения является преодоление европейского эгоцентризма в теории государства; привлечение в орбиту своих исследований всех возможных типов государств различных культур поможет теории государства увидеть в изучаемых явлениях такие стороны, усмотрение которых закрыто для европейских государствоведов, воспитанных в условиях утраты человеком чувства реальности государства; 3) По существу же своих научных задач теория государства должна остерегаться применения каких-либо искусственных, конструктивных, надуманных, априорных, методологических теорий, к которым так склонно современное учение о государстве. Государство должно быть взято во всей его богатейшей природе, как непосредственный предмет умственного созерцания. К изучению государства должен быть применен тот интуитивный метод, который столь популярен в современной философии. Теория государства должна пережить конкретную целостность государства во всем богатстве ее живых проявлений, должна погрузиться в логику самой государственной жизни и почувствовать в ней истинно существенное в отличие от случайного.[3])

---

1) H. Kelsen, Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911.

2) H. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, 1925. Ср. справедливые замечания Merkl, Archiv. d. öffentlichen Rechts, NF, Bd. X, 1926, стр. 258.

3) Ср. *Н. Н. Алексеев*. Общая теория государства, вып. 1.

Отдел первый

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ

Гл. 1. Понятие государства и элементы государства.

В существующем словоупотреблении нет вполне точного понятия о том, что называется государством. Обычная речь колеблется между двумя понятиями о государстве, из которых одно обозначает некоторое целое, другое — часть этого целого. Государством называют прежде всего какое-либо историческое общество, обитающее в оседлом или в кочевом состоянии на известной части земли, обладающее некоторой властной организацией и противопоставляющее себя другим подобным же историческим обществам. В этом смысле государство есть общественный индивидуум наиболее сложившийся, наиболее установившийся и наиболее выпукло выступающий в человеческой истории. Факт индивидуализации, наблюдаемый везде в природе, начиная с минерального мира и кончая миром органической жизни, имеет место и в жизни человека. Люди живут общественными единицами, — семьями, родами, племенами и т. п. Каждая из таких единиц обуславливает для ее членов возможность тесного общения и отделяет от общения с членами других групп. Подобной единицей общения и отталкивания является и государство. В означенном смысле мы говорим о государстве римском, русском, египетском и т. п. — т.-е. как о ряде исторических человеческих обществ.

Однако, иногда, когда говорят о государстве, разумеют под этим словом не историческое общество в целом, но ту властную организацию, которая составляет его необходимый элемент.[1]) «Государство велело, и это встретило оппозицию общества»— вот наглядный пример такого словоупотребления. Понятие государства здесь обозначает властно организованную и централизованную стихию общественной жизни, общество же — неорганизованную, свободную сферу людского общения. В сходном смысле противопоставляют, например, «гражданское» общество государству. «Гражданское общество» слагается из свободного

1) В этом смысле государство можно назвать «формой, определяющей личное бытие культурного субъекта». *Л. П. Карсавин*, Основы политики. Евразийский Временник, кн. V, 1927, стр. 187.

от государственного вмешательства взаимоотношения частных интересов; государство — из коллективной организации, проводящей принудительно в жизнь известные общие цели. В смысле этого словоупотребления можно, например, сказать, что при капиталистическом общественном строе существуют в общественном целом две стихии — дезорганизованная и организованная, «общество» и «государство»; при коммунизме же стихии эти сливаются, «общество» поглощается «государством». Когда придерживаются такого словоупотребления, приходится для обозначения всего социального тела в *целом* применять какое-либо другое название, чем «государство». Приходится называть его, например, народом, нацией, культурной единицей; так можно говорить об американской нации, которая имеет «государство» в виде президента, конгресса, федерального бюрократического аппарата и автономных правительств штатов; и имеет свободную сферу «общественной жизни» в виде трестов, рабочих организаций, религиозных обществ, совокупности свободных отношений между индивидуумами и т. д.

В последующем мы условимся применять понятие «государство» в первом смысле этого слова, — в смысле исторического общества; государство же во втором смысле будем называть «государственной организацией», или «государственным аппаратом».Такое словоупотребление нам кажется более естественным и, что главное, более соответствующим значению государства в исторической жизни людей. Тот, кто склонен отказаться от подобной терминологии, таит мысль, что исторические общественные индивидуумы, — эти «народы», «нации», «культурные единицы», — несут государственные оформления случайно и могут выступать и *не как государства*. Мы хотим сказать, что терминология, противоположная нашей, живет еще в настроениях утраты государственной реальности. Для того, кто перешагнул чрез эти настроения, должно быть ясным, что, если он говорит об американском или французском государстве, то он говорит о явлениях, для которых никакое другое название не является адэкватным. Заменить здесь слово «государство» словом «нация», «народ» — это значило бы позабыть, что эти последние становятся самими собою только тогда, когда превращаются в государства: «нация» не будучи государством, не может быть «нацией». [1])

Если отправляться от принятого нами понятия о государстве, как общественно-историческом индивидууме, то в подлежащем научному изучению предметном составе последнего следует различать две различные стороны. С одной стороны, государство предстоит перед нами, как исторический факт, — как «одна из форм жизни», возникшая с необходимостью помимо человеческой воли, выросшая на нашей планете так же стихийно, как стихийно выросли и другие формы жизни. Правы были представители старой органической школы в государствоведении, которые учили, что «государство есть естественное явление, естественное состояние человеческого рода». «Государство происходит, как абсолютный, естественный факт при первом сближении людей. Мы находим его во всем историческом мире. Существа, обладающие произвольным движением, но лишенные разума, соединяются в государства на основании инстинкта». Но это— только одна сторона государства. С другой стороны, государство выступает перед нами, как такой общественный индивидуум, существенным отличием которого является соз-

1) Понимая под «нацией» огосударствленный народ (огосударствленную национальность).

нательная организация общественных сил для достижения совокупных целей. Государство есть не только естественный факт, но и деятельность, волевое напряжение, организованная совокупная энергия. Таким образом, исследователь, намеревающийся изучать государство, наталкивается прежде всего на его стихийно-фактическую и на его деятельно-организационную сторону. И перед ним встают две проблемы: как *строилось* государство и как *строили* государство. Первая проблема сводится к установлению стихийно-исторических закономерностей, наблюдаемых в жизни различных, известных нам государств. Вторая проблема направлена на изучение характера деятельностей, направленных к установлению государственного порядка и государственной организации. Обе проблемы имеют чисто теоретический характер, однако, последняя соприкасается с новой, чисто практической проблемой: от вопроса, как строили государство, естественен переход к вопросу, *как должно его строить*. А это есть уже вопрос практической политики, к которому теория государства необходимо подводит.

Если отправляться от государства, как от некоторой целостности , то в составе ее приходится установить следующие всем известные элементы [1]):1) территория, 2) население, 3) власть, 4) организованный порядок. Первые 3 элемента относительно общепризнаны, хотя 3-ий из них (власть) с большей или меньшей последовательностью выключается представителями современной юридической школы. Что же касается до четвертого, то он не вводится в обычные определения государства, хотя скрыто в них и фигурирует, особенно у авторов, утверждающих,что государство есть род правопорядка или организация правового принуждения и т. п. Впрочем «порядок» сливается при этом с *порядком правовым*, что по существу не верно, что мы надеемся доказать в последующем изложении. Изучению этих элементов и будет посвящена первая часть последующего изложения, именуемая «теоретическим государствоведением» [2]).

Гл. 2. Территория.

§ 1. Существующие теории.

Учение о территории в современной теории государства создалось под общим влиянием тех настроений, которые были нами характеризованы в первой главе этой книги. И, именно, общая теория государства совершенно утратила то *реальное* значение, которое земля играет в жизни государства. Вместо изучения общих реальных связей между землей и живущими на ней человеческими обществами, общая теория государства занялась анализом нормативно-юридического и отчасти политического вопроса о том, *как должно относиться государство к своей территории*. Отсюда и возникли разнообразные современные «тео-

1) Это суть «элементы» государства, как реального явления, а не «элементы» в понятии государства, о которых учит юридическая теория. Тем самым падает и критика *Кельсена*, направленная против учения об «элементах» государства. Ср. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, 1925.

2) Из авторов, у которых «порядок» выступает, как самостоятельный элемент государства, можно назвать Carré de Malberg, Contribution à la Théorie générale de l'Etat, 1920, vol. I, стр. 6-7.

рии» о территории, общим признаком которых является более или менее неосознанное смешение вопроса о существующем с вопросом о должном. Одна, менее распространенная из этих теорий,так называемая *объектная* теория,утверждает, что территория есть объект права государства,вроде того,как кусок земли может быть объектом права собственности. А так как по содержанию своему право государства (так же,как и право собственника) сводится к власти над объектом, то и территория является объектом государственной власти. Различие между собственностью и властью над государственной территорией сводится к тому,что в первом случае это власть частная,во втором же—власть общественная и публичная[1]). Другая, более ныне распространенная теория, — теория *субъектная*, — исходит из понятия о государстве, как особом субъекте права, юридическом лице или корпорации. Корпорация эта построена на территориальной основе, и территориальность эта является существенной особенностью союза государственной природы. Территория есть,стало быть,необходимый элемент государства, мыслимого, как юридическое лицо. Церковь, например, есть также особый субъект права, но не территориальный, а государство есть корпорация, необходимо территориальная. Отсюда и вытекает особое положение территории в государстве. Церковь может иметь землю,но если она ее продаст, то не потеряет тем самым характера церкви. Государство же, лишившись территории, перестает быть государством[2]).Стало быть, территория не может быть простым объектом государственной власти. Отношение власти к территории другое и более сложное, — именно, территория есть та граница, в пределах которой действует государственная власть и за пределами которой она прекращает свое действие. Территория есть граница власти над подданными или, иными словами, государство властвует над территорией *не непосредственно*, а через посредство подданных, считаясь с ними, как с членами общественного целого[3]).

---

1) Общие указания на эту теорию у G. Jellineck, O. c., стр. 394 и след. В своем более грубом виде она представлена сторонниками патримониального взгляда на государство, согласно которому король или князь является собственником своей земли. В более разработанном виде она приводит к утверждению, что право на территорию есть особое «государственное вещное право», которое отличается от собственности целым рядом признаков. Ср. Laband, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, Bd. I, 1911, стр. 192.

2) Теорию эту обычно возводят к русскому юристу *В. А. Незабитовскому*, Учение публицистов о междугосударственном владении, 1862 и немцу Fricker'у, Vom Staatsgebiet, 1867. Однако, корни ее уже содержатся в комментарии к Кодексу Наполеона и даже в еще более ранней феодальной публицистике, о чем см. у *Н. Н. Алексеева*, Собственность и социализм, 1928.

3) Эти последние заключения вытекают отчасти из предыдущих рассуждений сторонников субъектной теории, отчасти же имеют самостоятельное значение. Так, наприм., они не отрицаются и приверженцами теории объектной: можно говорить, что территория есть объект права и в то же время граница власти, что делает, напр., Laband, O. c., стр. 131. Но есть ученые, отрицающие теорию юридического лица государства, след., несогласные, что территория есть элемент этого лица, но в то же время утверждающие, что территория есть граница власти. К этим последним относится, напр., Duguit, Traité de droit constitutionnel, II, 1923, стр. 46, а также Kelsen, Allgemeine Staatslehre, 1925, стр. 147 и другие.

Вдумываясь во внутренний состав этих теорий, нельзя не установить, что в них, как было сказано, мы имеем дело со смешением некоторых теоретических суждений о государстве с утверждениями нормативно-политическими. Так теоретической истиной является признание территориального характера того союза, который называется государством. Теоретическим наблюдением является и то, что территория определяет границы власти над подданными, хотя всем известно, что в определении такой власти имеет место и не только территориальное начало, но и начало личное: подданный в некоторых отношениях подчинен государству, и находясь вне его территории. Что касается вопроса о том, властвует ли государство над своей территорией непосредственно или посредственно, то решение его зависит от условий места и времени: в одних отношениях власть эта непосредственна (там, где не признается частная собственность на землю) в других—посредственна (где это право признается). Бывают также разные степени этого права распоряжения государства своей территорией. Таким образом теоретический ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным, и если названные теории *категорически* придерживаются того или иного ответа, ясно, что они это делают не из теоретических, но из чисто политических соображений. В конце концов разница между этими теориями сводится к решению чисто нормативного вопроса, в праве-ли государство непосредственно распоряжаться своей территорией, подобно, скажем, собственнику, или же территорией непосредственно уполномочены распоряжаться граждане, а власть государства может регулировать только отношения между непосредственными обладателями территорией, подданными? Если бы эта проблема решалась на основании норм действующего в разных государствах права, она была бы чисто юридической; но так как общая теория государства решает ее скорее умозрительным путем, то проблема приобретает чисто политический характер. Общая теория государства проводит в своих построениях или политические требования утвердить более или менее абсолютные права частных собственников на землю, или же требования утвердить более или менее исключительное право государства на распоряжение землей, помимо прав собственников. Потому различные политические системы придерживаются той или иной из этих теорий: абсолютная патримониальная монархия более склонна поддерживать объектную теорию, так как монарх в ней считается «хозяином» земли; социализм и коммунизм склоняются к ней же, ибо придерживаются системы национализации земли государством. Наоборот, система политического либерализма придерживается субъектной теории.

Подобные, обладающие чисто нормативным смыслом,суждения,современная теория обращает в словесную форму суждений теоретических, что придает им характер наукообразный: «территория *есть* граница власти над подданными», «территория *есть* объект права» и т. д. Из этих общих положений выводятся более частные, имеющие также нормативный смысл, но выступающие, как теоретические, истины. Так популярная ныне субъектная теория учит, что территория в государстве неотчуждаема, что она неделима и т.д. На примере этих последних положений мы убеждаемся особенно наглядно, что имеем дело с нормами, а не с теоретическими суждениями. Ясно, что территория фактически и отчуждается и делится(напр.,после войн);вышеназванные положения имеют только тот смысл, что нормальное государство, не распоряжающееся непосредственно территорией (т.-е. государство либеральное), *не должно* отчуждать ее и *не должно* ее делить

(или не имеет права отчуждать и делить). Совершается таким образом широко распространенная подмена теоретических суждений о территории в государстве политическими нормами — и это выдается за теорию государства.

Между тем в различных специальных исследованиях, посвященных вопросам государствоведения, за последнее время совершенно независимо от так называемой общей теории государства, приобретен ряд общих наблюдений, освещающих с новой и *чисто теоретической* точки зрения вопрос об отношении государства к территории. Специальные исследования бесконечно опередили общую теорию государства и не нашли до сей поры ровно никакого выражения в этой последней. Обстоятельство это требует решительного пересмотра учения о территории, очищения его от нормативных, юридических и, главным образом, политических влияний и введения в него общего материала, приобретенного в исследованиях специальных.

Вопрос об отношении государства к территории на Западе был пересмотрен и освещен по новому в науке, называемой *гео-политикой* [1]). То, что в европейской науке подчеркнули гео-политические исследования, в русской науке совершенно самостоятельно осветило Евразийство. И не удивительно, что выводы западной гео-политики и русских евразийцев во многом совпадают, — обстоятельство, которое свидетельствует не об отсутствии у нас своеобразия, но о параллельном процессе осознания культурных своеобразий, происходящем и у европейцев, и у евразийцев. Гео-политические исследования утвердили, прежде всего, тот факт, что связь между землей и государством есть реальная, естественная, органическая связь. Поэтому и задача государствоведа сводится к изучению общих закономерностей, наблюдаемых в пределах этой связи, а вовсе не к политическим рассуждениям о том, что должно быть и к чему следует стремиться. С точки зрения западной гео-политики государство есть прежде всего «географический индивидуум» или явление, необходимо заключенное в формы земного пространства. Государство не может висеть в воздухе, и связь его с землей столь же естественна, как и связь с почвой растительных сообществ, напр., леса.[2]) Поэтому связь государства с землей не есть внешняя связь, это есть связь внутренняя, которую можно сравнить со связью между душой и телом. Государство выростает из своего тела, из земли,и многие черты государственной жизни определяются особенностями территории, на которой выростает государство. Сходные мысли формулируются и евразийцами. Для территории евразийцы применяют особое, очень удачно изобретенное *П. Н. Савицким* слово «месторазвитие», как бы особо подчеркивающее органический характер процессов исторической жизни человеческих обществ на определенной земле. С евразийской точки зрения государства являются родами «общежитий», построяемых на основе «генетических вековечных связей» «между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром, с другой». В «общежитиях» этих элементы «взаимно приспособлены друг к другу

---

1) О задачах этой области знания, кроме нижеприведенной литературы, см. программную статью в Zeitschrift für Geopolitik, hrsg. v. Haushofer und Obst. 1924, No 1.

2) Выражения цитированной в гл. 1 введения книги Kjellen, стр. 46, 53. Названный автор оказал огромное влияние на развитие геополитических исследований в новейшей европейской науке.

и... находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба», и в свою очередь влияют на внешнюю среду. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями, создает... *свой порядок*, *свою гармонию*, *свою устойчивость*»... По словам П. Н. Савицкого, «необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию». «Не только, конечно, социально-историческая среда без территории не мыслима, в чисто внешнем смысле этого слова, но действительно, не зная свойств территории, совершенно немыслимо хоть сколько-нибудь понять явления того или иного состава, особенности и «образа жизни» социально исторической среды» [1]).

§ 2. Территориальные типы государств.

Попытаемся формулировать те наиболее общие наблюдения, которые можно сделать об «образе жизни» государств в зависимости от свойств их территории или «месторазвития». «Месторазвитие», как и всякий протяженный и заключенный в пространственные формы объект, можно рассматривать с следующих четырех точек зрения: 1) с точки зрения величины; 2) с точки зрения формы; 3) с точки зрения местоположения в пространстве; 4) с точки зрения особенностей материи, из которой состоит «месторазвитие». Разберем названныя точки зрения по порядку.

1. *С точки* зрения величины все известные нам государство-образные исторические образования можно разделить на четыре вида [2]).

а) *Волость* (славянская «жупа», латинское «pagus», романское «pays», германская «Gau») — часть земли, пахотной или пастбищ, населенной несколькими родами или семейными общинами (славянская «вервь», «задруга»). В состоянии *волостного* политического быта современники находили древних славян. [3])Отдельные их племена были разделены на волости или жупы (иногда, по принципу происхождения, на «племена»), во главе которых стояли жупаны, воеводы, владыки или князья. «Разрозненность жуп вела к постоянным раздорам между славянскими племенами, замеченным и нашим летописцем, и писателями византийскими, арабскими и западными» [4].)В подобном же политическом состоянии *Тацит* нашел древних германцев. По описанию *Цезаря* галлы жили уже в той стадии политического быта,когда отдельные волости объединены были

---

1) Пользуюсь характеристиками *П. Н. Савицкого*, Россия особый географический мир, Прага 1927.

2) Классификацию эту я заимствую, в общих чертах, у W. Vogel, Politische Geographie, 1922, стр. 52.

3) Данные у *Бестужева-Рюмина*, Русская история, т. 1, 1872, стр.44.Цитаты из византийских писателей,рисующих полуанархический быт славян, можно найти также в Reallexicon der Indogermanischen Altertumskunde von Schrader,1917,I, стр.613 и след.—При этом я не рассматриваю вопроса о том, была-ли разбираемая форма государственных образований *генетически* первоначальной, или же она возникла на почве разложения некоторого предшествующего, более высокого политического строя, что думает Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, 5-te Aufl., Bd. I. Einleitung. стр. 13 и след.

4) *Бестужев-Рюмин*, стр. 47 и след.

в более широкие политические образования, которым он присвоил имя государств, civitas, что мы можем наблюдать также и у древних славянских племен.[1]) В сходных политических общинах жили, по всем вероятиям, древние финские племена, описанные *Ибн-Дастом*. «Нет у них верховного главы, который управлял бы ими и власть которого признавалась бы законною; есть у них в каждом селении по одному или по двое старшин, к которым они обращаются за судом в своих распрях». «Таковы были, вероятно, мордовские князья, о которых упоминают наши летописи XIV в., и вогульские, встречающиеся позднее: и те и другие, вероятно, только были старшинами селений».[2]) Идя далее в глубь истории, можно отметить, что из таких самостоятельных волостей состоял, как это изображает *Эдуард Мейер*, древний Египет. Каждая волость была отдельным государством, имела собственного бога, была отлична от соседней волости религией и нравами. [3]) К подобному же типу первоначальных государствообразных организаций нужно причислить и те территориальные группы, которые исследователи австралийских туземцев открыли, как постоянный социальный тип, наряду с организациями, основанными на поклонении одному тотему (одушевленному или неодушевленному предмету, от которого, по верованиям туземцев, они ведут свое происхождение и который считают своим покровителем) [4]). По формам политического устройства все эти первоначальные государствоподобные образования колеблются между первоначальной демократией и монархией, нередко избирательной, как это было и у славян, и у галлов, и у германцев, и у других племен.[5]) Дальнейшей существенной особенностью подобных государственных образований является отсутствие у них городов. Здесь мы имеем дело с типичными *«государствами деревнями»*, которые могут совпадать с одним поселением или же включать в себя несколько поселений, как это до наших дней еще существует в центральной Африке, государственные образования которой состоят из суммы деревень и не образуют городов.[6]) Но нужен, повидимому, всего один шаг, чтобы подобное «государство-деревня» превратилось в «государство-город». Группа домов окружается стеной, вырастает замок или кремль. Для развития подобных «государств-городов» особо благоприятствовали географические условия стран, лежащих у Средиземного моря, где эта форма процветала у финикиян, греков и римлян. Пространственно «государство-город» может не превосходить величиной «деревенское государство», однако, культурно оно образует особый политический тип, который не без некоторого основания можно противопоставить «государству-земле», как особому

---

1) Caesar, De Bello Gallico, 1, 12. *Бестужев-Рюмин*, стр. 47 и след.

2) Сведения, содержащиеся в этой и предшествующей цитате, у *Бестужева-Рюмина*, стр. 48, 69.

3) E. Meyer, Geschichte des Altertums, 5 Aufl., 1 Bd., 2-te Hälfte, стр. 7.

4) Ср. об этом A. Moret et J. Davy, Des clans aux Empires, 1923, стр. 7.

5) E. H. Parker, A Thousand Years of the Tartars. 2 ed., London, 1924, отмечает избирательный принцип у сиен-пийцев (сяньбийцев) и др. манджурских племен.

6) Ср. F. Ratzel, Politische Geographie, 3-te Aufl., 1923, стр. 155, 290.

политическому образованию, тяготеющему к овладению более или менее широкими пространствами[1]).

б) *Земля* (латинское «territorium», германское «Land»). Это — политические образования, возникшие в результате соединения значительного количества волостей и поселений под одной общей властью. Таковыми были древне-русские «земли», — как-то: земля Киевская, Волынская, Северская или, по племенным названиям, земля Кривичская, Дреговичская и т. п. [2]) Иначе, «земли» эти назывались «княжествами», что указывает на монархический характер объединяющей землю власти. Однако, были «земли» и республиканские, как, напр., Новгородская земля. Подобными «землями» были старые германские герцогства — Бавария, Саксония, Лотарингия, Швабия и др. или старые германо-гальско-романские княжества, напр., Бургундия, Нормандия, Аквитания.

Словоупотребление, свойственное народам индогерманского племени, тесно связало государственное образование названного типа с идеей государства вообще, что указывает на общераспространенность «государства-земли» на Европейском и Евразийском континентах. На германских наречиях «Land», «земля» и означают «государство», что отражается в названиях государств (Deutschland, England, Holland и т. п.). Этому же обозначению соответствует и русское слово «земля», в древнем употреблении тоже обозначающее «государство». В исторической науке не раз отмечалось, что в образовании таких «государств-земель» особую роль играли чисто географические условия, — а именно, наличность естественных и первоначальных путей сообщения, рек. Так «по речным областям сложились группы древних славянских княжеств». Можно сделать обобщение, которое и произведено было Л. Мечниковым, что все основные «земли», послужившие очагами образования великих древних государств и культур, сложились по речным областям, — Египет по Нилу, Ассиро-Вавилония — по Тигру и Ефрату, Индия — по Гангу, Китай — по Хуан-Хе и Ян-Цэ-Цзян, или, как это указано *П. Н. Савицким*, по водоразделам, как, например, кочевые государства на евразийском континенте[3]). «Речные» государства пережили стадию «государств-земель», превратившись потом в «царства» и «империи». Характерно, что «государство-земля» уже не является «деревенским государством». Образование этой политической формы всегда связано с образованием городов, к которым «тянется» земля. Таковым был у нас Киев, Новгород, Псков, города других наших княжеств. Так объединившиеся в одно целое древние египетские волости тянулись уже к древним городам [4]). История застает первоначальный известный период Ассиро-Вавилонии в состоянии раздробленности на отдельные княжества, в которых сидят городские князья. Но над ними начинает возвышаться один общий, высший князь, — другими словами, «земли» соединяются в одно «царство». [5])

в) Государство в тесном смысле этого слова или *«царство»* (латинское «regnum», немецкое «Reich»). Это—такой тип государственных образований, который в исторической действительности является преобладающим и которому по преиму-

---

1) Ratzel. O. c., стр. 290-91.
2) *Бестужев-Рюмин*, стр. 146.
3) L. Metchnikoff, La civilisation et les grands fleuves historiques, 1889. — *П. Н. Савицкий.* О задачах кочевниковедения, Прага, 1928.
4) L. Metchnikoff, O. c., стр. 105.
5) E. Meyer. O. c., стр. 433-44, 475.

ществу присваивается название «государство». Так называемые национальные государства нового времени, до эпохи европейского империализма и колониальной политики, всецело относятся к этому типу (Англия, Франция, Испания, Италия, Польша до раздела, Чешское Королевство). Но и более древняя эпоха знает огромные количества таких государств, возникающих, растущих, стареющих и умирающих. Примером образования «царств» в евразийском месторазвитии можно считать царство древне-болгарское. Болгары разделялись, как известно, на несколько племен (Волжские, Серебреные или Наукротские, Черемшанские, Хвалисские и т. д.), во главе которых стояли племенные князья и цари, потерявшие независимость в момент их соприкосновения с мусульманским миром (в начале X века). В означенное время посол калифа Муктодара, Ибн-Фодлан, прибыл в Болгарию из Хивы и нашел там одного верховного царя и четырех царей подвластных, — повидимому, предводителей отдельных племен. [1]) К такому же типу принадлежало Хозарское царство. Московское царство, образовавшееся в результате «собирания» московскими князьями различных русских земель, по крайней мере, в период своего сложения было именно таким «царством»,которое к тому же входило в область влияния более широкого политического целого, оставшегося от империи Чингисхана.

Как видно, большинство «царств» образовалось путем соединения отдельных земель, населенных одним племенем или иногда несколькими. Формы соединения земель в одно царство были весьма различными, — начиная с инкорпорации одних земель другими и кончая более или менее свободными федеральными соединениями, каковое имело место, напр., при образовании Германского государства (Deutsches Reich). Это последнее было типичным «царством» до эпохи германской мировой политики, пытавшейся превратить «Reich» в типичную «Империю». Старая Австрия являлась скорее «царством», чем Империей в смысле «государства-мира». [2])

г) *Государство-мир* (латинское imperium). Это самое большое из всех возможных политических образований. Больше него может быть только одно — совокупное человечество, объединенное в мировое государство.[3]) Обычно оно составляется из соединения под одной властью нескольких царств, которые входят в него, как колонии, доминионы, вассальные государства, федеральные части и т. п.

В качестве территориальной основы таких Империй бывает,обычно, некоторое географическое единство, которое можно назвать «частью света», — не в географическом, а в экономическом и политическом смысле. «Империя», как говорит один современный географ — «стремится заполнить собою часть света».[4]) К числу таких государств-миров нужно отнести в современной действительности Британскую Империю (площадь 30 милл. кв. кил.), Францию с колониями (11 милл. кв. кил.), Соединенные Штаты(9,7 милл. кв. кил.), Китай (11 мил.кв. кил.). В истории человечества такими государствами-мирами были Императорский

---

1) *Бестужев-Рюмин*, стр. 75.
2) Ср. для Австрии S. Schilder, Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft.
3) Vogel, O. c., стр. 66-7.
4) Ibid., стр. 67.

Рим, Империя Александра Македонского, Персидское Царство, Ассиро-Вавилонское Царство и др. [1]) Для нас особенно поучительно отметить, что таким государством-миром была и Империя Чингисхана, наследником которого, как учат евразийцы, является русское государство. Это последнее уже в Московский период было промежуточным образованием между «царством» и «империей», ибо перешло от «собирания земли русской» к собиранию «земли татарской» и уже в эпоху Ивана Грозного владело значительной частью «основного ядра» монархии Чингисхана. В период Российской Империи оно достигло основных пределов этого ядра, заполнив собою целую часть света (площадь 22 мил. кв. кил.) — Евразию. [2]) Русское государство не по названию, но по существу своему было «государством-миром» (империей), что признают не только евразийцы, но и западная наука. «Россия не есть национальное государство, Россия есть империя» — писал в 1916 г. грейсвальдский экономист *Мичерлих*. [3]) По мнению названного автора, многие из современных государств переросли уже размеры государств национальных (царств). Тенденция современного политического развития ведет к образованию больших политических *миров*, *самодовлеющих* и независимых. Мнения этого придерживаются и другие современные государствоведы и политики. [4]) В будущем, как предполагает один германский гео-политик, национальности удержат, конечно, большое политическое значение, однако эпоху *суверенных* национальных государств нужно считать перейденной в том смысле, что государства эти будут считать себя вынужденными примкнуть к более крупным политическим единствам. Есть некоторые признаки в пользу того, что подобные федеративные империи, коим, поистине, принадлежит будущее, скорее всего следует представлять, как географически замкнутые «государства — части света», созданные по образцу Соединенных Штатов. В этом смысле Лига Наций идет слишком далеко, даже можно подозревать, что ее несовершенная организация потому охотно поддерживается задающими тон современными великими державами, что она мешает образованию плодотворной континентальной федерации. [5])

---

1) Небезынтересно отметить размеры древних великих государств: Испания при Карле V — 12,8 мил. кв. кил., Монгольское царство (XIII в.) — 11 мил. (преуменьшенные данные), Калифат (X в.) — 10 мил., Персия (в 500 году до Р. Х.) — 5,6 мил., Римская Империя (III в. после Р. Х.) — 5,4 мил. Германская Империя (в 1040 году) — 1 мил., Ассирия — 0,9 мил. Ср. G. Schneider, Die grossen Reiche der Vergangenheit und der Gegenwart, 1904. — A. Supan, Leitlinien der allgemeinen politischen Geographie, 2-te Aufl., 1922, стр. 50, приводя названные цифры, добавляет: «Британская и Российская Империи *по величине своей суть единственные явления в истории*». — Нужно заметить, что монгольское царство XIII в, взятое вместе с зависимыми землями, по маштабам своим было не меньше.

2) *И. Р.*, Наследие Чингисхана, стр. 5, 23. По мнению G. Schneider'a, Die grossen Reiche der Vergangenheit und Gegenwart, 1904, всех империй в обозримой для нас истории было от 12 до 24.

3) Mitscherlich, Nationalstaat und Nationalwirtschaft und ihre Zukunft, 1916, стр. 35.

4) Напр., G. Jäger, Das Wesen des englischen Staates, Schmollers Jahrbuch, Bd. 39, стр. 41, также F. v. Schoenebeen, Staatslexicon hrsg. von Suher, 1926, Bd. 1. Слово «Autarkie».

5) Vogel. O. c., стр. 131. Ср. кн. *К. А. Чхеидзе*, Лига Наций и государства-материки. Евразийская хроника. No 8.

Поставим в заключение вопрос об отношении между величиной государства и формами политической жизни. В отношении этом есть один непреложный закон: величина территории есть одно из условий мощи государства или, другими словами, увеличение пространства является фактором увеличения государственной мощи. Однако, ошибочно было бы истолковать названное отношение в смысле полного отожествления величины и силы. [1]) История знает существование государственных колоссов «на глиняных ногах», так же, как существование незначительных государств, обладающих огромной мощью. Но мощное государство, именно в силу своей мощи, стремится к пространственному распространению, к увеличению территории, ибо, не обладая территориальной величиной, оно теряет одно из существенных условий, обеспечивающих силу. Впрочем, существуют чисто естественные пределы пространственной экспансии государств, переступая которые, государство рискует ослабить себя, а не усилить. Если считать, что предельной формой государственной величины является «государство-мир», которое стремится заполнить собою «часть света», то, естественно, каждое существенное увеличение государства за границы «части света» является скорее бременем, чем преимуществом. В указанном смысле можно утверждать, что по крайней мере «государство-мир», живущее на единой территории и совпадающее с определенным культурным типом, имеет самой природой и культурой поставленные границы. Можно говорить, далее, о влиянии размеров государственной территории на душевные качества и склонности живущих на ней народов. И можно, не без основания, вскрывать политическое влияние «широких пространств» и «узких пространств» на народную душу. «Широкие пространства России или Соединенных Штатов действуют *своей величиной и величиной того, что в них заключено.* К нашим представлениям о пространственной величине России присоединяется мысль о величественном однообразии ее равнин, о незнакомых Европе высотах Кавказа, о мощности рек и озер и величайших внутренних морей. Чем шире пространство, тем более верную картину всей земли оно представляет... Это способствует образованию величественных представлений в душе народов, обитающих в подобных странах и над ними господствующих... В великих пространствах гаснут природные различия земли, иногда просто исчезают за широтой горизонта. И так смотрит не только духовное око, — и политическая воля не придает им никакой цены, всячески подавляя их. Узкие пространства, напротив, придают подобным различиям большую цену... Германия, бедная естественными границами, настаивает на значении Вогез. Но Урал тянется между широкими равнинами северо-восточной Европы и северо-западной Азии. И, именно, вследствие сходности земель, лежащих по обе стороны Урала, граница эта не ощутима, она является только теоретической линией между странами, которые по климату и почве представляют единое целое и стремятся сделаться таковым и по своему населению. Урал не может умалить великое свойство России *быть наиболее единообразной из всех континентальных держав.*»[2]) Напротив того, узкие земельные пространства порождают то, что можно назвать узкостью, политическим провинциализмом маленьких государств (Die Kleinstaaterei). Ее описал *Нибур* в лекциях по древней истории эллинской культуры. «Народ имел довольство» — го-

1) O. Maull. Politische Geographie, 1925, стр. 119, 126.
2) Ratzel, O. c., стр. 261.

ворит он — «но не соединенное с возможностью упражнять свои силы, — и это довольство морально его понижало. Такое состояние не опасно, когда малые государства находятся в соприкосновении с большими государствами той же национальности. Но если они существуют изолированно, независимо друг от друга и приведены в состояние внутреннего покоя, то в них должно умереть все мужественное и значительное, уступив место жалкому, локальному тщеславию.»[1])

Наконец, политики издавна ставили вопрос об отношении величины государства к форме правления. Руссо, как известно, хотел вывести общий закон этого отношения, который он формулировал так: «чем более государство растет, тем более уменьшается свобода граждан.»[2]) Предположим, говорит он, что государство состоит из десяти тысяч граждан, тогда каждый из них, будучи гражданином, обладает одной десятитысячной долей в распоряжении государством; если же государство состоит только из ста граждан, то доля распоряжения каждого равняется одной сотой. Таким образом, в подданстве своем люди равны в любом государстве, гражданство же или политическая свобода уменьшается в зависимости от количества населения. А так как количество это зависит от территории, то политическая свобода, как думал Руссо, осуществима только в маленьких государствах-общинах. Чем больше государство, тем более оно расположено к деспотии. Обобщение это в общем является верным, — с той поправкой, что может быть ряд привходящих условий, его изменяющих, и что, при их наличии, деспотии могут процветать в маленьких государствах так же, как в больших государствах может долговременно преобладать свободный политический строй.

Представляется, наконец, небезынтересным установить отношение величины государств к формам хозяйства. Государству, живущему натуральным хозяйством, может соответствовать территория в несколько квадратных верст (первоначальное государство-волость); стадия городского хозяйства требует территории в десятки и сотни кв. верст; стадия хозяйства территориального — в тысячи и десятни тысяч кв. верст; стадия народного хозяйства — сотни тысяч верст; стадия материкового хозяйства — миллионы кв. верст; и, наконец, мировое хозяйство обнимает всю земную сушу. Из этих хозяйственных форм первые четыре соответствуют европейскому континенту, а первая и пятая — характерны для континента евразийского.[3])

2. *Форма* государственного *месторазвития* может быть рассматриваема с разных сторон. Прежде всего можно говорить о форме государства в смысле географического положения его на земном шаре, — с этой точки зрения государства можно разделить на расположенные *симметрически и асимметрически*. Асимметрией месторазвития мы называем его непропорциональное удлинение-которое может итти или по меридиану или по параллели. Примером меридиональной асимметрии государства можно считать республику Чили, территория которой тянется узкой полосой (от 110 до 140 км., лишь в одной провинции достигает 400 км.) вдоль берега Тихого Океана на протяжении 4.200 км. Примером асимметрии по параллели может служить современная Чехо-Словацкая республика. Са-

---

1) Цитировано у Ratzel, O. c., стр. 283.
2) Du contrat social, Liv. III, Chap. 1.
3) Пользуюсь характеристикой хозяйственных форм *П. Н. Савицкого.*

ма по себе удлиненность государства не является еще стрицательным явлением, хотя удлиненность по меридиану отвлеченно есть более положительное явление, чем удлиненность по параллели: первая доставляет государству более естественных возможностей, так как обуславливает большее богатство климатов и природных свойств. Удлиненность по параллели — абсолютно невыгодна, если государство лежит в землях крайнего севера или юга, — в таком невыгодном положении было бы государство, образовавшееся на всем протяжении северной Сибири. Однако удлиненность превращается в прямой минус с точки зрения положения государства среди других государств. Удлиненное государство стратегически находится всегда в положении худшем, чем государство симметрично расположенное, примером чего может служить стратегически тягостное положение Чехо-Словакии.

О симметричности и асимметричности государства можно говорить и с другой точки зрения, — с точки зрения характера его границ. Асимметричным является государство с границами, неправильно изогнутыми, имеющиее пограничные впадины и выпуклости. Типичным примером такого асимметричного государства является современное Польское государство с выходом в море в виде Данцигского коридора. Чрезвычайно асимметрично пролегала граница Австрии с довоенной Италией. Русско-германская граница с выдающимся углом Польши также не отличалась симметричностью.

Классический пример симметричного государства представляют Соединенные Штаты Северной Америки. Вытянутость по параллели уравновешивается значительным протяжением по меридиану (прибл., от 50 гр. сев. шир. до 30 гр. с. ш.). Такая меридиональная удлиненность доставляет государству возможность пользоваться всеми выгодами умеренного и субтропического климата. Границы Штатов, особенно северные, отличаются особой выпрямленностью. Наличность всех этих условий доставляет Штатам положение некоторого «самодовлеющего мира». В общем симметричным представляется нам и месторазвитие Китая и Русского государства. «Беря только восточные части Китая, мы видим, как вслед за областями, доступными всего лишь «северным» зерновым культурам, областями со средними годовыми ниже нуля... идут, в континентальной непрерывности, провинции, где процветают все сельско-хозяйственные культуры, свойственные умеренному климату... сменяясь затем странами хлопка и риса (субтропическими) и, наконец, тропическими у южного предела Китая». В России «гамма климатического разнообразия» не имеет такой полноты, как в Китае и Северной Америке, однако, «независимо от указанного климатического «изъяна», Россия заключает в себе удивительное богатство и разнообразие районов холодного и умеренно-холодного пояса..., дополняемых областями умеренно-теплыми и... частью субтропическими»...[1])

Наибольшее значение при характеристике формы государства имеет впрочем понятие территориальной *сплоченности и раздробленности*. Существуют государства единотерриториальные и многотерриториальные, — и это обстоятельство служит основой для установления двух совершенно различных типов государственных образований. Раздробленными бывают и «царства» (напр., Голландия и Бельгия с их колониями), но сплоченность и раздробленность месторазви-

1) *П. Н. Савицкий*, О. с., стр. 18.

тия есть преимущественное свойство «государств-миров». Среди них Россия-Евразия и Великобританская Империя являют собой примеры противоположностей прямо классических. Как было уже указано, из числа новейших государств, это суть два государства с наибольшими размерами месторазвития.

Причем территория первой представляет собой единый континент, территория второй разбросана по всему лицу земли и разделена величайшими водными пространствами. Экономические, политические и культурные последствия этих явлений—неизмеримы. Только своеобразная политическая поверхностность, свойственная современной цивилизации, решается обходить их молчанием и не делать из них необходимых социологических выводов. Великобритания есть государство-мир, в основе которого лежит *океанический принцип*. Политическое единство Великобритании есть единство океана, связующего ее разбросанные по всей нашей планете территории. Экономические выгоды такого положения — ясны. Английское хозяйство есть хозяйство океаническое и мировое. Океан есть более удобный, более дешевый путь обмена, чем континент, английское хозяйство поэтому «гораздо менее зависит от расстояний», чем континентальное хозяйство. Государство-континент, с точки зрения *океанического принципа*, неизбежно находится в некотором «обездоленном» состоянии, неизбежно стоит на задворках «мирового хозяйства». [1]) Свойственное каждому государству стремление к благосостоянию, очевидно, разрешается совершенно иными средствами в государстве океаническом и континентальном. В первом оно удовлетворяется более всего тяготением к свободе морей, во втором — путем экономической политики, направленной на удачное использование «континентальных соседств». В принципе, таким образом, океаническое государство, подобное Великобритании, лучше всего выполняет свои экономические задания, превращаясь в некоторую свободную «торговую компанию»; напротив того, континентальное государство достигает тех же целей путем увеличения мощи государственного аппарата и путем государственного регулирования. Таким образом, противоположность типов «свободного», «торгово-промышленного» государства, как Англия, и «тяглового», «военного» государства, как Россия, объясняется не размерами территории, но хозяйственными условиями. Наконец, нельзя не отметить весьма важных культурных различий между государствами многоматериковыми и одноматериковыми. Очевидно, в последних культурная связь населения должна быть более тесной, чем в первых. Океаническое государство, подобное Британской Империи, является агломератом народов совершенно различных культур, живущих в совершенно разных месторазвитиях. Все эти народы объединяются гегемонией правящей расы, — в нашем случае англо-саксонской. В континентальном государстве-мире различные национальности живут в одном месторазвитии и образуют одно культурное целое или, по крайней мере, находятся на пути к такому образованию. Политически Великобританию называют классическим типом демократии, — и это условно верно, пока мы имеем дело с политическими условиями жизни самой англо-саксонской расы. Но если мы перейдем к народам, населяющим колонии, — то «демократия» эта приобретает черты весьма андидемократические.

---

1) *П. Н. Савицкий*, О. с.

Учебники конституционного права почему то забывают, что английская демократия всего более похожа на демократии античные, которые знали «свободных и равных» граждан, с одной стороны, и бесправных, с другой. Презрение рядового англичанина к чернокожему — общеизвестно, и в этом презрении уже нет места никакому «биллю о правах». Русское государство никогда не считалось «демократией», но колонизация русскими континента-океана далеко не всегда была основана на порабощении и истреблении населения колонизируемых стран. Русские историки отмечают, что финские и тюркские элементы Евразийского континента не были уничтожены славянами, но вошли органической частью в славянство. Так было и с татарским элементом, который преодолела и восприняла Московская Русь. По справедливости нужно сказать, что органической частью России стали и кавказские народы. Немыслимо видеть в Англии министра-негра и даже индуса, но Россия знает военачальников-грузин и министров-армян. Разве только в императорский период заимствованные из Европы приемы колонизации стали приводить к гибели отдельные народности Сибири, — да и то более стихийно, чем в порядке плановости. Евразийский мир создавался путем превращения многокультурного и многонационального содержания океана-континента в наднациональную евразийскую культуру.

3. *Местоположения* государства в чисто физическом смысле этого слова мы отчасти уже касались, когда говорили о его форме, ибо форма необходимо связана с местоположением на земном шаре. К сказанному (см. выше) нужно прибавить только часто трактуемое различие между государствами *островными* и *континентальными*. Различию этому до сей поры придают принципиальное значение в смысле его влияния на политические условия государственной жизни. Еще не так давно *Шпенглер* пытался объяснить все особенности политического быта Англии островным характером этого государства, которое может жить в свободных, договорных формах, без постоянной армии, без сильной государственной машины.[1]) На этом было построено противопоставление Англии Пруссии, как континентальному государству. *Шпенглер* только упустил из вида, что другое островное государство, Япония, выработало как раз государственные формы, похожие на прусские. Не даром японцы заслужили имя восточных пруссаков. Следует с большой осторожностью относиться к слишком широким гео-политическим обобщениям, помня их значительную условность. Что касается до островных государств, то одно остается несомненным: островное государство имеет больше шансов жить в состоянии обособленного самодовления,—другой вопрос, на каком экономическом уровне и с каким количеством населения. И ясно, что при повышении того и другого, для островного государства создастся потребность экспансии, что случилось с Англией и Японией (см. ниже).

Гораздо важнее в смысле обобщений *политическое* положение государства среди других государств или вопрос о политических границах и политическом соседстве. Политических соседей не имеют только чисто островные государства, которые и можно назвать *изолированными*, как изолировано было первоначальное тело Великобритании и Японии. Можно сказать, что относительно не имеют соседей государства, возникшие в оазисах или чисто горные государства, но в мире историческом ни те, ни другие не играют видной исторической роли. Не нужно

1) O. Spengler, Preussentum und Sozialismus. 1921.

забывать также и того явления, что группы государств, не изолированных, если рассматривать их в пределах этой группы, могут быть изолированы от другой группы государств, не изолированных друг от друга. Так например, древние государства, возникшие на американском материке (государство майев), были совершенно изолированы от государств,возникших в так называемом старом свете (если только не считать реальностью Атлантиду). Это были две совершенно разных линии культуры, одна из которых отцвела к тому времени, как ветви другой, в эпоху Христофора Колумба, начали с ней соприкасаться. Обычно государства имеют политических соседей, причем количество их весьма различно. Небезынтересно установить сравнительную таблицу таких соседств. Португалия имеет одного соседа, американские владения в Аляске граничат с одним соседом (Канадой, английским доминионом). Сама Канада соприкасается с одним и тем же государством с двух противоположных сторон (С.Ш.А.). Соединенные Штаты имеют двух соседей, так же, как Испания и Норвегия. Трех соседей имеет Италия, четырех соседей имеют Китай, Югославия. Чехия имеет пять соседей, Франция — 7, Германия — 10, и нынешняя Россия (СССР) — 12. Вот это политическое соседство, конечно, не может не иметь влияния на внутренний строй государств. Чем более соседей, тем более государство должно развивать свой оборонительный аппарат. Государства, имеющие много соседей, принадлежат к типу государств военных и государств с сильной властной организацией, если только нет условий, нейтрализующих политическую роль соседей. Замиренные соседи не будут толкать государство к устройству военного аппарата,но в истории, как мы знаем, не было еще вполне замиренных соседей.

4. Остается рассмотреть государство с точки зрения тех особых природных качеств,которыми могут обладать месторазвития различных государств.Качества эти играют огромную роль в государственной жизни, ибо государство прежде всего питается соками своей земли, используя ее и обрабатывая (особенно в случае государств земледельческих). И у государства, как известного хозяйственного единства, всегда более или менее отчетливо проявляется стремление закрепиться на своей земле так, чтобы при помощи ее природных богатств удовлетворить все свои, хотя бы важнейшие, потребности. Поэтому все территории государств можно разделить на такие, которые способны доставить требуемые средства жизни, и на такие, которые не способны к этому. Деление это, конечно, не абсолютное. Необходимые средства жизни диктуются потребностями, и то, что нужно культуре первоначальной, является недостаточным для культуры развитой. Однако, существует ряд общих условий, делающих определенные части земной поверхности как бы специально приспособленными для образования самодовлеющих политических единств и их счастливого произрастания.Существуют территориальные очаги культуры, на которых имеется все необходимое для рождения государств, и на них-то государства имеют тенденцию возникать с необходимостью некоторых естественных фактов. Стремление государств основать свою жизнь на пользовании территорией вытекает из элементарной хозяйственной психологии: если мы попали после кораблекрушения на неизвестную землю, на которой принуждены долгое время самостоятельно жить, даже зная, что это не есть необитаемый остров, что где-то могут жить другие люди, — первым нашим стремлением будет устроить свою жизнь так, чтобы ни от кого не зависеть, чтобы самим удовлетворять все наши потребности. Еще неизвестно,

получим ли мы что-нибудь от других людей, дадут ли они. Это и есть стремление к *самодостаточности* , к автаркии, которое еще больше должно проявляться в жизни государств, чем в личной человеческой жизни. Пример, приведенный в пользу стремления к автаркии в отдельном частном хозяйстве, есть пример фиктивный, ибо люди обычно не хозяйствуют изолированно и находятся под защитой государства. Государству же в целом никто добровольно не помогает, и оно всегда может быть поставлено внешними отношениями в положение, в котором жизнь может поддерживаться только самопомощью.[1]) Поэтому каждое государство имеет стремление к самодостаточности, к автаркии, и если оно в этом отношении чувствует себя слабым, оно делает все, чтобы увеличить свои пределы и иметь возможность опираться на собственные силы. Разумеется, нельзя говорить об *абсолютной* автаркии государств, особенно развитой материальной культуры, так же, как неправильно истолковывать автаркию, как стремление отгородиться от других государств непроходимой «китайской стеной». Когда мы говорим о стремлении к самодостаточности, мы разумеем под этим желание быть независимым от других в основных и необходимых процессах жизни. И надо сказать, что достижение такого состояния, конечно, является для каждого государства некоторым практическим идеалом, доставляющим истинное сознание своей мощи.

Древние политики считали автаркию существенным признаком всякого государства. И действительно, стремление к автаркии особенно проявлялось в древних государствах, которые еще не были связаны отношениями торгового обмена со своими соседями. С развитием экономического обмена стремление к самодостаточности уменьшалось в своей силе и понятие автаркии даже исчезло из теории государства,было сдано в архив. Только очень незначительное число современных государствоведов выдвигают автаркию, как принцип государственных союзов.[2]) *Еллинек* сравнивает это понятие со старой монетой, которая по привычке еще ходит из рук в руки, так как позабывают спросить, не вышла ли она вообще из оборота.[3]) Он полагает, что корни этого понятия нужно искать в жизни древнего государства-города, где можно понять его смысл, но откуда оно едва ли переносимо на современные государства. Так дело обстояло в нашей науке до великой войны, после которой отношение к принципу самодостаточности государств резко изменилось. Война показала, особенно государствам средней Европы, насколько важна им была для победы автаркия. Одна из существеннейших причин проигрыша войны Германией лежит, именно, в том, что основное тело Германии не *довлело* себе, что Германия, в значительной степени, жила ввозом и что, очутившись отрезанной от мира, она должна была впасть в нужду и нищету, какая бывает в осажденной крепости. И вот опять, особенно в германской науке, постепенно выдвигается принцип автаркии, как известного, присущего государству стремления, направленного к полноте жизни, построенной на полноте средств существования.[4]) Целый ряд специальных научных исследо-

1) Von Wieser, Das Gesetz der Macht, 1926, стр. 269. Maull, O. c., стр. 533.

2) Напр., Haenel, Deutsches Staatsrecht, 1898, стр. 113.

3) Jellineck, O. c., стр. 438-9.

4) См. сочинения вышецитированных авторов по геополитике: Kjellen, Ratzel, Maull, Vogel и др.

ваний был посвящен за последнее время истории идеи автаркии и истории политических отношений различных государств с точки зрения их самодостаточности, — и исследования эти обнаружили много совершенно не отмеченных ранее, упущенных из вида черт. Казалось на первый взгляд, что идея автаркии окончательно отошла в вечность в эпоху, так называемого, мирового, океанического хозяйства, главным двигателем которого была Великобритания. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что вся мировая политика Англии была, если угодно, вдохновлена стремлением к автаркии. Только вначале это островное государство стремилось к автаркии в пределах своего центрального тела, а затем оно стало стремиться к построению самодостаточного целого путем включения в свою политическую систему колоний и доминионов. Первая задача нашла свое классическое разрешение в период наполеоновских войн и континентальной системы. [1]) В это время государственная жизнь и хозяйство Англии достигали некоторого максимума самодостаточности. Англия действительно превратилась в замкнутый организм, в котором действовали только одни внутренние, ему присущие законы. Так и представлялось английское хозяйство экономистам классической школы, в частности наиболее выдающемуся из них, *Рикардо*, экономическая система которого сводилась к объяснению принципов жизни замкнутого капиталистического государства,в котором он сам жил и которому принадлежал. Самодостаточность английского хозяйства позволила Англии развить до величайшего напряжения свои производительные силы и свою экономическую систему, которая стала как бы образцом капиталистического развития для всех других стран. Однако, в половине XIX века Англия стала постепенно отказываться от своей автаркии, и, наконец, совершенно потеряла ее. В настоящее время острова Великобритании являются типичными примером государства, которое не «довлеет себе», а довлеет всему миру, с которым торгует. Однако, есть основания предполагать, что потеря автаркии островов побудила Британскую Империю строиться так,чтобы она была автаркичной в своем целом. [2]) Конечно, при рассеянности британской территории подобное стремление можно удовлетворить только путем господства над морскими путями, оттого развитие флота можно рассматривать, как одно из проявлений стремления Англии к имперской самодостаточности.

Что касается других государств, то история знает замечательные примеры построения идеальных автаркических образований. «Нет другого государства на земле» — говорит *Ратцель*, — «кроме Китая, в котором жители могли бы удовлетворять все свои потребности из продуктов своей родины и не обращаться к другим странам. В этой независимости следует искать причину замкнутости и самостоятельного развития китайского народа и китайского царства. Китай независим от других народов и стран, что он сознает с гордостью. Отчетливо выступают в нем трезвость, ограниченность потребностей, старые традиции, уважение к своей истории и строгая приверженность к национальным особенностям и привычкам; все это воодушевляет и отличает каждого отдельного китайца и делает народ способным к борьбе за существование.» [3]) Что касается до других

1) G. Jäger, O. c., в примеч. 19.
2) Maull, O .c., стр. 36 и след.
3) Ratzel, O. c., стр 132.

государств, то многие из них переживали в своей истории периоды самодостаточности. Самодостаточным был Рим до эпохи империи, когда он стал пренебрегать земледелием и ввозить хлеб и другие продукты из заморских стран. Для многих древних государств Средиземноморского побережья автаркия была более политическим требованием, чем действительностью. Афины привозили хлеб из черноморских стран, Спарта — из Египта. В сильной степени автаркичной была Московская Русь, и стремлением к автаркии были вдохновлены военно-технические реформы Петра I.

Рассматривая с точки зрения автаркии современные политические образования, полезно сделать в них следующие разделения. В первую очередь следует назвать те из них, месторазвитие которых представляет наиболее пригодное для осуществления самодостаточности пространство. Из всего изложенного следует, что такое пространство должно быть цельным, неразорванным, так как разноматериковые государства, в которых автаркия осуществляется путем искусственного сочетания разных, соединенных морем частей земли, всегда уступают в смысле самодостаточности государствам единоматериковым, чисто континентальным. Нужно сказать, что кроме Китая существуют два государственных тела, вполне удовлетворяющих названным условиям: это — Соединенные Штаты Америки и Россия-Евразия (СССР). Что касается до первых, то они представляют действительно «особый мир», живущий при условиях интенсивнейшего частно-хозяйственного развития. Второй мир также достаточно автаркичен, и только этой автаркичностью можно объяснить возможность осуществления экономического строя, вдохновленного идеями коммунизма. Однако, экономическое развитие его пока слабо и идет особыми, не капиталистическими и не частнохозяйственными путями. Если в будущем произойдет дальнейшая стабилизация этих особых путей (что едва-ли возможно при существующей коммунистической системе), то мы будем иметь дело с двумя огромными антиподами, которые дадут две различные системы построения государства на принципе самодостаточности. Это — поистине будут два различных мира, около которых будут вращаться будущие политические судьбы нашей планеты.

В следующую очередь должны быть названы государства с рассеянной территорией, автаркия которых может быть осуществлена только на основе овладения морями и участия в океаническом хозяйстве. К числу их, прежде всего, принадлежит Британская Империя. Далее, в значительной степени условиям автаркии удовлетворяет и французская колониальная Империя. Франция ввозит к себе хлеб, но из собственных колоний и, в значительной степени, вследствие упадка собственного сельского хозяйства. Во Франции достаточно железной руды, и недостаток железного производства объяснялся нехваткой рабочих рук. Недостаток этот пополняется впрочем союзом с Бельгией. Достаточно во Франции вместе с Бельгией и угля. Германия представляет типичный пример государства, которое в теперешних своих условиях не может быть вполне автаркичным. Германия потеряла сельско-хозяйственные пространства на Востоке. Большие налоги мешают развитию сельского хозяйства. Отнятие колоний повысило потребность в покупке сырья, добыча железной руды уменьшилась, уменьшилась добыча угля. Отсутствует к тому же собственная нефть. В последнюю очередь нужно назвать государства существенно *не автаркические*, к числу которых принадлежит большинство европейских государств. Стремление их к образова-

нию некоторого единого целого — «Средней Европы» или «Пан-Европы» — в значительной степени объясняется соображениями хозяйственной самодостаточности.[1]) И вполне последовательно сторонники названных планов выключают из своего объединения Великобританию, Америку, и, конечно, Россию-Евразию, которые по природе своей тяготеют не к Пан-Европе, но к собственной экономической и культурной самодостаточности.[2])

Гл. 3. Народ.

§ 1. Существующие воззрения.

Не меньшими, если не большими недостатками обладают воззрения современной общей государственной теории на *народ*, как необходимый элемент государства. Воззрения эти, образовавшиеся под влиянием политических идей и идеалов нового западного человечества, — и в особенности, под влиянием учений естественного права, — имеют исключительно выраженный европейский характер. В основу своих взглядов на народ наиболее выдающийся из западных теоретиков государства, уже часто цитированный нами, *Г. Еллинек*, положил чисто политическую норму, формулированную *Руссо*, что в правильно построенном (т.е. согласно *Руссо* основанном на «общественном договоре») государстве народ, с одной стороны, является совокупностью *граждан*, принимающих участие в образовании суверенитета, с другой стороны, совокупностью *подданных*, подчиненных законам государства.[3]) Исходя из этой нормы *Еллинек* и полагает, что народ в государстве *исполняет* двойную функцию — во-первых, он является, подобно территории, элементом государства, как субъекта права, или-же, так как государство есть властный союз, субъектом государственной власти; во-вторых же народ *является* объектом этой власти, ее подданным.[4]) *Еллинек* думает, что такое положение народа логически вытекает просто из понятия государства, как юридического лица и логически от последнего неотделимо. А потому он считает, что там, где один из этих элементов отсутствует, там не применимо и понятие государства. Оттого *Еллинек* отказывается считать государством такое множество людей, которое стоит под одной властью, но не обладает субъективной стороной гражданства, как, напр., средневековое государство с феодальным владельцем во главе, господствующим над различными землями, население коих не образует единого юридического, корпоративного единства и не обладает единым гражданством. Равным образом не является для *Еллинека* государством

---

1) Как это проэктировалось Fr. Neumann, Mitteleuropa, Берлин, 1912, или проэктируется теперь Coudenhove-Kalergi, Pan-Europa, 2-te Aufl., 1924. Ср. также носящий названное наименование журнал и другие брошюры упомянутого автора.

2) Практическую невозможность построить самодостаточное политическое целое на основе объединения всех европейских государств доказывает известный геополитик Dix, в своей книге «Schluss mit Europa», 1928.

3) Rousseau, Contrat social, 1, 6.

4) Jellineck, O. c.

и государство рабов, во главе которого стоит единый властитель-хозяин, — воззрение, которое обязывает не применять идеи государства ко всем великим древним восточным деспотиям и монархиям. Прав был поэтому, по мнению *Еллинека*, *Аристотель*, который государственное общение считал общением свободных людей и полагал, что нет государства там, где нет права, — в смысле признания субъективных прав граждан. Таким образом, прибавим мы, своеобразное освещение получает уже знакомый нам взгляд *Орю*, который указал, что конституционный режим имел место два раза в истории, — в эпоху *Аристотеля* и в наше время. Оказывается, что в эти два момента только и существовало государство, а то, что называлось государствами в другие моменты, неправильно носило это имя. До какой политической абстрактности доходит этот взгляд, можно понять из того, что *Еллинек* склонен исключить из государственных явлений отношение между, скажем, германской Империей и ее колониями, ибо население этих последних, хотя и было подвластно Германии, не составляло с германским народом единства и не обладало политическими правами. Таким образом из кругозора государствоведа выпадает характернейшее для нового времени существование империалистически-колониальных государств. Государственную науку должна интересовать Британская Империя не как колониальная держава, а как совокупность политических взаимоотношений тех граждан, которые называют себя «свободными и равными». Другими словами наука о государстве призвана изучать только внутренние отношения правящей национальности, а не те многообразные отношения, которые эту правящую расу питают и кормят. Наука получает, поистине, характер однобокий, своеобразно классовый.

Из сказанного следует, что учение о народе в современной теории государства является не наукой, а преимущественно политикой. И не только потому, что теория государства суживает свой кругозор до пределов мира европейских государств. Даже и к этому миру современная теория подходит не с точки зрения желания познать, каким он есть, а с точки зрения стремления изложить, *чем он должен быть*, как он должен строиться. Современное учение о народе в учебниках общей теории государства и конституционного права обсуждает, в сущности, только одну, основную для нашего времени проблему: как *должен* вести себя народ в государстве, как должен проявлять себя, как должен проявлять свою волю. Мы не оспариваем закономерности такого вопроса, — подчеркиваем только то, что это — вопрос нормативно-политический, а не проблема теоретического знания. Между тем он выдается ныне за исследование в области теоретического знания, за чистую науку, и всякий, кто это будет отрицать, рискует быть обвиненным не только в ненаучности, но и в ретроградности, отсталости. Всего более характерно, что распространенное ныне «учение о народе» отождествляется с учением о *суверенитете народа*, т.-е. с учением, что *народу должна* принадлежать *верховная власть в государстве*. Те, кто отрицают это учение, напр., сторонники германской юридической школы в государствоведении, на его место ставят в наукообразной форме другое политическое учение, утверждающее, что власть в государстве должна принадлежать государству в целом, как особому субъекту, а народ в этом целом должен занимать место только органа государства. Причем все эти нормативные суждения высказываются в виде чисто теоретических истин, чему способствует то обстоятельство, что во многих современных

конституциях теория народного суверенитета приобрела характер нормы действующего права. Вследствие этого создается особо удобная почва подменить норму: «народу должна принадлежать власть» истиной: «народу принадлежит власть», опуская намеренно или ненамеренно оговорку: в «порядке юридических норм и деклараций, содержащихся в соответствующих конституционных текстах».

Только среди этих нормативно-политических и нормативно-юридических рассуждений более или менее случайно можно иногда нащупать те действительные теоретические воззрения на народ,которые там и здесь попадаются в современной теории государства. Названные воззрения представляют собою прежде всего смесь из двух исторически разных наслоений, — из естественно-правового атомизма и из отголосков некоторых идей, возникших в эпоху реставрации и реакции и созданных на почве критики теории естественного права исторической школой. Существо первого наиболее ярко выразил *Руссо*, для которого «общественный договор» изначала разрозненных и сошедшихся в одно место отдельных людей не только устанавливает государство,*но и родит впервые существование нации*. Народ, нация есть совокупность сговорившихся и согласившихся индивидуумов, выражение их доброй воли и их сознательных намерений. Человек — атом, отдельный индивидуум — вот первоначальное; нация же есть только его производное. Это есть тот индивидуалистический и эгалитарный взгляд на народ, как на совокупность равных людей, который до сих пор лежит в основании французских политических представлений[1]) и имеет широкое распространение во всем демократическом европейском мире. Правда, господство его ограничивается несколько распространением других,противоположных представлений. Широко распространившиеся исторические воззрения диктуют необходимость *другого* взгляда на народ, занявшего легитимное место во многих современных учебниках. Всем ныне известно, что человек «никогда не встречается вне общества», что «формирование нации» есть результат исторического, эволюционного процесса, что нация есть особый «политический организм» [2]), что она особая «реальность», хотя и не является особой личностью, стоящей наряду с человеческими индивидами.[3])Это — средний багаж современного научного сознания, — багаж среднего веса, который все тащат, часто не вполне понимая, почему и зачем. Разве только — по одной причине — по видимой неудовлетворительности противоположных, атомистических представлений. Но несмотря на общепризнанность названного минимума «исторических» и «органических» воззрений на народ, *практическое* господство естественно-правовой теории нации продолжает еще ощущаться. Когда современные учебники начинают развивать в подробностях учение о нации, эта последняя представляется им именно, как совокупность граждан. Гражданин участвует в народном суверенитете в силу того, что он человек (en vertue de sa simple qualité d'homme).[4]) Народ не рассматривается, как разделенный на социальные группы, на классы, даже на политические партии.

---

1) См. характерные определения у J. Barthélemy et P. Duez, Traité élémentaire de droit constitutionnel, 1926, стр. 61.

2) Слова, принадлежащие Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 3-e édit., 1921, стр. 291, 295.

3) Duguit, Traité, II, стр. 12.

4) J. Barthélemy, O. c., стр. 62.

Воззрения, которые склонны считать народ составленным из органических частей органическим целым и которые требуют в силу этого изменения современных политических институтов, считаются синдикалистскими и даже большевицкими.[1]) Оправдание этих явных односторонностей современной доктрины можно искать в характере нынешних демократических институтов западного человечества. Современная демократия, как это прекрасно показал *Бенуа*,[2])в учреждениях своих, а не только в идеях, насквозь пропитана духом атомизма и индивидуализма. Демократические учреждения всех, даже самых передовых демократий не знают того действительного, а не абстрактного только народа, который состоит из предпринимателей и рабочих, фабрикантов и торговцев, рантье и спекулянтов, потребителей и производителей; они знают отвлеченного человека-гражданина, голосующего индивидуума, — и для них народ, совсем по *Руссо*, есть совокупность таких отвлеченных граждан.

Нельзя не отметить, наконец, и еще одной политической черты современных взглядов на народ, развиваемых современными учениями о государстве и конституционном праве. Нельзя не заметить, что в большинстве этих учений живущее в государственных формах население всегда отожествляется с национальностью. Современная, по характеру своему, политическая доктрина о народе есть, в сущности говоря, *политическая доктрина национального государства.* Поэтому последним и последовательным практическим требованием этой доктрины и является лозунг *самоопределения национальностей.* Каждая национальность имеет право и должна получить государственные оформления. Нормальным, следовательно, нужно признать бытие национальных государств вроде Франции, Германии, Англии. Более или менее не нормально бытие государств многонациональных. Или, при обычном ныне превращении нормативных суждений в теоретические: совпадение государства с национальностью есть своеобразный закон; государство есть особо оформленная национальность. При этом забывается, что национальное государство есть только исторический продукт определенной эпохи. Из известных нам территориальных форм государственных образований самая крайняя—волость — всегда менее национальности; «земля» (territorium) может совпадать с племенем, может и не совпадать; бесконечное количество «царств», известных нам из истории, было многоплеменным и многонациональным; тем более многонациональным нужно признать «государство-мир»(imperium). Следует прибавить, что отвлеченным является взгляд, утверждающий, что современные Британское или Французское государства — однонациональны. А колонии, играющие столь большую роль в существовании этих государств? Разве там нет «народа»? Или его не нужно называть «народом», так как он зачастую еще не получил политических и даже гражданских прав? «Народ», стало быть, это только правящая национальность, понимаемая в отвлечении от ее социальных делений и различий? Такой «народ»может быть очень нужным проводителю в

1) Ibid., 64-68.

2) Ch. Benoist, La crise de l'Etat moderne, vol. I, 1897. Мнения об атомистическом характере демократического государства высказывались и ранее, но они связаны были с критикою теорий естественного права и имели характер теоретических рассуждений. *Бенуа* придал критике демократии практический характер, противопоставляя *органическую* демократию демократии современной, неорганизованной.

жизнь известных политических начал, но он совершенно не нужен объективному исследователю, стремящемуся построить «теорию государства».

Среди современных конкретных исследований, много опередивших сложившееся в учебниках учение о народе, не обособилось никакой отдельной дисциплины, которая, подобно гео-политике, специально была бы посвящена изучению соответствующих вопросов и проблем. Однако, в новейших изысканиях преимущественно в области историософии и философии культуры, содержится достаточное количество материала,заставляющего пересмотреть вопрос о народе, как элементе государства, и поставить изучение этого необходимого элемента совсем на иную почву,чем это принято в учебниках общей теории государства и конституционного права.

Народ есть, прежде всего, физическое существо или совокупность физических существ.Поэтому имеется целый ряд чисто физических проблем народонаселения, которые и подлежат изучению отдельных наук о человеке. Однако, проблемы эти не вносят ничего принципиально нового в общую теорию государства. Чтобы приобрести принципиально новую установку по отношению к вопросу о народе в государстве, для этого нужно покинуть область чисто физических понятий. Можно описывать народ со стороны его величины, физических форм, местожительства в пространстве, биологических свойств, но не эти стороны жизни народа определяют его место в государстве. Место это определяется качествами народа, как *существа психического;* но описание психического всего менее исчерпывается чисто физическими признаками. Существуют следующие новые точки зрения, которые обладают познавательным интересом при изучении одушевленных предметов — и их-то нужно применить к описанию того, что называется «народом», и, именно: 1) *кто* составляет этот народ или, другими словами, *кто* является носителем душевной жизни народа, кто является ее *субъектом;* 2) какие душевные состояния этого субъекта определяют жизнь государства (напр., подсознательные переживания или сознательные, чувствования или разумная сознательная деятельность и т.п.);каково качество, глубина и степень этих состояний; 3) что эти состояния означают, какой смысл в них раскрывается.

§ 2. Народ, как органическое единство.

1. Непосредственному, наглядному опыту, по крайней мере, современного человека западной культуры всего более соответствует взгляд на общество, как на совокупность, составленную из множества отдельных человеческих существ. В общественных явлениях, как утверждал один из выдающихся социологов ближайшего нам прошлого, *Георг Зиммель*, «предметами соединения являются самостоятельные существа, духовные центры, персональные единства».[1]) Поэтому когда мы говорим об обществе, здесь не может быть никакой речи об «абсолютном растворении в душе другого субъекта». Сущность социальных явлений лучше всего определяется понятием «контакта» моего «я» с другими человеческими «я». В результате такого контакта получаются действия одной ду-

1) Simmel, Soziologie, 1908, стр. 29.

ши на другую душу, — причем действия эти суть действия не непосредственные, но так сказать, «действия на расстояние». «Социальные явления возникают единственно из *коллективного действия множества людей*; между тем, как явления, просто названные нами психическими, фактически связаны только с душой индивида». Необходимое предположение множества взаимодействующих личностей есть, таким образом, «характерная черта социальных явлений». При таком предположении, очевидно, носителем общественного сознания может быть только отдельный человек, отдельная психика. Никаких иных носителей нет и быть не может. Иными словами, социология должна исходить из воззрения, которое чрезвычайно удачно выразил однажды известный философ и психолог, *В. Джемс*. «Мы полагаем», — говорит последний — «что существа могут прежде всего сами по себе существовать, и, так сказать, питаться своим собственным существованием, и лишь косвенно *узнавать друг друга*».[1])Социальный процесс и складывается из различных столкновений отдельных, самостоятельных существ, которые косвенно друг друга знают. В результате таких столкновений могут рождаться особые явления, которые никогда бы не возникли, если бы «я» не встретилось с другим «я» — и эти явления мы называем *социальными*. Такие явления по природе своей междуличны (интерпсихичны). Разыгрываются они в отдельных человеческих душах, изначально раздельных и самостоятельных. Такие отдельные души являются истинными субъектами, переживающими «социальное», безразлично в каких видах оно рождается и какие формы принимает, — формы ли «национального сознания», или «корпоративного духа», или «организованной в государство народной воли» и т. д.

Как ни близки подобные воззрения современному сознанию и как ни распространены они в науке, — против них можно сделать ряд существенных и веских возражений. Начать следует с указания на то, что возможность существования отдельных, совершенно независимых человеческих личностей представляется несомненной и очевидной только для современного, пронизанного чувством индивидуализма человека. Люди старых органических культур, вовсе не ощущают своей оторванности от общественного целого так, как ощущаем ее мы. Примеры полного отсутствия чувства индивидуальности и поглощенности индивидуума обществом — довольно общеизвестны: ими наполнена не только история культур примитивных, но их можно наблюдать и в древних, высоко развитых культурах Востока (напр., в Китае), и даже в культуре греко-римской, в те периоды, когда еще в нее не проник позднейший индивидуализм. Подобные отношения личности и общества имеют в виду современные органические воззрения на государство, считающие, что современный индивидуализм есть зло, которое должно быть рано или поздно преодолено. Истинное, «естественное» государство, для органистов есть такое, в котором все «смешано в некоторое живое целое, и формы социальной жизни не умещаются в границы, которые стремится им навязать позднейшая культура». Подобное государство как бы погружено в «состояние бессознательности». «Все в нем управляется обычаем, все слито в одно целое через посредство родового инстикта, отдельная личность всецело погружена в служение одному, общему делу, — национальной религии,

1) *Джемс*, Вселенная с плюралистической точки зрения, 1911, стр. 33.

нравам и общим хозяйственным интересам».[1]) Личность существует не «для себя», но только для целого; в каждом личном акте выражается интерес рода, и не личное сознание, а родовое является деятельным агентом этой общественной жизни.

Современное сознание западных народов не живет в подобной духовной атмосфере, оно погружено, как мы сказали, в индивидуализм, но есть признаки, указывающие, что индивидуализм этот начинает тяготить современного человека. Оттого современная социальная теория с особой любовью говорит о «преодолении индивидуализма», оттого снова воскресают органические воззрения на государство, оттого индивидуализм подвергается развенчанию не только в теории, но и в политической практике (в фашизме, в коммунизме). И в результате всех этих процессов укрепляется убеждение, что общественной реальностью является не личность, а социальное целое. Кто знает, быть может, для будущих поколений наглядный опыт с такой-же очевидностью будет говорить нечто, совершенно противоположное воззрениям, которые до сих пор казались неоспоримыми: что общество есть нечто первоначальное, а отдельные личности, духовные монады, — только производные части, несамостоятельные величины.

В пользу органической природы социальных явлений говорит также наблюдение процессов рождения, жизни и развития человеческих обществ. Все те, кто взирают на общественные явления, как на результат более или менее случайного контакта изначально самостоятельных личностей, неизбежно должны рассматривать социальный процесс, как искусственный и механический. Наиболее наивной формулировки достигало это воззрение в старых учениях естественного права, для которых государство и общество являлись искусственным изобретением людей, продуктом договора, который можно заключить, но можно и расторгнуть. Как только он расторгнут, люди расходятся в разные стороны и начинают вести изолированное состояние. Полемизируя с этими воззрениями, органисты справедливо указывают, что социальный процесс, в котором одно «я» «встречается» с другим, обнаруживает те же черты, что и процесс развития отдельных животных организмов. Социальные единства, как это отмечалось уже старыми органистами, возникают естественно, а не случайно. «Напрасно мы будем искать в анналах истории договор, власть, происшедшую на основании права, государство, организующееся при помощи юридических форм». «Государство есть естественное явление, естественное состояние человеческого рода»[2]). Оно является как бы продолжением природы, и в его образовании принимают участие те же силы, которые образовали первичные агломераты клеток и превратили их, в результате долгой эволюции, в сложные органические целостности. Отдельная человеческая личность в этих процессах играла очень незначительную роль. Развитие социальной жизни происходило не через ее сознание и волю, но в силу влияния общих биологических причин, для которых личности являются не автономными «субъектами» общественного бытия, но чем то вроде органических клеток, составляющих биологический организм.

---

1) J. Wagner, System der Idealphilosophie, 1804, стр. 114-15.

2) См. подробнее об этом *Н. Н. Алексеев*, Очерки по общей теории государства, стр. 101 и след.

К этим культурно-историческим соображениям важно присоединить еще очень существенный, чисто философский аргумент, направленный против взгляда на общество, как на взаимодействие вполне самостоятельных личностей. Взаимодействие самостоятельных элементов возможно только в том случае, если их объединяет некоторое первоначальное единство, если *а* действует на *в*, — это значит, что существует некоторое единство *М*, которое обнимает собою *а* и *в* и делает возможными их взаимные влияния, их «контакты». Если бы этого *М* не было, *а* и *в* были бы двумя, совершенно различными мирами, «каждый жил бы своею жизнью, не придавая другому значения, не считаясь с ним, как мир ваших грез не считается с миром моих грез».[1]) Итак, чтобы взаимодействовать, «они с самого начала должны быть связаны друг с другом, заключаться друг в друге, их природы должны находиться в прирожденном взаимодействии». Таким образом для самой возможности «контакта» между личностями необходимо предположение какого то «междуличного нечто». Органисты и называют его «общим», «коллективным» духом, «коллективным, социальным сознанием». Наличность последнего необходима в каждом социальном целом, будь это семья, племя, народ, государство. Отсюда они и приходят к допущению существования особых, социальных, коллективных или «многочеловеческих» личностей, подобных личностям «одночеловеческим». Мы подходим, таким образом, к основному тезису органической теории общественных явлений, — к тому тезису, который был формулирован еще в глубокой древности, который господствовал в европейской науке в первой половине XIX века и который на наших глазах опять начинает становиться популярным.

2. Существуют весьма различные варианты органических воззрений на социальные единства. Наиболее известными из них являются *органическая теория общества* и *органическая теория государства*. Первая из них имеет преимущественно французско-английское происхождение, вторая выросла на германской почве. Их отличия в следующих выражениях были формулированы одним из французских социологов, *Вормсом:* «Государство и общество суть две совершенно различные вещи... Общество есть самопроизвольное единение существ: поэтому есть полное основание сравнивать его жизнь с столь же самопроизвольным развитием индивидуумов. Напротив, государство источником своей жизни имеет такие факты», «которые происходят из открытых волеизъявлений и из разумных актов людей». [2]) Поэтому, заключает Вормс, к государству не применимы органические сравнения. В органической теории общества нашли свое выражение некоторые анархические тенденции, свойственные англо-романской расе. Государство здесь рассматривалось, как некоторое искусственное образование, как продукт внешнего насилия. Ему противопоставлялось истинно органическое бытие общества в его разнообразных формообразованиях, которые мы получаем в чистом виде тогда, когда снимем с них искусственную и насильственную форму государства. Напротив того, в органической теории государства проявляется этатизм германской расы. Для нее государство есть не только организм, но и *высший* из организмов. По классическому определению *Гегеля* государство есть «действительность нравственной идеи — нравственный

1) *Джемс*, Цит. соч., стр. 31.
2) Revue du droit public, T. VI, 1896, стр. 66.

дух, как выявленная, сама себя опознавшая, субстанциальная воля, обладающая самомышлением и самопознанием и исполняющая, в меру своего знания, то, что она знает». Государство, как учили и другие органисты германской школы, проникнуто нравственной идеей, оно не может не быть нравственным, так как нравственность не имеет никакого другого существования, кроме той, которая выражается в государственных формах.

Если сторонники органической теории общества склонны были отрицать органическую природу государства, то, напротив, сторонники последней отнюдь не отрицали существование других социальных организмов, помимо государства. Так, напр., *Гегель* изложил в своей «Философии Духа» теорию социальных единств, гораздо более первоначальных, чем государство. [1]) По его учению, облеченное в природное существование духовное начало пронизывает физическую жизнь нашей планеты и обособляется, сообразно с конкретными, географическими различиями земли, в особые духовные целостности чисто физической природы,— в своеобразные коллективные организмы, подобные организмам физическим. Это прежде всего суть *расы*, дробящие человечество на несколько психо-физических типов, отражающих особенности той географической среды, в которой они произошли. Расы, в свою очередь распадаются на еще более частные организмы, которые можно было бы назвать «партикулярными местными духами», жизнь которых находит свое проявление в особенностях быта, склонностей, занятий и, более всего, во внутреннем характере отдельных человеческих обществ и общественных групп. Это суть народы и нации, являющиеся также самостоятельными организмами. Национальные различия являются не менее прочными, чем расовые. Постоянные климатические условия, все особенности земли, на которой живет народ, влияют на постоянность и неизменность его характера. Таящиеся в темном, неосознанном бытии народной души сознательные потенции могут превращаться в актуальное состояние, достигать ступени самосознания и становиться разумным царством народной жизни. Полного самосознания своего народный дух, по мнению Гегеля, достигает в государстве.

В новейшее время органическая теория социальных единств привела к распространенному ныне учению о существовании особых культурных организмов или культурных личностей. Учение это возникло в современных историко-философских размышлениях о существе западной культуры, о ее кризисе и о множественности человеческих культур, сознание которого было утрачено западным человечеством под влиянием переоценки своей собственной культуры,— своеобразного культурного эгоцентризма. Историко-философские взгляды эти формулированы были почти одновременно у нас *Н. С. Трубецким*, [2]) в Германии— *Шпенглером* и подкреплены значительным этнографическим материалом в исследованиях *Лео Фробениуса*. [3]) «Не воля человека», как учит эта теория, «порождает культуры, но культура живет «над» человеком», «переживает его». Каждая культура, если рассматривать ее формы, связана с определенной землей, с культурным кругом; формы меняются при пересадке их на другую почву и при смешении порождают новые формы. Оттого-то и приходится каждую куль-

1) Hegel, Philosophie des Geistes, § 514.
2) *Н. С. Трубецкой*, Европа и человечество, София, 1920.
3) O. Spengler, Untergang des Abendlandes, Bd. I, 3-te Aufl.
L. Frobenius, Vom Völkerstudium zur Philosophie, 1925.

туру, в противоположность к ее носителям-людям, представлять, как самостоятельный организм; приходится рассматривать каждую культуру, как самостоятельное живое существо, которое родится и проходит периоды своего детства, зрелости и старости. *Фробениус* предлагает заменить слово «культура» греческим понятием «пайдейма», что означает нечто, подлежащее развитию и воспитанию. «Пайдейма» есть как бы самостоятельное существо, имеющее собственную жизнь и развивающееся по законам этой собственной жизни. [1])

Само собою разумеется, что изложенные воззрения имеют огромное значение и для вопроса о существе понятия «народ» и для проблемы государства. Приходится, прежде всего, признать первенство идеи культуры сравнительно с идеей «народности», «национальности». То, что называется «национальностью», складывается из двух моментов, — чисто физического или расы, племени, — и психического, известных душевных склонностей, задатков, чувствований и стремлений. [2]) Приходится признать, что в истории культурных форм большее значение имеет не раса, и не особые племенные склонности, но принадлежность к известному культурному миру. Такой вывод и делает Фробениус, утверждая, что культура или «пайдейма» образует и обусловливает собою расу, и принуждает людей итти по положенной им дороге, властвует над людьми и позволяет развиваться только в определенном направлении. [3]) Так, скажем, для понимания культурных форм жизни какого-либо западного народа основоположное значение имеет не то, что это народ романской или англо-саксонской расы, но то, что *он принадлежит к европейскому культурному миру, входит в европейскую культуру*. Также и для понимания культурных форм евразийского мира важно не то, что его народы принадлежат к различным племенам, но то, что все они входят в одну культуру.

Сказанным, конечно, не отвергается значение в познании культурных форм чисто племенных особенностей и отличий. Народ или племя также есть самостоятельная личность, но низшего, второго порядка. Основные стимулы, например, английской культурной жизни даны европейской «пайдеймой», но частные особенности стиля английского государства создались под влиянием индивидуального характера англо-саксонской расы. Английский политический строй был образцом для Европы, ибо на островах Великобритании с особой яркостью выразились некоторые общие черты европейского культурного мира. Но те особые оформления, которые приобрели английские политические учреждения при переносе их на континент, могут быть объяснены только народными свойствами племен-подражателей.

3. При оценке всех этих теорий о коллективной, «многочеловеческой» «личности» следует прежде всего различать присущий им политический момент от момента чисто фактического и опытного. Почти все без исключения органические теории общества и государства, выступая , как *научные*, социологические теории, призванные изучить вопрос о *существовании* коллективных личностей и о их свойствах, исходили в то же время из скрытого или явного предположения, что органическое строение общественного целого есть состояние более совершен-

1) Frobenius, Цит. соч., стр. 40.
2) «Die Rasse im gestigen Sinne» — «раса в духовном смысле», как говорит *Шпенглер*, Preussentum und Sozialismus, стр. 22.
3) Frobenius, Цит. соч., стр. 213.

ное, чем состояние атомистической раздробленности общества на отдельные, независимые индивидуумы. Учение о социальных организмах становилось, таким образом, политическим учением о социальном идеале, — о совершенном обществе, о правильном, справедливом государстве. Идея «органического» приобретала тем самым этико-политический характер. Следуя основной нашей задаче, отделять, по мере сил и возможностей, науку от политики, мы решительно возражаем против этого смешения и решительно устраняем из пределов теоретического государствоведения проблему о ценностном (аксиологическом) существе идеи «органического». Мы ставим вопрос чисто фактически и эмпирически, т. е. спрашиваем о том, представляется ли с точки зрения опыта возможным существование коллективных организмов, и что может внести в науку гипотеза, утверждающая их реальное существование.

При ответе на этот вопрос нужно начать с соображений историко-генетических. Человеческие общества произошли в результате действия тех же самых биологических сил, как и общества животные, — общества муравьев, пчел, термитов. Органисты совершенно правы в своем утверждении, что общественную жизнь нельзя рассматривать, как изобретение разума, но на нее нужно смотреть, как на одну из фаз естественного развития организмов. Но это же развитие соединило в органические аггрегаты и первоначальную материю клеток, образовав их «колонии», о которых трудно сказать, суть-ли они «общества» или «организмы». В известном смысле и всякий организм есть достигшее особой ступени развития «общество» клеток, — поэтому так трудно провести различия между «обществом» и «организмом». Возражения против уподобления общества организму общеизвестны, и нет надобности подробно на них останавливаться. [1]) Говорят, что элементы общества пространственно разобщены (дискретны), тогда как элементы организма пространственно слитны; что общество, в противоположность организму, не имеет определенной формы (аморфность), что оно недоступно внешним чувствам, не видимо и не осязаемо (психический характер), что в обществе нет единого, концентрированного сознания, что общество управляется сознательными действиями, а не бессознательными силами, что оно существует для своих частей, а не части для него, как в организме, что элементы общества более самостоятельны по сравнению с клетками и т. п. Но против каждого из этих утверждений можно привести существенные возражения. Пространственная удаленность членов общества есть вещь очень относительная: с точки зрения отдельной клетки физический организм не представляется столь пространственно слитным и единым, как с точки зрения внешняго наблюдателя. Если-бы клетка обладала сознанием, то, возможно, она ощущала бы свою «дискретность» не менее, чем отдельная часть социального организма. Что касается до «аморфности» общества, то и многие организмы не обладают постоянными формами. При том предположении, что элементарные психические функции присущи всякой живой материи, отпадает соображение об исключительном «психическом» характере общества: наличность элементарной психики следует предположить и в любом организме, причем, на низших ступенях органи-

1) Ср. Discussion au troisième congrès de l'Institut intern. de Sociologie в «Annales de l'Institut», Paris, 1897, T. IV. Также Discussion à la Société de Sociologie de Paris, janvier - fevrier, 1897.

ческого развития, психика эта, вероятно, так же «разрежена», как и в человеческом обществе, — нет никакого единого центра душевной деятельности и единого, концентрированного сознания. Последнее появляется на высших ступенях органической жизни, которых не достигли аггрегаты живых существ, называемые «обществами». Нет никакой принципиальной противоположности между «сознательными» действиями, которыми управляется «общество», и «бессознательными», которыми управляется организм. То, что кажется «сознательным», на самом деле может быть проявлением чисто бессознательных побуждений. Наконец, и в обществе и в организме всегда существует гармония между интересами целого и интересами частей. «Самостоятельность» личности без «общества» очень относительна. Впрочем и клетка может обладать такою «самостоятельностью», так как способна некоторое время жить вне связи с организмом.

Таким образом каждое возражение против органической теории общества подвергается сомнению, на каждое отрицание находится не меньшее количество утверждений. При таком положении всего правильнее было бы заключить, что *органическая струя* всецело вошла в общественную жизнь животных и человека. Присутствие ее и делает, с некоторой точки зрения, оба ряда явлений неразличимыми. Так бывает, впрочем, в каждом процессе развития: низшие ступени вовсе *не уничтожаются* высшими, но входят в них, как момент. Отсюда, конечно, не следует, что на высших ступенях нет никаких новых моментов. В отрицании их заключается главная ошибка крайних органистов, какими были Спенсер, Лилиенфельд, Шеффлэ и др. Для них человеческое общество в теперешнем состоянии было тем зачаточным социальным аггрегатом, который мы наблюдаем у морских губок, амеб и т. п. Общество термитов было для них уже более высоким социальным образованием. Самым же высшим был биологический организм, пространственно единый и оформленный, построенный на крайнем разделении органов и функций, с единым, концентрированным сознанием и единою волею. Если человеческому обществу суждено развиваться, то оно должно развиваться, как думали они, в этом направлении.

Органисты не видели, что человеческое общество есть не только органический процесс, но и нечто *сверхорганическое*. Сверхорганическая струя общественной жизни обусловливается тем, что человек есть не только биологический организм, но и личность. Личностью же мы называем то, что по существу своему не может быть определено, как вещь, субстанция или предмет. Существо личности составляет ее свободная актуальность, —способность совершать различные, направленные на известный предмет, духовные акты (любить, познавать, стремиться и т. п.), сознавать их и переживать в процессе их исполнения. Личность в этих своих качествах ощущает себя, как существо сознательное, осмысленно действующее, ответственное за свое прошлое, настоящее и будущее. Оно не только живет и нечто переживает, но и отдает отчет в том, чем живет и что переживает. Оно не только обладает телесно-душевным бытием, но и чувствует себя принадлежащим к высшему, духовному миру, к миру смысла, раскрывающегося во всем, что дано и пережито. Социальное единство, составленное из подобных личностей, будет включать в себя, очевидно, нечто большее, чем единство, составленное из простых, биологических организмов. Биологически-органическая струя в таком обществе не будет отсутствовать, но над нею будет возвышаться еще стихия духовнаго, интерперсонального общения, в котором

каждая личность воспринимает другую, как осмысленную, сознательно действующую, ответственную носительницу духовной жизни.

Противники органических воззрений на социальную жизнь часто не замечают, что человеческое общество, как царство «духов», отнюдь не уничтожает ту биологически-органическую струю, которая составляет основу всякой животной жизни. Человек, ставший личностью, отнюдь не перестал быть биологическим организмом. И потому им продолжают руководить те же силы, которые составляют движущие пружины всякого органического бытия. Общность животной природы составляет ту физическую почву, которая впервые делает возможным общение между людьми. Люди образуют общество прежде всего потому, что они существа одного физического рода (homo sapiens), что они сходны по происхождению, по телу и крови, по основным физическим задаткам; потому что они, подобно другим существам, вместе ведут борьбу за жизнь, приспособляются к внешним условиям и развиваются под их влиянием. В процессе этом, подобно другим существам, они подчиняются закону индивидуализации, распадаются на отдельные классы, отличные не только по телесным свойствам, но и по психическим задаткам. Внутреннее, душевное не отделимо в этом процессе от телесного, чисто физического. Психика, как и всегда, вкраплена в материю, не отделима от последней, составляет ее другую, внутреннюю сторону. Поэтому внешняя природа, в которой живет определенная социальная группа, чисто физические свойства входящих в нее индивидуумов и их душевная природа изначально образуют один цельный комплекс. Из него, путем развития психических задатков, путем сублимации элементарных душевных инстинктов и стремлений, родятся человеческие культуры, в которых над телесно-душевной базой возвышается духовное здание, как продукт самосознания и разумной воли.

Резюмировать все сказанное можно в следующих положениях: а) В основе социальной жизни людей лежит некоторая биологическая общность — «родовой человек», с присущими ему основными психо-физическими свойствами. Этот «родовой человек» в своем органическом существовании, в силу общего закона индивидуализации, распадается на ряд видов, индивидуальные особенности которых обнаруживаются в ряде специфических психо-физических свойств (особенности крови, особые психические склонности, особое мироощущение и т. п.). Множество принадлежащих к такому виду людей, живущих, умерших и еще не родившихся, является некоторой особой социальной реальностью, представляет как бы некоторый коллективный индивидуум. Для выражения особой природы таких индивидуумов можно в некотором переносном смысле применять понятие «личности», памятуя, однако, что здесь дело идет о явлениях, весьма отличных от того самосознающего единства актов, которое мы именуем личностью человеческой (persona). Точнее называть их самостоятельными социальными, племенными, культурными и т. п. единствами.

б) В качестве основного различия между отдельной человеческой личностью и таким единством нужно назвать то, что первая живет в обладании своей самосознающей психической и духовной жизни, тогда как вторая существует *через* психическую и духовную жизнь отдельных людей. Поэтому можно сказать, что культурная или национальная «личность» не существует сама по себе, но только через посредство входящих в нее индивидуумов. Этим обстоятельством определяется существенное различие в природе одночеловеческой и многочело-

веческой личности: первая есть всеединство состояний, вторая есть всеединство личностей с их состояниями. Нация, например, есть соборное единство всех индивидуумов, своеобразно отображающих в своих состояниях особенности национальной жизни. Культурная личность есть соборное единство всех входящих в культуру наций, следовательно, соборное единство всех входящих в культуру индивидуумов со всеми отображающими своеобразие культуры их качествованиями.

в) Нужно различать также между идеальным или совершенным всеединством личности одночеловеческой или многочеловеческой и опытным, историческим ее единством. Опытно ни одна личность не находится в состоянии полного своего всеединства. В каждый данный временной момент она проявляется только в некоторых своих состояниях, например, в этом моем чувстве, владеющем моей душой, в котором я вылился как бы весь, но которое в то же время *исключает* другие возможные состояния души. Опытно эти последние даны только в возможности, а не в действительности; в действительности мы имели дело с ограниченным, суженным единством. Также и в жизни многочеловеческой личности исторически имеют место только суженные ее проявления, следовательно, определенные личности или группы, в которых как бы олицетворяется данный исторический момент в жизни нации или культуры и в которых для данного момента она как бы отображается в своей цельности. Однако, такое олицетворение *исключает* другие качествования многочеловеческой личности, которые на этот момент как бы отодвигаются на задний план, сходят с арены жизни.

4. Образующий государство «народ» представляет собою прежде всего такого «естественного», «родового человека» или совокупность различных его видов. Он выступает, прежде всего, как представитель определенного культурного круга, расы, племени, национальности. Конкретная социальная жизнь не знает «человека вообще», человека абстрактного, — она имеет всегда дело с членом какого либо социального целого, который чувствует и действует не как «индивидуум», а как член коллективного психо-физического, живущего в определенных географических условиях единства. Таящиеся в этом последнем потенции обнаруживаются в жизни отдельных особей, порождают массовые движения, в результате которых возникает определенный тип культурной и социальной жизни. Одним из проявлений ее является государство, как исторически возникшее на известной части земной поверхности общество, основанное на некотором организованном порядке.

Что касается до самого государства, как организованного общества, то ему правильнее всего не присваивать имени «социальный организм». Органическая струя присуща всякому государству, однако-же она не покрывает государства в целом. Государство является сочетанием различных стихий, как живой организм представляет собою сочетание душевных и телесных явлений. «Два принципа — естественный и свободный — остаются даже на самых высших стадиях общественного развития в состоянии постоянного внутреннего взаимодействия». [1]) Их постоянное сосуществование составляет характерную особенность государственной жизни. Живое государство есть как бы сопряжение органи-

1) Schmitthenner, Ueber den Charakter und die Aufgaben unserer Zeit in Beziehungen auf Staat, Heft I, 1832, стр. 40.

ческого начала с инструментальным, стихийно биологического — с разумно деятельным. Как утверждал один из старых государствоведов, государство только на $^1/_3$ является органическим продуктом, на $^1/_3$ оно есть учреждение, на $^1/_3$—задача.[1]) Государство есть, следовательно, не «социальный организм», но известная форма развития, которой могут достигнуть при известных условиях «социальные организмы», — культуры, племена, национальности, расы. Форма эта отнюдь не является необходимой. Между нею и между жизнью отдельных «социальных организмов» не наблюдается полного соответствия.

Вышеустановленная классификация территориальных форм государства убеждает нас, что формы эти могут не совпадать ни с культурой, ни с национальностью. Государственное или государствоподобное общественное образование может быть *уже*, чем национальность и, конечно, *уже*, чем культура. Только на известных исторических этапах государство стремится отожествить себя с национальностью, и только в редких случаях одно государство совпадает с целой культурой. Государственная организация в последнем случае покрывает собою культурную личность и является прямым выражением ее целостности. Если признать существование особой культурной личности, живущей в месторазвитии Евразийского континента, то как раз в этом случае мы и будем наблюдать совпадение некоего «государства-мира» с бытием соответствующей ему культурной сферы. Надо подчеркнуть все преимущества такого совпадения, представляющего в истории государств явление весьма редкое и исключительное. При этом евразийское «государство-мир» представляет собою еще образование многоплеменное и многонациональное. Носителем культурного сознания является в нем не одно племя, но множество евразийских народов. В этом смысле к нему применимо выражение: «наднациональное целое на национальных основах». «Наднациональность» подобного политического образования есть иное выражение для обозначения принадлежности всех евразийских народов к единой культурной личности. Из других значительнейших и современных нам государств-миров Британская Империя и Французская Империя также многонациональны, но ни та, ни другая не составляет особого культурного мира. И в той, и в другой национально-единым является правящее племя, а управляемые колониальные народы принадлежат совсем к другим, чужеродным культурам. Ближе подходят к типу Евразийского государства-мира Соединенные Штаты. Они также многонациональны, причем правящая англо-саксонская национальность довольно успешно ассимилирует многообразный племенной состав Штатов и обращает его в единую «американскую» нацию. Но все дело в том, что эта самая «американская нация» всецело принадлежит миру европейской культуры, является ее прямым отпрыском.

Сам Европейский континент представляет собою типичный пример целого, не объединенного общим государственным аппаратом и разбитого на несколько самостоятельных, национальных государств. Единая культурная личность выражается во множестве суверенных, конкурирующих друг с другом и враждующих государственных образований.

---

1) Schmitthenner, Цит. соч.

§ 3. Психические двигатели государственной жизни.

Процесс образования государств никогда не свершается без участия в нем некоторых коллективно-психических или, как можно сказать, «идеологических» элементов. Поэтому исторически глубоко неверно представлять этот процесс, как чисто насильственный, механический. Государство прибегает к силе, — но при проявлениях государственного насилия, творимого отдельными людьми, классами и целыми народами, дело происходит не так, что обладатели силы механически применяют ее к слабым, покоренным и подвластным, которые воспринимают насилие подобно сырому, обделываемому материалу, оформляемому силой и воспринимающему ее влияния. Образование государств не есть результат такого механического давления, но результат некоторого совокупного душевного, общественного процесса, наполненного глубокими переживаниями, владеющими душами и властвующих и подвластных. [1]) Таким образом историческое развитие культуры требует прежде всего психических средств, необходимо сопровождающих действие.

Душевные состояния, при помощи которых осуществляется жизнь культуры и творятся соответствующие ей политические формы, обладают, по большей части, глубоко эмоциональной природой. Исторические государства не строились при помощи холодного, чисто разсудочного расчета, посредством которого инженер строит свою машину. Исторически нам известные государства строились под влиянием глубоких инстинктивных порывов, захватывающих отдельных людей, целые классы и даже нации и культуры. Психическим орудием для построения политической формы различных культур являлась, стало быть, прежде всего, эмоция. В этом смысле можно сказать, что государство есть прежде всего продукт эмоциональной жизни, явление эмоциональное.

В образовании и развитии государств особое значение играли эмоции религиозные. В истории культуры можно считать доказанным, что государственная власть имеет происхождение мистически- религиозное и что первыми властителями на земле были волшебники и маги. [2]) И в течение своей тысячелетней истории, за редким исключением, государство продолжало сохранять характер института или религиозного или ближайшим образом связанного с религией. Имеющий самое широкое распространение в истории человечества божественный культ царей и властителей еще более подтверждает взгляд, что государства родились и воспитались в эмоциях религиозных. [3]) Государство, в лице ли своего властителя или как некоторое целое, возведено было в древности до пределов религиозного культа, — и это вдохновляло людей к строительству государств и к жизни для государства. Можно сказать, что никакое иное из человеческих

---

1) В культурах, говорит Шпенглер, «проявляется некий вечный эрос. В них находят свое выражение... определенные способы веры, мышления, чувствования, действий». Preussentum und Sozialismus, стр. 21.

2) Материалы по этому вопросу можно найти у L. G. Frazer, Psyches Task, a discourse concerning the influence of superstition on the growth of institutions, 1913, u y Levy-Bruhl: La mentalité primitive.

3) Ср. мою статью «Христианство и государство», в No 7 журн. «Путь».

учреждений не было поднято на такую высоту, как государство, и никакому другому земному учреждению не было приписано такого количества положительных качеств. Древнее государство требовало от человека гораздо более жертв, чем государство современное, и несмотря на это оно более вдохновляло людей, чем вдохновляются им современные западные люди. И разгадка этому лежит в убеждении древних, что в государстве живет высочайшее божественное начало, само Божество или непосредственные его представители. Божественный культ царей исповедывали почти все древние народы, за редкими исключениями, в числе которых из более известных народов можно назвать евреев, древних греков и римлян республиканского времени. У евреев это было следствием приверженности их к непосредственной теократии, у греков же и у римлян — следствием любви к самой идее государства и к ее историческим воплощениям. Что касается евреев, то и они обнаружили себя в истории, как народ, обладающий огромными способностями, но не государственный. [1]) Греки же и, главным образом, римляне заменили культ монарха культом самого государства и его власти. Эллинское государство прославлялось не только философами, но и поэтами. *Платон* считал государство воплощением духовной идеи добра. *Аристотель* называл его совершеннейшим союзом. Родной город, отечество, государство для древняго эллина есть некоторое высшее существо. Его воспевают в песнях, ему возносят священные мольбы, которые можно сравнить разве только с священными песнопениями, посвященными Богу. Древние греки величайшей добродетелью считали жертву государству и обоготворяли тех людей, которые отличались перед отечеством, считая их героями и воздавая им божеские почести (т. н. апофеоз героев). [2]) Такое же почти религиозное отношение к государству было и у римлян. «Никогда» — говорит *Тит Ливий* про Рим — «не существовало государства более великого, более нравственного, более богатого хорошими примерами, — государства, в которое столь поздно проникли бы жадность и роскошь и в котором столь долго оказывался почет бедности и воздержанию». «Государство старше богов» — говорил *Варрон*—«так же, как художник существует ранее, чем его картина, и каменщик ранее, чем выстроенный им дом».

Специфическими формами выражения тех эмоций, которые побуждают к построению государств, являются особые «политические» чувствования, со смешанным эмоционально-интеллектуальным составом, — а именно, патриотизм, национальный мессианизм, различные виды империализма. Чувствования эти имеют происхождение чисто стихийное, подсознательное, однако, с развитием культуры обнаруживают присутствующий в них интеллектуальный момент, превращаются в политические учения, даже в наукообразные теории. Каждая жизнеспособная, здоровая и развивающаяся культура родит эти чувства и при помощи их строит государства. Каждая молодая и здоровая культура питает стихийную, чисто физическую любовь ко всем порожденным ею формам, которые считаются хорошими, прекрасными, возвышенными. Любовь к своему связана с отталкиванием по отношению к чужому, иноземному, кажущемуся про-

---

1) См. мою статью «Идея града Божьего в христианском вероучении» в No 6 «Пути».

2) Подробнее см. в 3-ем выпуске моей «Общей Теории Государства».

тиворечащим добрым нравам и отвратительным. Таков смысл античных понятий «эллин» и «варвар» и аналогичных понятий у китайцев. Любовь к своему и отвращение к чужому побуждает народы считать себя носителями идеалов добра и справедливости, требующих общего признания и распространения. Отсюда и возникает идея о народе - избраннике, носителе особого призвания или особой миссии. Народ этот должен принести свою правду другим народам, научить их своим опытом или покорить своей силой. Отсюда родится и стремление к безотчетному распространению или империализм, который вдохновляется отнюдь не только экономическими мотивами. [1]) Империализм есть следствие народного убеждения в особом, мировом призвании данного государства. Империалистический народ считает себя носителем истинной культуры, в распространении которой он видит свою историческую миссию. Таков был римский империализм и империализм эллинистический, воплощавшийся в лице Александра Великого. Но таков и новейший империализм, например, английский, французский и немецкий. Английские поэты провозгласили английский народ избранником, носителем истинной цивилизации, представителем правды и справедливости, которую англичане должны принести всему миру. Английская революция воплотила, как казалось, эту правду в действительные политические формы. Вождь ее, Кромвель, обосновал английский империализм с величайшей энергией и искренней верой. «Его империализм коренился в пуританском миросозерцании... Пуританизм требовательно учил о прославлении Бога через завоевание и преобразование мира. Мысли библейских книг были применены к настоящему;из Ветхого Завета было заимствовано,что миссия избранного народа перешла на англичан; английский народ как бы избран Богом к тому, чтобы принести другим народам те же спасительные средства, посредством которых английское государство добилось падения тирании». [2]) Но, в сущности говоря, таков же был империализм и французской революции, доблестно сражавшейся против окружающих ее европейских тиранов и свято верившей, что она принесла истинную правду миру. Таков был империализм и восприемника революции, Наполеона. Несколько иное, расово-биологическое обоснование имел германский империализм. Он вдохновлялся идеей расового превосходства германцев, как чистых представителей арийского племени, истинно белой расы. По мнению идеолога германского империализма, *барона Гобино*, «история показывает нам, что всякая цивилизация рождается от белой расы, что цивилизация не может существовать без помощи этой расы, что общества растут и про-

1) Согласно одному из новых определений, империализм есть «die objektlose Disposition zu gewaltsamer Expansion ohne annehbare Grenze» — «не имеющее ясных основ стремление к насильственному беспредельному расширению». Ср. Schumpeter, Archiv fur Sozialwissenschaft, Bd. 46, 1908. Определение это упускает идеологический момент, свойственный империализму и превращающий его из «objektlose Disposition» в стремление целевое и осмысленное. Поправка к определению *Шумпетера*, которую делает в «Weltwirtschaftliche Archiv», 1920, Bd. 15, Hasgagen, также упускает момент идеологический.

2) Ср. Salomon, Der britische Imperialismus, 1916. Также E. Sellière, Introduction à la philosophie de l'imperialisme, 1911. Учение об англичанах, как избранном народе, воспето в «Ozeana» *Гаррингтона* и «*Потерянном рае*» *Мильтона*.

цветают в зависимости от сохранения той истинно благородной ячейки, которая их создала, и ячейка эта сама принадлежит к наилучшему отпрыску рода». Сын белой расы, истинный ариец, и есть тот «лучший», который призван править миром. Самое слово «ариец», по своему первоначальному значению, указывает на благородство, на истинное превосходство. И действительно, благородство и честь являются, по мнению *Гобино*, главными моральными двигателями арийской расы. Черная и желтая раса почти что не знают названных понятий. Арийца характеризует, далее, просвещенная интеллигенцией энергия, здравый рассудок, терпение и настойчивость, необыкновенно развитый инстинкт порядка и любовь к свободе. Ариец и есть тот, кто природой предназначен быть властителем. А поскольку качества арийца сохранили, по мнению *Гобино*, преимущественно представители германской расы, постольку, говорит он, «ce qui n'est pas Germain est créé pour servir». [1])

Таким образом всякие государства, и аристократические, и демократические, и монархии, и республики — построены были, благодаря тому пафосу, который вкладывали строители в процесс постройки. Своеобразный, религиеподобный пафос вдохновлял и основателей новейшего демократического государства, — пафос Кромвеля и пуритан, пафос Робеспьера и якобинцев, пафос верных служителей республики 1848 года. Правда, теперь этот пафос погас, демократия стала прославляться, именно, за то, что она не имеет никакого пафоса, что она индифферентна и релятивна. Но эти новые идеи являются знаком глубокого кризиса демократии.

§ 4. Государство и культурные ценности.

Что же раскрывают культуры в тех эмоциях, которые сопровождают образование государственных форм? Что означают эти эмоции, каков их объективный смысл и каковы предметные содержания, в них обнаруживающиеся?

В эмоциях, сопровождающих творчество культурных форм, обнаруживаются те ценности, к воплощению которых в жизнь стремится всякая культура. Ибо в основе культуры и лежит всегда прозрение некоторых ценностей, которые наполняют принадлежащих к культуре людей пафосом творчества и требуют соответствующего этим ценностям построения и оформления жизни. [2]) Раскрытие этих ценностей представляет большие трудности, так как в процессе этого раскрытия очень легко смешать основное с производным, известные способы выражения с самими ценностными началами, мнения с существом дела. Чтобы избежать подобных смешений, мы будем различать три группы таких ценностей, которые будут предметом последующего изложения.

А) *Первые ценностные принципы, лежащие в основе отдельных культур и определяющие в конечном счете все направление культурного творчества.* Принципы эти обыкновенно не осознаются носителями данной культуры. Они глубоко заложены в подсознательной сфере этих носителей, которые творят куль-

1) Gobinau, Essai sur l'inégalité des races humaines, T. 1, стр. 354, 55, 359 и след. В Германии о *Гобино* создалась целая литература. Ср. Schemann, Gobinau's Rassenwerk, 1910.

2) «Идея лежит в основании каждой культуры» — говорит Шпенглер, Preussentum und Sozialismus, стр. 22.

туру вовсе не в сознании названных принципов, а под влиянием разных субъективных мотивов и субъективных формулировок, в которых основные культурные начала имеют только косвенное выражение. Можно сказать, что культура есть продукт подсознательного творчества, и потому переживания основных принципов культуры и сами эти принципы суть две вещи разные. Попытки определения основных принципов, определяющих отдельные типы культур, были сделаны *Шпенглером* и отчасти примыкающим к нему *Фробениусом*. Мы говорим об известном противопоставлении античного, «аполлоновского» человека человеку новому, европейскому, «фаустовскому». Первый, по мнению *Шпенглера*, лишен был чувства бесконечности и не стремился к овладению ею, т.-е., скажем мы, не считал бесконечности положительной ценностью. Он любил замыкаться в свой узкий мир, в свой город, в ограниченность доступных ему пространств, и все, что превосходило их, казалось ему страшным и отталкивающим. Он был глубоко провинциален во всех проявлениях культуры, — в своей религии, науке, философии, государстве и т. п. И весь мир понимал он, как некую конечную, ограниченную сферу, — не видел, не ощущал, стало быть, бесконечности его и не стремился охватить ее духовно и физически. Второй, фаустовский человек, напротив того, видит бесконечность, ощущает ее и стремится к ней. Все его миросозерцание охвачено чувством бесконечности, и к овладению бесконечностью стремится вся его практика. Он не провинциален, а в некотором смысле универсален, и сознанием бесконечности окрашены все культурные проявления его жизни. Таким образом можно противопоставлять два основных типа культуры, считая, что в основе первого лежит принцип положительной ценности конечного, а в основе второго — принцип положительной ценности бесконечного. Или, как те же самые мысли выражает *Лео Фробениус*, следует различать два измерения миропознавательной способности человека, каждое из которых выражает собой особый тип жизнеощущения: это, с одной стороны, «мировая широта», с другой стороны, «мировая замкнутость», проявляющиеся в соответствующем «широком» или «узком» мироощущении. Последнее характеризуется узостью сознания, отсутствием чувства свободы, сословной замкнутостью, фатализмом; первое—вечными исканиями, стремлением к творчеству и к свободе. Несколько вариируя мысль *Шпенглера*, *Фробениус* полагает, что названные два миросозерцания характеризуют душу восточного и западного человека: первый живет, чувствуя себя как бы в пещере, не зная, что находится вне ее и не считая пещеру своим домом; второй живет в мире, как в своем доме, ощущая внешний для него мир, чувствуя бесконечность его, его широту.[1])

Примечательно, что обе названные попытки определить основные типы культурных миросозерцаний *одинаково двигаются по линии чисто пространственных определений*. Это свидетельствует, что их сделал западный человек, который сам погружен в созерцание пространства и всю культуру свою понимает, как овладение пространством и всем тем, что в пространстве заключено. На самом деле, разница между созерцателем «мировой узости» и «мировой широты» не так уже велика: и тот и другой есть человек, неспособный выйти за пределы пространственных определений, — все равно, ощущается-ли им про-

1) Frobenius, O. c., стр. 106,«Weltweite»—«Welthöhle»; «Weltgefühl» — «Höhlengefühl».

странство, как конечная сфера или как сфера бесконечности. Выход из древнего провинциализма, из античной узости, в фаустовскую бесконечность был выходом из одного пространства в другое, — и не более того. Сколь далек был от подобных путей, скажем, представитель индийской культуры, который отлично чувствовал бесконечность мира, глубоко ее ощущал, но выход в нее считал вовсе не положительным достижением! Фаустовское блуждание по бесконечности мирового пространства, это переселение из одних миров в другие, преодоление пространственных широт без надежды достигнуть их конца, было для брамина или буддиста наиболее злым и отрицательным делом. А потому с усмешкой взирает он на культуру, которая экспансию в бесконечном пространстве и блуждание по нему считает своей основной жизненной задачей. Его задача была иная, — одинаково далекая и от культа конечной пространственности и от поклонения бесконечности пространства, — его стремление было направлено к тому, что можно назвать «потусторонним» или трансцендентным пространственному миру. Мы думаем, что нет более интенсивнаго и принципиальнаго противоречия в жизнеощущениях составляющих последний двигательный мотив всякого культурного творчества, чем противоречие между стремлением к овладению *посюсторонним* (имманентным) и *потусторонним* (трансцендентным). Существуют культуры, народы, государства, которые всю жизнь свою строят в предположении устроения в пределах данного им, эмпирического пространства, — все равно, на клочке-ли этой планеты, на всей планете, или, в пределе своем, на всех возможных планетах *этого* мира; [1]) но были культуры, которые такое устроение считали или неважными, или, по крайней мере, не главным, предварительным, а главное полагали в подготовлении к будущим, потусторонним судьбам человека. [2]) Для многих, привыкших к материалистическому миропониманию, самая постановка последней задачи может показаться бессмысленной. Однако, мы не занимаемся здесь оценками. Факт неоспорим: были культуры, народы, государства, которые строили всю свою жизнь на вере в это потустороннее, — и, разумеется, культурная постройка, исходящая из названного мироощущения, не могла не быть иной по сравнению с постройкой, вдохновленной задачей овладеть посюсторонним миром и в нем устроиться.

Поставим теперь вопрос, как отражались эти два мироощущения на свойственных различным культурам формах государственного порядка? Повидимому, какого-либо прямого отношения здесь установить нельзя. Ошибочно было бы думать, что культуры, основывающиеся на стремлении к потустороннему,

---

1) К числу их прежде всего принадлежит новейшая западная культура, основные предпосылки которой блестяще характеризовал в следующих словах один новейший французский автор: «Было одно слово», — говорит он, — «которое обладало особым почетом в эпоху Ренэссанса и которое заранее резюмировало всю программу современной цивилизации: это слово есть «гуманизм». Дело шло в этой цивилизации, на самом деле, о том, чтобы все свести к чисто человеческим мерам, *чтобы отрешиться от всякого принципа, предполагающего высший порядок, и*, выражаясь символически, *отречься от неба для того, чтобы покорить землю*». R. Guénon, La crise du monde moderne, 1927, стр. 41.

2) В числе их можно назвать древнюю индийскую культуру, отчасти древнюю китайскую и др.

были враждебны ко всякому государственному порядку вообще. Правда, некоторые крайние формы отрицания ценности посюстороннего мира, встречающиеся в Индии и на христианском Востоке, связаны были с безразличием к земному государству и даже с его отрицанием, однако, подобное же и даже, пожалуй, еще более резкое отрицание государства находим мы и в культурах, построенных на культе посюсторонней, чисто земной и физической жизни человека. Анархизм, строго говоря, вырос не на почве восточной, религиозной мистики, а на почве западного индивидуализма, антропологизма и материализма. С другой стороны, культуры, проникнутые горячей верой в потустороннее создали прочнейшие государственные образования, которые существовали столетия и тысячелетия. Индийский аскетизм не препятствовал образованию древнейших индийских монархий. В то же время отнюдь не аскетически настроенный, далекий от стремления к потустороннему римский народ построил классический образец отлично организованного государственного аппарата. Иными словами, государственные оформления весьма различных видов одинаково были свойственны и культурам, построенным на стремлении к устроению в этой жизни, и культурам, ищущим спасения в мире потустороннем. И тем, и другим культурам свойственны были различные формы государственного устройства, — монархии, аристократии, республики и т. п. *Государственный порядок, таким образом, не есть производное основных ценностных принципов, определяющих отдельные типы культур.* И тем не менее названные ценностные принципы оказывали влияние, если не на конкретные государственные формы, то на общее понимание значения и смысла государства в человеческой жизни и истории. Чтобы определить это влияние, следует указать на коренную противоположность в воззрениях на конечную цель государства, обнаружившуюся, с одной стороны, в вере в возможность построения на земле абсолютно совершенного государства, идеального «всесветного царства», — с другой стороны, в убеждении, что земные политические формы вполне относительны и что устроение совершенного града на земле есть задача невозможная. Отмеченную противоположность нужно рассматривать, конечно, как противоположность тенденций, а не твердо формулированных принципов, — и такие тенденции могут быть нащупаны в течение всей человеческой истории. Так, древнее еврейское вероучение склонно было утверждать, что «Царство Божие» есть, именно, царство земное и что обетованный Мессия есть земной, национальный царь, который призван, впрочем, решить общеисторические судьбы всех народов. Новый Завет превозгласил норму: «Царствие Мое не от мира сего». Противоположность двух названных воззрений на «царство Божие», как на земное или небесное, может быть нащупана и в эпохи, предшествующие событиям начала христианской эры. Она связана в общем с глубокими различиями, которые можно установить в языческих религиях по вопросу о существе самого божественного начала. Так, религиозные воззрения семитов, уже в своих первоначальных формах, главным свойством Божества считали способность давать жизнь и спасать от смерти. Бог есть то существо, которое держит в своих руках жизнь. [1]) Но таков-же, следовательно, и наместник Бога, земной царь: он хранитель земной жизни подданных — существо, в руках которого лежит их жизнь

1) Graf Baudissin, Adonis und Esmun, 1910, стр. 494.

и смерть. Таковым-же должно быть и государство: именно союзом, который призван хранить земную жизнь, в идеале, следовательно, союзом вечной и блаженной жизни на земле. [1]) Отсюда тот гедонизм, который был столь свойственен семитам: «Тело твое да будет насыщенным, да будешь ты довольным день и ночь! День и ночь танцуй и веселись!». «Таким образом, все желания человека направлены были на долгую земную жизнь». [2]) Понятно, что и государство, в идеале своем, представлялось, как царство вечной и блаженной земной жизни. Совсем иное мы видим в языческих религиях индусов, иранцев и туранцев. Соответствующий индийскому идеалу царь «ценным считает только потустороннее». Поэтому задачей истинного царя является достижение состояния духовного просветления, которое он обязан передать и подданным: «Я хочу сделать моих подданных блаженными в этом мире, чтобы они достигли неба в мире потустороннем». [3]) Но таковы - же задачи совершенного царя и в представлениях некоторых китайских религиозных школ. Царь есть первый духовный учитель нации, сама национальная мудрость. Он должен, следуя заветам неба, сконцентрировать в себе совершенство и распространить его на подданных. Задача царства, стало быть, не только в стремлении к земному благополучию, но и в достижении высшего совершенства. [4]) Подобно этому и основная догма арийской религии, принятой персидскими царями и известной под именем религии Зороастра, сводилась к утверждению потустороннего существования, которого достигнет праведный человек (царства Света). И царь, поставленный божеством Света, Ормуздом, и осуществляющий земное дело Света, не мог не быть царем, который своей главной задачей считал воспитание подданных в правде, необходимой не столько для земного блаженства, сколько для будущего, неземного существования. [5])

Таким образом, можно сказать, что современная западная культура с ее демократическим идеалом окончательного земного рая в основных своих предпосылках имеет древнейших предков. Культура эта только наиболее последовательно выразила то, что ранее намечалось, как тенденция, и что определяло собою, напр., общие воззрения семитических народов на государство и его основную цель.

Б) *Более частные ценностные принципы, раскрывающиеся в жизни принадлежащих к общему культурному миру расовых, племенных и национальных личностей, — культурные ценности второго порядка.* Понять их можно только в связи с общей культурно-исторической обстановкой, в которой они родились и выросли. В этом смысле можно сказать, что названные ценности суть столько же проявления физических и психических свойств расы, сколько продукты

---

1) Названные представления о задачах государства глубоко связаны с своеобразным, всем семитическим религиям свойственным, отрицательным представлением о загробной жизни, которая даже не заслуживает быть названной настоящим «бытием». Таковы еврейские представления о «Scheol» и вавилонские воззрения на ад. Об этом см. A. Jeremias, Die babylonisch - assyrischen Vorstellungen vom Leben nach dem Tode.

2) B. Meissner, Babylonien und Assyrien, Bd. II, 1925, стр. 142.

3) Hardy, König Asoka, Mainz, 1902, стр. 31.

4) J. M. de Grost, Universismus, 1918.

5) J. von Prašek, Geschichte der Meder und Perser, Bd. II, 1910, стр. 120-125. Также W. Geiger, Ostiranische Kultur, 1882, стр. 257.

«месторазвития», т. е. «социально-исторической» среды, рассматриваемой «одновременно и неотрывно от среды внешней, географической». [1]) Ибо подобная личность всегда имеет «дух и плоть» и «выявляется не только в духовной, но и в плотской сфере». Присутствие названных ценностей, по большей части невидимое и неосознанное, определяет существенные , качественные отличия отдельных народов в «самых способах подхода к вопросам бытия» и в обусловленных ими приемах жизнестроительства. Таково, например, различие между психологией народов иранской и туранской расы. По основным своим интуициям народы эти принадлежат к культурному миру, который не удовлетворялся закреплением в «посюстороннем» и стремился к исканиям «потустороннего». Однако общий религиозный уклон в сторону трансцендентного, столь отличающийся от семитического имманентизма, получал у иранцев и туранцев совершенно особые способы выражения. Иранец является проповедником, жрецом, миссионером. Он склонен к спекулятивному мышлению, является религиозным искателем, создателем бесчисленных религиозных сект. Он обнаруживает способность к мистическому озарению, к которому его толкает постоянное душевное брожение и духовная неудовлетворенность. Все это не мешает его политическому гению, создавшему крупные государственные объединения, основой коих была разработанная система администрации, пресловутые «очи и уши царевы» — той администрации, черты которой сохранились в Персии до наших дней. Политическая способность иранцев проявлялась также в их особом даре ассимилировать своих завоевателей: покоренные иранцы «не отдавались завоевателю целиком», а «наоборот терпеливо и незаметно подчиняли его своему культурному обаянию». [2]) Напротив того, «типичный представитель туранской психики... характеризуется душевной ясностью и спокойствием». «Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметрические схемы его, так сказать, «подсознательной философии». В схемы той же подсознательной системы укладываются также его поступки, поведение и быт. При том «система» уже не сознается, как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой жизни. Благодаря этому, нет разлада между мыслию и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешнее впечатление, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное целое. Отсюда — ясность, спокойствие и так сказать самодовление. Политически туранская психология особо способствует построению крепкого, бытового, государственного уклада, основанного на проникновении всей жизни единым миросозерцанием, на «бытовом исповедничестве». [3]) Туранский гений любит «крепкую власть», и «его государственные образования создавались благодаря его способности к дисциплинированным, согласованным действиям». Другим примером, иллюстрирующим различие в национальных подходах к пониманию бытия и к строению жизни, может служить отлично освещенное *Шпенглером* противопоставление психологии германской и англо-саксонской расы, которые культурно обе принадлежат к западному человечеству, олицетворяют в себе

---

1) Евразийский Временник, V, 1927, стр. 79.

2) Беру эти характеристики изъ статьи *В. П. Никитина*, Иран, Туран и Россия, Евраз. Временник, V, стр. 75 и след.

3) Характеристика кн. *Н. С. Трубецкого*: К проблеме русского самопознания, 1927.

«фаустовского человека» — хотя германцам восприятие «потустороннего» гораздо ближе, чем англо-саксам (вспомним «метафизический» дух германской философии). По мнению *Шпенглера*, два основных принципа пронизывают жизнь рыцарского ордена, покорившего восточно-прусские провинции: это есть принцип личной независимости и принцип подчинения сверхличному целому. Из первого вытекает способность личной ответственности, самоопределения, самодисциплины. Из второго — сознание долга перед обществом и способность бескорыстной службы ему. Талант сочетания этих двух противоположных принципов и есть талант прусского духа, который умеет «быть свободным и в то же время повиноваться». И на подобной libertas obedientiae построены все основные формы германской общественно-политической жизни, — германская армия, германское чиновничество, германский рабочий того стиля, который соответствует духу германского социализма. Отсюда и проистекает особый вкус германца к организованным формам культурной жизни и прежде всего к государству. [1]) Государственно-организационная сфера культуры получает здесь особое значение, определяет частную жизнь человека, придает особое направление жизни всего культурного целого. Каждый чувствует себя здесь членом организованного целого, место частного человека становится должностью или службой, частная жизнь приобретает публичный характер. И в хозяйственной системе получает особое значение начало государственного авторитета, согласно которому хозяйствование пронизывается общим планом, и отдельный человек получает от целого те хозяйственные задачи, которые он свободно выполняет. Нечто совершенно противоположное описанному представляет собою система английской культурно-политической жизни. В центре ее стоит «частный человек», чуждый государству и организованному порядку, на свой страх и риск ведущий борьбу за существование. Социальному бытию этого человека соответствует свободное общество (society), основанное на эгоистических интересах стремящихся к экономической выгоде лиц — английская торговая компания, которая экономическими средствами и при помощи наемной силы завоевывала колонии. Подобной культуре, по мнению Шпенглера, государственная организация кажется ненужной и тягостной, если только не строится по типу торговой компании. Отсюда и неприметность английского государства, которое предпочитает не касаться частного человека, не оказывает ему помощи и использывается им только при нужде. Государство это в истории своей не знает постоянной армии, не знает обязательной школьной повинности, не знает обязательного обеспечения слабых. Политика в таком государстве есть частное дело дельцов, как это замечательно находило выражение в английском парламентаризме, который весь покоился на борьбе частных интересов двух старинных частных английских обществ, — двух партий, по коренному составу своему выросших из кругов английской аристократии, в основах одинаково придерживающихся

---

1) Эта склонность к государственному принципу отнюдь не была соединена у германцев с умением практически применять ее в жизни. До начала прошлого столетия германцы жили в политически раздробленном состоянии и явно уступали в практической политике и англичанам и французам. Эти свойства были обнаружены англо-саксами и французами и во время поразительного расцвета Германии в XIX-XX вв., свидетельством чему являются события великой войны.

принципов торгового завоевывания мира при помощи частной компании, использующей при надобности мощь государственного аппарата, хотя бы в виде флота.

В) От ценностных принципов, определяющих отличие в подходах к вопросам бытия и жизнестроительства, нужно, *наконец, отличать те исторические продукты, —учреждения, институты, формы жизни, — которые родились, как исторические воплощения этих принципов.* Многие из исторических форм, образующих быт данной культурной сферы или данного народа, приобретают в процессе культурного развития характер фактов, которые можно было бы назвать *нормативными*, поскольку в них влагается смысл чего-то долженствующего быть, нормального, достойного подражания, традиционного и т. п. Это — *культурные ценности третьего порядка или ценности производные, так как значимость их определяется в конечном счете соответствием с первоначальными принципами данной культуры:* они ценны только потому, что принципы в них находят то или иное жизненно-историческое воплощение. Значение названной группы ценностей в истории культуры — огромно. Стоит, например, вспомнить историческую роль, которую в жизни народов западной культуры сыграло римское право. Влияние его объясняется, конечно, тем, что заложенные в нем индивидуалистические принципы, — именно, утверждаемая в различных его институтах ценность отдельной человеческой личности с ее интересами, — соответствовала общему жизнепониманию народов западной культуры. Однако, помимо этого римское право влияло на западное человечество, как исторический образец нормальной юридической системы, которой свойственна была сила исторической традиции. Характерно, что для народов России-Евразии римское право не обладало значением такого образца, не было нормативным фактом, не считалось исторической традицией. Границы традиционной силы римского права совпадают, именно, с восточными географическими границами европейского континента. Другим, не менее поучительным примером исторического влияния институтов является английская конституция, которая сыграла роль политического образца в развитии конституционных учреждений Европы. Сама по себе конституция эта была чистым продуктом иррационального исторического творчества. Она была постройкой, которая производилась не по выработанному плану, но которая исторически слагалась и росла, как строятся старые города. И как старые города с их запутанными и узкими улицами, и старыми домами, английская конституция обладала истинным историческим стилем, но в то же время была не удобна, если угодно, не практична. В ее элементах не было никакой логики, но она вся была основана на символах, фикциях, пережитках, привычках. Последующая конституционная теория потратила не мало остроумия, чтобы рационально защитить существование двух палат, но английские две палаты, — лорды и общины, — создались без всякой теории, как результат многовековых влияний,борьбы интересов, различных компромиссов и соглашений. Без всякой теоретической логики, без плана, выросла и английская система парламентарного министерства. Мы уже не говорим о потомственной монархической власти, основы которой целиком построены на исторических традициях. И вот эти три чисто иррациональные исторические категории, — король, палаты, ответственное министерство, — были превращены западной политической мыслью в род нормальной, отвечающей требованиям логики и справедливости политической системы. Так истолкован был английский

политический строй *Монтескье*, который к тому же исказил его до неузнаваемости, из исторической реальности превратил в миф, сыгравший огромную роль при построении всех новейших политических учреждений в государствах европейской культуры. Таким образом, создалось убеждение, что, подобно тому, как «культурный» человек должен носить европейское платье, подобно этому культурное государство должно иметь короля или созданного по его образцу единоличного президента, две палаты и ответственное министерство, — так, как в Англии, стране истинных «джентльменов», непревзойденном образце истинной политической культуры. Мы не хотим вовсе отрицать того, что в стихийных продуктах коллективного творчества, в муравейниках, государствах пчел, в старых человеческих городах, в стихийно созданных веками политических учреждениях, может содержаться огромный практический, утилитарный смысл. Своеобразный практический смысл был, конечно, и в английском политическом устройстве. Однако, западное человечество в своем отношении к английскому политическому строю шло гораздо далее: оно считало, что никак иначе «культурного» государства нельзя и построить, что, таким образом, английские учреждения являются единственно истинным образцом, отступление от которого является уже изменой цивилизации и гуманности, уклоном в варварство. Оттого схема эта: король или президент, две палаты, парламентское министерство, проводилась, как некий закон, даже прямо вопреки всякому смыслу. Особенно это бросается в глаза при организации, например, второй палаты в государствах, где никаких «лордов» не было и где в основу двупалатности нельзя было положить никакого разумного принципа, за исключением возрастного ценза представителей; или при организации парламентарного, ответственного министерства в странах, в которых было не две партии, как в Англии, а множество партий, борьба которых лишала правительственную власть всякой устойчивости и приводила к перманентным кризисам.

Можно сказать, что в истории культурных форм всего более значительную роль играют названные ценности третьего порядка, — культурные трафареты, образцы культурной моды и культурных традиций. При притязании западной культуры на универсальное значение такой трафарет, как «английская конституция», получил характер некоторой общезначимой формы, неизбежной не только для стран европейских, но и для обществ, принадлежащих к совсем другим культурным сферам. Согласно *Шпенглеру*, Англия, прививая другим странам свой политический строй, доводила их тем самым до состояния бессилия, что в особенности справедливо для стран не европейских, для Турции, Персии, Китая, России. В странах этих вера в нормативную силу английского образца исповедывалась незначительным слоем европеизированной интеллигенции и была совершенно чужда народным массам.

Гл. 4. Власть.

§ 1. Существующие воззрения.

С самых первых шагов своего развития западное государствоведение связало учение о государственной власти с так называемой «теорией» суверенитета.

Между тем «теория» эта менее всего удовлетворяет элементарным требованиям образования научных теорий: «теория» суверенитета, как это признается в настоящее время всеми выдающимися западными авторитетами,была «теорией» политической, — иными словами, она вовсе не стремилась описать реальные явления власти и подчинения, которые наблюдаются в каждом государственном союзе, но ставила своей целью формулировать и защитить некоторые нормативные принципы и требования, вытекающие из политической жизни государств новой европейской культуры. И прежде всего «теория» эта старалась разрешить чисто политический вопрос, кому *должна принадлежать* верховная власть в *нормальном* государстве и какими *свойствами она должна* обладать. В зависимости от того, к какому политическому направлению и к какой партии принадлежал данный писатель, вопрос этот решался то в пользу одного носителя власти, то в пользу другого. *Г. Еллинек* отлично показал,как само понятие суверенитета родилось в борьбе представителей папской партии со сторонниками партии королевской, — причем католики, чтобы унизить королевскую власть, выставили лже-историческую гипотезу, что всякая государственная власть произошла из договора, когда-то заключенного между королем и народом.[1]) Так и родилась теория народного суверенитета, сыгравшая столь выдающуюся роль в последующей борьбе буржуазии с королевской властью и феодальной аристократией. Сторонники королевской власти в свою очередь выставили гипотезу, что монархи получили свою власть от Бога и что власть эта есть вечная, несвязанная законами, неограниченная, безответственная (суверенитет монархический). Борясь с политическими притязаниями сословий, сторонники светской монархии настаивали на неделимости монархической власти и утверждали,что рядом с монархом невозможен какой-нибудь collega imperii или socius. Современные исследователи теории суверенитета блестяще разоблачили все логические увертки и всю путаницу понятий, которые применялись для защиты принятых политических требований, — однако вся логическая эквилибристика была только внешней наукообразной формой, под которой преподносилась известная политическая формула.В этой последней лежала сущность дела,а не в наукообразной форме.Потому-то, несмотря на всю силу критики, принцип суверенитета торжествовал. Он торжествует и доныне в лице «теории» народного суверенитета, выражающей политические требования народных масс. Принцип этот вошел, как известно, во все новейшие конституции и, стало быть, с теми или иными оговорками, его не может не принять современная теория конституционного права.

Что же касается вопроса о свойствах суверенной власти,то в нем сторонники различных теорий весьма близко сходились: именно, все они стремились наделить защищаемого ими носителя власти максимальным количеством прав и максимальною степенью властвования. Иными словами, они стремились доказать, что их носитель верховенства превосходит во всех отношениях всякого другого и потому является единственно возможным. Таким образом и утверждалось,что суверенитет един,неделим,неограничен и неотчуждаем. Представляется весьма любопытным, как эти свойства суверенной власти, выставленные сторонниками теории монархического суверенитета, потом перенесены были на суверенный народ. Менялся субъект, но качества утверждались старые, что указы-

1) Jellineck, О. с., стр. 436 и след.

вает на одинаковость способов проведения политических тенденций, безразлично, в чью пользу они проводились.

Было, впрочем,и еще одно политическое стремление, проявлявшееся в так называемой «теории» суверенитета. Сторонники этой теории утверждали, — и это особенно относится к учению о монархическом суверенитете, — что власть монарха, помимо других свойств, еще и *независима* вовне. В этом утверждении проявлялось стремление новых национальных государств отстоять свое самостоятельное существование и освободиться от бесчисленных опек, которые накладывал на носителей власти феодальный строй. «Теория» суверенитета представляла таким образом интересы вновь слагающегося национального государства. И обращая, по принятому обыкновению, нормативные суждения в теоретические, теория эта провозгласила: власть монарха самостоятельна внутри и независима вовне.

В германской науке, сравнительно в новейшее время, [1]) была сделана попытка освободить «теорию» суверенитета от ее политического характера и придать ей более научный смысл. Мы разумеем так называемую «теорию» *государственного* суверенитета, которая отделяет понятие суверенитета от понятия государственной власти, считая, что суверенитет есть только признак государственной власти, а не сама власть, — к тому же еще признак не существенный. Могут быть таким образом *несуверенные* государства, каковыми являлись, напр., государство средневековое или отдельные части союзного государства (швейцарские кантоны или американские штаты, входящие в федерацию С.Ш.А.). Кроме того, как учат сторонники этой теории, суверенитет нужно отделять и от вопроса о его носителях, которые могут быть весьма разнообразны. Суверенитет есть таким образом «положительная способность, государственной власти давать властвующей воле обязательное содержание, или вполне автономно самоопределяться».[2]) Такою способностью обладает далеко не всякая государственная власть, оставаясь властью и не теряя характера власти государственной. Тогда и ставится вопрос, *что же такое эта государственная власть?* Пока она смешивалась с суверенитетом, в этом смешении, по крайней мере по внешности, все было ясным. Теперь же вопрос становится во всей своей чистоте. Напрасно мы стали бы искать ответа на него в классических учебниках. Так, например, глава, посвященная государственной власти, у *Г. Еллинека* просто ничтожна по своему содержанию, *Еллинек* делает короткое предварительное определение, а потом снабжает его целым рядом историко-юридических замечаний, совершенно не анализируя самое явление власти в государстве и оставляя его вполне не выясненным. [3])

Впрочем в современном государствоведении имеется ряд попыток, направленных к объяснению явлений власти. Попытки эти можно свести к следующим основным группам:

а) *Теория индивидуальной воли.* Это наиболее элементарная из всех назван-

---

1) Со времени Gerber'a, О. с.

2) Jellineck, О. с., стр. 481.

3) Jellineck, О. с., стр. 427. «Каждый союз» — говорит Еллинек, — «нуждается в единой воле. Волю, имеющую попечение об общих целях союза, повелевающую и руководящую исполнением его велений, представляет союзная власть». Вот и все по «теории» власти!...

ных попыток, существо которой сводится к утверждению способности личной воли одного человека властвовать над волей другого. Власть есть, стало быть, воля одних людей, направленная на волю других. Государство есть «соединение известного количества людей... *под высшей волей*» или же «руководимая властной волей, властная организация оседлого народа». [1]) Учение это об единой, индивидуальной воле, руководящей государством, особенно было по пути писателям монархического лагеря. Только единая человеческая воля, учили они, может быть неподвижной точкой, на которой укреплена вся система человеческого общения. [2]) Эта скрепляющая воля может определяться в своих решениях другими волями, но все-таки она должна быть одна и едина. Но если поставить вопрос, как же объяснить тот удивительный факт, что одна воля властвует над многими, на этот вопрос государствоведы названного направления удовлетворительного ответа не давали. По признанию одного из них, институт господства одной воли над направлением воль множества людей «есть необходимая форма общественной жизни», выработанная историей. «Праздное занятие —изыскивать правовое основание для того, что существует в силу естественной необходимости». [3]) Но речь, конечно, идет не о юридических основаниях власти, а о объяснении того естественного процесса, который порождает основанные на властных отношениях человеческие общества. И процесс этот, надо признать, остается необъясненным.

б) *Теория «общей» воли.* Она исходит из учений органической школы, отдельные воззрения которой на государственную власть, правда, в обезличенной форме, доходят и до наших дней. [4]) Органическая школа учила, что государство есть особое органическое целое, обладающее, по мнению некоторых органистов, особым самосознательным единством и являющееся особой, высшей личностью. Личность эта обладает всеми свойствами личности человеческой, и, следовательно, можно говорить о присутствии в ней особой воли. Государственная власть и есть особая воля государства-личности. Именно, потому, что это есть личность *высшая*, — поэтому и воля ее выше, чем воля индивидуальная. Оттого она и преобладает над индивидуальной волей, властвует над ней. Последовательные органисты действительно были убеждены, что в государственном организме существует такая, независимая от человеческих личностей, волевая сила или мощь, но с постепенным разложением органической теории государства убеждение это иссякло, однако, формула осталась и перешла по наследству к юристам и государствоведам совершенно различных направлений. «Воля государства» — повторяют они — «не сумма воль граждан, а особая властвующая над ними воля». Но что же такое эта воля, если государство не есть особый организм и особая реальная личность? — На этот вопрос у большинства современных сторонников «общей воли» ответа не имеется. В известном смысле чистые органисты в государствоведении, верившие в существование особого начала общественной воли,

---

1) Определения у Seydel, Allgemeine Staatslehre, стр. 1 и G. Jellineck, Gesetz und Verordnung, стр. 122.

2) E. Lingg, Empirische Untersuchungen. Zur allgemeinen Staatslehre, Wien, 1890, стр. 16.

3) E. Lingg, O. c., стр. 5.

4) Об органической школе см. *Н. Н. Алексеев*, Очерки по общей теории государства, Москва, 1920.

были последовательнее, чем современные государствоведы, которые убеждены, что в государстве нет никакой воли, как особого существа, и в то же время утверждают необходимость понятия «общей воли». Современное научное сознание уже миновало ту стадию развития, на которой утверждалось существование государственной личности, как особой субстанции с особыми ей свойственными качествами или аттрибутами, следовательно, с особым сознанием и особой волей. Мы видим, что многочеловеческая личность может проявлять свои качествования только через одночеловеческие личности и их состояния, таким образом, и воля ее не существует сама по себе, но только через индивидуумов и в индивидуумах.[1]) Если это так, то мы опять стоим перед уже известным нам, но еще не решенным вопросом, каким образом объяснить, что в воле некоторых индивидуумов может качествовать какая-то высшая, государственная воля, делающая обязательными предписания свои другим индивидуумам?

в) *Теория власти права.* Развитие теории «общей воли» в западной науке привело к теории власти права. Никакой «общей воли», как *особого психического начала*, нет—утверждают сторонники названных воззрений. Однако, неправильно было бы совершенно отрицать то, что не вполне точно «общей волей» называлось. «Общая воля» в государстве не есть проявление какой-то высшей душевной жизни («общей души»), но именуемое «общей волей» совпадает с началом обязательных в государстве норм права.[2]) Воля государства и есть совокупность норм или правопорядок. Нормы эти высказывают долженствование, нечто предписывают, нечто повелевают,—и сила такого долженствования ощущается людьми, как некая «власть». Склонность наша персонифицировать явления приводит к тому, что обязательность правопорядка люди превращают в какое-то особое существо, в государство-личность, обладающее особой волей и особой высшей властью. На самом деле власть «общей воли» есть власть права.

Основной недостаток теорий, которые пытаются объяснить явление государственной власти путем сведения ее к власти права, заключается в том, что они впадают в порочный круг и ничего не объясняют. Сказать, что основой государственной власти является правовая норма, которая предписывает повиноваться, когда кто-нибудь (монарх, деспот, парламент и т. п.) приказывает,[3]) это значит высказать совершенно бессодержательное суждение: власть есть, потому-что ей должно повиноваться. Но почему ей должно повиноваться, и почему ей повинуются, — на этот вопрос ответа никакого не дается. Нормативисты возразят, что решение этого вопроса не входит в теорию государства, так как ответ на него дается в социологическом изучении государственных явлений. Но социологическое изучение, как это старается показать *Кельсен*, предполагает нормативное и само по себе не может установить понятия государства, которое не совпало бы с понятием правовой нормы. Таким образом и социология должна признать, что власть государства есть власть права. Мы приходим снова к той же тавтологии: власть государства есть власть норм, которые предписывают повиноваться власти. Все это свидетельствует о совершенно безнадежном положении теории власти права. Теория эта возвела в принцип тот чисто условный подход

1) Ср. выше. стр. 50 - 1.
2) Обосновано у Kelsen, Hauptprobleme der Staatsrechtslehre.
3) Kelsen, Der juristische und soziologische Staatsbegriff, стр. 187.

к изучению государства, который делает юрист-догматик при изучении положительного права. Юристу ведь ничего не нужно объяснять; ему даны юридические нормы, которые нечто предписывают, как обязательное, — и эта обязательность является отправной точкой юриста. Но почему она должна быть отправной точкой общей теории государства? — на этот вопрос ответа не дается. А между тем ясно, что общая теория государства имеет дело со всеми возможными типами государства, следовательно, со множеством различных правопорядков, ни один из которых для нее не обязателен в узком смысле положительно-юридической догматики. Стало быть, то, что является несомненной отправной точкой юриста, составляет только проблему для исследователя теоретических вопросов государствоведения.

В результате нельзя не признать формального преимущества воззрения на власть, как на истечение общей воли государства-личности, по сравнению с теорией власти права. В первом, по крайней мере, содержалось мнимое объяснение явлений власти, тогда как в последнем не содержится никакого. Теории «общей воли» исходили из неверного, не соответствующего действительности, метафизического (в дурном смысле) принципа; теория власти права вся построена на тавтологиях.

Впрочем можно говорить о «власти права» и в другом, еще не разобранном нами смысле. Можно считать, что принцип права в государстве обладает некоторой особой идейной мощью. Принцип права уважается, так как в нем содержится некоторая ценность. Он имеет за собой авторитет, который является авторитетом чисто идеологическим.[1]) Действительно, мы знали, что подобным авторитетом обладают многие идеологические принципы и в личной жизни, и в общественной. Можно говорить об авторитете науки, религии, обычаев, нравов, учреждений и т. п. Несомненно, «власть» над людьми имеют не только другие люди, но и отвлеченные начала, принципы, идеи, ценности. Подобно тому, как отдельный человек бывает как бы «одержим» властью отвлеченных идей, подобно этому «одержимым» ими может быть и целое общество. Такова и есть «власть» справедливости и права.

При всей истинности подобных допущений, их нужно применять по отношению к общественной жизни с следующей оговоркой: отвлеченные принципы могут властвовать в обществе,но «власть» их нуждается в исполнителях.В индивидуальной жизни «исполнителем» является тот же самый человек, который служит авторитету данной идеи. В общественной жизни должна быть особая категория лиц, которые были бы специально призваны приводить в действие последствия власти отвлеченных идей. Таким образом«власть права» нуждается в том, чтобы кто-нибудь принудительно выполнял правовые предписания и принуждал выполнять их других в случае их нежелания повиноваться праву. Необходимо, следовательно,чтобы были какие-то лица, которые от имени «права» предписывали бы другим людям определенные действия.Иными словами, необходимо,чтобы одни во имя права приказывали, другие повиновались. Если этих личных властных отношений между людьми нет, то «власть права» превращается в мертвую букву.Право становится бессильным и,стало быть,утрачивает фактическую

1) Kelsen, O. c., стр. 91.

власть. Но как же объяснить то, что некоторые группы лиц и некоторые отдельные лица, покрываясь авторитетом права, предписывают свои решения другим лицам? Ясно, что эта способность не может принадлежать любому человеку, что должны существовать какие-то условия, которые позволяют одним лицам творить правовое принуждение, а другим — повиноваться. Факт власти остается и здесь не объясненным.

г) *Классовая теория власти.* Громадным преимуществом в смысле объяснения и понимания природы власти в государстве обладает теория Маркса и его последователей. Она сводит, как известно, отношение между властвующими и подчиненными к отношениям между общественными классами. Властвующим в государстве является экономически более сильный класс, подчиненными — классы экономически слабые и потому зависимые. [1]) Тот взгляд, что государственная власть есть отношение сильных и слабых, следовательно, отношения, вытекающие из насилия, — по известной пословице «кто палку взял, тот и капрал» — этот взгляд широко коренится в суждениях здравого человеческого рассудка. Распространению его способствовала возникшая перед французской революцией просветительная философия, которая призванием своим считала низвержение общественных авторитетов и борьбу с общественным насилием. Она-то и превозгласила истину, что всякая государственная власть возникла из насилия более могущественных и хитрых над слабыми и непросвещенными. [2]) Теория *Маркса* отличается от этих довольно вульгарных истин эпохи просвещения тем, что она подводит под теорию насилия историко-социологический фундамент. [3]) Государственная власть возникла не потому, что кучка узурпаторов воспользовалась невежеством масс и стала их эксплоатировать. В государственных отношениях властвования находит свое внешнее выражение глубокий процесс внутреннего развития общества. В процессе развития общественных производительных сил и производственных отношений стихийно родятся общественные классы и столь же стихийно складываются их взаимоотношения. Производственный процесс порождает, с одной стороны, имущих, сильных, с другой стороны, неимущих, слабых. Отношения между ними суть прежде всего отношения экономические, возникшие в процессе производства данной эпохи. Государственное властвование является простым отражением этих экономических отношений. Государство есть та организация, которая придает социально-экономическим отношениям официальный характер, легализирует их, покрывает авторитетом права. Правительство в государстве есть ничто иное, как комитет правящего класса. [4]) Таким образом тот факт, что в человеческом обществе некая группа лиц обладает способностью делать свою волю обязательной для большинства, находит, согласно

---

1) Das kommunistische Manifest, «Политическая власть в собственном смысле есть организованная власть одного класса в целях угнетения другого».

2) См. у J. Cunow, Die Marx'sche Geschichts,-Gesellschafts-und Staatslehre, Bd. I, стр. 19-20.

3) Ср. критику, которую дает теории насилия *Энгельс*, Anti-Dühring, II-tes Abschnitt, § II-IV.

4) Fr. Engels, Die Ursprung der Familie, 6-te Aufl., стр. 177-8.—Также *Энгельс*, Очерк философских воззрений Л. Фейербаха, пер. с пред. Плеханова, Женева, стр. 46-7.

но этой теории, объяснение в факте экономической зависимости, в которую большинство это попадает в процессе производственных отношений данного общества.

Государство есть, следовательно, организация классового господства и классового принуждения. Было бы совершенно бесплодно отрицать фактическую истинность этого вывода для очень многих известных нам исторических государств. Поэтому бесплодным делом является и огульное опровержение марксизма, которое в моде у его противников. Марксизм следует признать соответствующим действительности научным обобщением. Необходимо только поставить вопрос, всю-ли историческую действительность он охватывает? При ответе на этот вопрос мы увидим, что обобщение, сделанное марксизмом, приходится вдвинуть в цепь еще более широких обобщений, касающихся явлений государственного властвования в истории человеческих обществ. Мы стремимся таким образом не к пересмотру марксистской теории государства, не к ревизионизму, — мы намерены воспользоваться положительной стороной марксизма для того, чтобы построить новую, более универсальную и более адэкватную теорию государственной власти.

§ 2. Теория ведущего слоя.

Прежде всего, само положение правящего класса в обществе имеет с социологической точки зрения совсем иное, мы сказали бы, более *функциональное* значение,чем это предполагал *Маркс* и предполагают многие его последователи. Для *Маркса* правящий класс есть главным образом — *класс угнетатель*. Существование этого класса в значительной степени покрывается *функцией угнетения*, т.-е. общественным паразитизмом.[1]) Правящий класс есть то паразитическое растение, которое возникает стихийно на народном теле и питается его соками. Существование его, стало быть, есть некоторый болезненный процесс, который рано или поздно нуждается в устранении, — или эволюционно-органическом или даже оперативном. Оттого будущее, нормальное общество, в котором будет уничтожена эксплоатация, не может нуждаться в существовании правящего класса. Исчезнет паразитизм, исчезнут классы, исчезнут, следовательно, деления на управляемых и управляющих,— исчезнет необходимость в ведущем слое.[2]) Будущее общество будет чистой рабочей демократией, в которой нет места существованию властвующих и подвластных, в которой все будут управлять, — даже каждая кухарка. Проверка этой идеи дана, в настоящее время, самим опытом, самой жизнью. Пример России показал, что существование социалистического государства не мыслимо без наличности правящей партии или правящего отбора. Социалистическое государство может широко вовлекать население в государственные дела, но не способно обойтись без некоторой ведущей группы,

1) Можно сказать, что Маркс колебался между признанием функционального значения класса и утверждением его паразитической роли. Ср., напр., цитату, приведенную в прим. 1-ом на стр. 70, с перечислением заслуг буржуазии в гл. I. Коммунистического Манифеста.

2) Ср. Коммунистический Манифест, конец гл. II.

вдохновляющей своими идеями и своими трудами все предприятие социалистического государственного строительства.[1]) Именно, въ силу того, что социализм есть план, есть система, проведение социализма не возможно без носителей этого плана и руководителей этой системы. В силу сказанного социалистическое государство нуждается в ведущей группе в гораздо большей степени, чем нуждались другие государства, построенные на других, более стихийных способах хозяйствования. Однако,изучение истории показывает,что в ведущем слое нуждались и другие общества, — и не в силу стремления к паразитизму, свойственному высшим классам, но вследствие глубоких, внутренних, чисто естественных потребностей всякого общественного целого. Всякое, и не социалистическое государство, является некоторой *организацией*, — организацией,хотя бы стихийно возникшей; а организация нуждается, чтобы ею кто-то руководил, чтобы кто-то в ней держал дирижерскую палочку. Поэтому стихийный процесс возникновения властных отношений столь же стихийно приводит к образованию некоторого социального отбора. Ведущий слой возникал не потому, что группа обманщиков захватывала власть, чтобы эксплоатировать народ, но в силу тех же, чисто естественных процессов, в результате которых в организме более тонкие мозговые клетки отбираются от других.В жизни стихийно возникшего ведущего слоя нужно различать процессы старения и разложения,с одной стороны,и творческие процессы зарождения и подъема, с другой. Это — имеющий всеобщее значение исторический факт,что стихийно возникший социальный отбор не существует постоянно и неизменно.[2]) Органически возникшие аристократии подвержены вырождению, — и в период вырождения ведущий слой постепенно утрачивает свою функциональную природу, становясь все более и более паразитическим. *Социальный паразитизм есть признак общественной дегенерации, а не социального расцвета.* В период зарождения и развития всякий ведущий слой, даже чисто классовый,питающий эгоистические интересы определенной социальной группы,силою вещей отправляет известную социальную функцию. Так отправляла свою функцию молодая буржуазия, способствуя накоплению общественных богатств и развитию производительных сил, — порождая тех «капитанов промышленности», которые собственными трудами организовали капиталистическое производство. Но упадочная, разжиревшая и обленившаяся буржуазия, неспособная даже защищать свой собственный социальный строй, является классом дегенеративным и потому паразитическим.

Изучение процессов умирания ведущего слоя и пополнения его новыми, живыми элементами составляет заслугу еще мало, в настоящее время, оцененных работ швейцарского экономиста и социолога *В. Парето*. В процессах образования социального отбора *Парето* усмотрел тот объективный исторический феномен, который, по его мнению, следует отличать от субъективных преломлений этого феномена в человеческом сознании, в идеологии.[3]) Так, например, объективный процесс образования нового ведущего класса в европейских государствах

---

1) Иными словами, в социалистическом обществе не будет правящего класса эксплоататоров, но будет функциональный ведущий слой. Об этом см. ниже.

2) V. Pareto, Les Systèmes socialistes, Paris, 1926, T. I, стр. 28.

3) V. Pareto, O. c., I, стр. 6.

в 17-м—18-м в. в. (образование буржуазии) нашел субъективное отражение в европейском политическом демократизме, порожденном английской и французской революциями. Под лозунгом «прав человека и гражданина», под призывами к освобождению угнетенного народа, крылось неосознанное стремление поставить на место феодальной аристократии новый ведущий слой. Хитрость исторического разума заключалась в том, что он превозгласил свободу и равенство *для всех* для того, чтобы из этих «всех» создать кадры новых распорядителей и властителей.[1])

Нужно различать процессы постепенного восстановления ведущего слоя в государстве путем просачивания новых элементов в старую правящую группу (процесс инфильтрации) от процессов конвульсивного замещения одного ведущего слоя другим (катастрофические, революционные процессы). Процессы эти имеют сходство с фактами, наблюдаемыми в физических организмах, которые существуют только удаляя некоторые свои отжившие части и замещая их новыми. Если означенные процессы подавлены, живое существо умирает. Если они запаздывают, организм начинает болеть. Малейшее внешнее или внутреннее потрясение может вызвать резкий кризис. Равновесие нарушается, происходит бурный катаклизм, который выносит на поверхность новый правящий отбор.

Как мы сейчас убедимся, правящий общественный слой не всегда совпадает с общественно-экономическим классом. Правящий слой можно наблюдать в обществах, в которых экономические отношения очень просты и элементарны. Уже в самых примитивных государствообразных обществах, каковыми являлись, скажем, древние волости или жупы и каковыми еще ныне являются отдельные поселения австралийских или африканских туземцев, можно наблюдать зачатки политического расслоения на управляемых и управляющих, — можно наблюдать, следовательно, присутствие правящего слоя. Можно сделать даже общее наблюдение, устанавливающее особенности политического режима, характеризующего этот первоначальный политический быт. Это есть режим, где управляют старшие, старейшины, — следовательно, это есть политическая форма, которую можно назвать *геронтократией*, —правлением старших.[2]) Политическая форма геронтократии имела, повидимому, широкое распространение в истории.

С объединением отдельных волостей в государственные образования типа «земель» происходят существенные изменения и в самом характере ведущих групп. Можно считать доказанным, что громадное количество, если не большинство, когда-либо существовавших государственных образований более широкого типа, начиная с «земель» и кончая «государствами-мирами», возникло в результате завоевания одних племен и народов другими. В этом опытном смысле совершенно неопровержима теория тех социологов, которые утверждают, что исторически государство произошло из взаимоотношений отдельных человеческих племен и рас, что государства возникли, как результат насилия одного племени

---

1) V. Pareto, O. c., стр. 29-30.

2) Богатый материал по описанию геронтократии у австралийских туземцев см. у Spencer and Gillen, The native tribes of central Australia, London, 1899. — *Их-же*, Native tribes of the northern territory of Australia, London, 1914.

над другим, как результат завоевания и покорения слабых племен сильными.[1])

Таким образом, возникают ведущие группы чисто племенного состава, — явление, также имеющее весьма широкое распространение в истории. Соответствующие примеры чрезвычайно многочисленны, почти-что неисчислимы. Мы ограничимся указанием на некоторые.

По общему признанию историков, *правящая раса* (la race dynastique) господствовала в древнейший период монархии фараонов,—спор идет только о том, была ли эта раса чуждого происхождения—раса завоевателей, пришедших из Азии, — или же это — одни из выдвинувшихся коренных обитателей разноплеменного египетского царства.[2]) Пришедшие (в 1660 до Р. Х.) в Египет азиатские завоеватели (под именем Hyksos) были правящей группой в Египте в течение почти целого столетия и положили основание собственной династии. В высшей степени разноплеменная ассирийская империя эпохи своего расцвета (приблизительно VII в. до Р. Х.) является типичным примером диктатуры народа-победителя над народами покоренными. Особенно в этом смысле характерна та политика территориальных перетасовок покоренных народов, которую широко практиковали ассирийцы.[3]) Персидское царство, основанное на развалинах ассирийской империи, покоилось также на диктатуре пришедших с севера иранских завоевателей. Однако, на примере государственного устройства, введенного персами, можно видеть, как в древних восточных империях власть вновь пришедших завоевателей комбинировалась с властью правящих слоев туземной аристократии, — что имело впрочем место и в ассирийском царстве. Персидское царство включало в себя огромное количество государств, республик и монархий, совершенно автономных в своей внутренней культурной жизни и даже сохранивших своих правителей.[4]) Дарий выбирал сатрапов из всех классов населения, из бедняков и богатых, из персов и из туземцев, однако, наиболее важные сатрапии он вверял только лицам, находящимся в родстве или в свойстве с царской фамилией (с Ахеменидами). Правящий слой народа победителя инфильтрировал в себя правящие слои побежденных народов. Эта старая восточная система нашла применение

---

1) L. Gumplowitz, Allgemeines Staatsrecht, 1907, стр. 38. В новейшее время к этому взгляду примыкает Fr. Oppenheimer, System der Soziologie, Bd. II, 1926. Основная идея этого последнего автора заключается в том, что государство возникло насильственно, путем завоевания, — след., не естественно, а искусственно. Поэтому государство коренным образом отличается от предшествующих ему родовых организаций. Оппенгеймер только упускает из вида, что племя завоеватель уже перед покорением другого племени должно было обладать некоторой *властной организацией*. В этом смысле *всякое покорение* есть признак превосходства одной организации над другой, что правильно отмечает von Wieser, Das Gesetz der Macht, Wien, 1926, стр. 6-7. Иными словами, первоначальное государство включает в себя не только междуродовой и междуплеменной, но и внутриродовой, внутриплеменной момент. Первоначальные исторические государственные организации сложились из внутриплеменных и междуплеменных властных отношений.

2) Резюмэ у Moret et G. Davy, Des clans aux empires, 1923, стр. 179 и след.

3) G. Maspero, Histoire ancienne de l'Orient, Vol. III, стр. 193 и след.

4) G. Maspero, O. c. , Vol. III, стр. 686.

и в огромной империи Чингисхана, правящим слоем в которой было племя туранской расы. [1]) По признанию историков, евреи были ведущей расой в хозарском государстве. Варяги или норманы были правящим слоем в славянских государствах, послуживших основой для образования Руси. Военный орден, составленный из германцев, был правящей группой среди литовских и славянских племен и образовал Пруссию, ставшую потом центром Германской Империи. Высшие индийские касты по племенному своему составу принадлежали к пришедшим в Индию арийцам-завоевателям и т. п.

Но еще более существенно то, что в истории различных государств всегда можно более или менее ясно нащупать существование двух еще не рассмотренных нами видов правящих групп, — групп стихийно возникших, социально *классовых*, и групп сознательно образованных, *служилых*. Существо служилой группы определяется тем, что она, по преимуществу функциональна, т.е. отправление известных общественных функций составляет ее основную жизненную задачу. Подобная группа является носительницей нейтральных задач государственного служения. В зависимости от преобладания классовых или служилых групп, можно установить два типа государств,—государства, построенные на господстве социально-экономического класса, и государства, построенные на господстве служилого ведущего слоя.

Замечательный пример классового государства описан Острогорским в Англии XVII и первой половины XVIII века. Это было государство, построенное на «абсолютном господстве класса аристократии». [2]) «Власть этого класса покоилась почти целиком на его экономической и социальной мощи», т.-е. на землевладении. Внутренно класс этот представлял собою как бы особое «общество», — общество с большой буквы, общество джентльменов. Общество это как бы *слилось с государством, отожествило себя с ним*. «Только землевладельцы считались действительно заинтересованными в благосостоянии страны, они одни ставили ставку в этой игре, имели чем рисковать (a stake in the country). В качестве лэндлордов, члены этого общества держали в руках все остальное население и сверх того, в этом же качестве, были носителями всей суммы публичной власти и в центре, и на местах. В руках джентльменов было местное самоуправление, но в их руках был и парламент, ибо огромное большинство избирательных мандатов принадлежало им. Министры, назначаемые соизволением палаты, были их ставленниками. Всякий акт публичной власти, — и законодательный, и исполнительный — исходил от парламента, т. е. от представителей «общества джентльменов», — «от общества и государства, слившихся в единое существо». «Чтобы завершить единство, государство присоединяет и духовную область, превращая религию в государственный институт. Публичные функции, избирательные мандаты в парламент, как и в местные органы, доступны только членам установленной церкви. Университеты открыты только для тех, которые заранее заявят об исповедании ими государственной религии. Отожествляя себя таким образом с церковью, государство накладывает на общество печать высшего духовного единства». «До народных масс едва доходили редкие лучи света и тепла, исходившие

1) Ср. *И. Р.* Наследие Чингисхана, 1925.
2) Я пользуюсь характеристиками *Острогорского*, Демократия и политические партии. Госиздат, Москва, 1927 (русский перевод).

из этого общества джентльменов, от этой аристократической церкви, от этой государственной религии, уложенной в параграфы, от этого исключительного политического строя... Правящий класс не делал ничего, чтобы вывести народ из невежества, в котором он коснел, чтобы возвысить его, дать ему почувствовать, что он также имеет ставку в игре, имеет чем рисковать».

В подобном государственном строе, в котором государство сливалось с классовой организацией, а правительство было как бы комитетом этой последней, правящий слой, само собою разумеется, только в минимальной степени являлся носителем и выразителем общегосударственных «надклассовых» интересов. И если даже интересы правящего класса выражали интересы государственного целого, то это являлось более результатом случайного, стихийного, совпадения, чем сознательных, политических намерений. Сторонники классовой теории государства полагают, что так дело обстояло везде, во всяком государстве, в течение всей человеческой истории,ибо государство и есть организация классового господства и классового принуждения. Они упускают из вида, что политическая история знакомит нас с совершенно противоположными тенденциями, — с более или менее ярко выраженным стремлением построить правящий слой в государстве *на надклассовой основе*, превратить его в *функционального исполнителя* некоторых общих государственных задач. С характерным воплощением такой тенденции знакомимся мы в истории русского государства.

По сравнительно общему признанию наших историков,едва-ли не самой характерной чертой нашей истории является преобладание в ней стремления к образованию чисто *служилого* ведущего слоя, — откуда и вытекала столь ясно выраженная в разные исторические периоды жизни нашего государства борьба с классовыми и сословными преимуществами отдельных социальных классов. Так было в Московском государстве в период сложения его в национальное целое. По мнению *В. О. Ключевского*, в XV-XVI вв., когда складывалась Московская Русь, мы не находим в ней твердо выраженного понятия о каких-либо сословных преимуществах отдельных групп и классов. Московское законодательство знало хозяйственные выгоды, которыми пользовались разные классы и которые служили не интересам этих классов, а целям государства, были средствами исправного исполнения государственных обязанностей, наложенных на общественные чины, а не средствами обеспечения интересов этих чинов. Эти выгоды достигались собственными усилиями отдельных лиц, — потому общественный строй Московского государства, прибавим мы, нельзя называть социалистическим, — или получались лицами от государства (напр., поместья). В том и другом случае государство налагало на этих лиц соответствующие этим выгодам тягости. «В других странах» — говорит *Ключевский*, — «мы знаем государственные порядки,основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или на сосредоточении прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на развертке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были не с одинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Отношение обязанностей к этим выгодам было обратно тому, которое существовало в других государствах между политическими обязанностями и правами; там первые вытекали из последних, как их следствия, —

здесь, напротив, выгоды были политическими последствиями государственных обязанностей».[1]) В таком изображении московский политический строй, поистине, является противоположностью английского. Русская интеллигенция привыкла относиться к нашему прошлому с брезгливой гримасой повального отрицания: одно дело свободная Англия, другое — рабская, деспотическая Москва. Конечно, Московское государство было тяжелым, тягловым государством. Но с точки зрения государственной теории, Московское государство решало проблему, пожалуй, не менее важную, чем «правовая» Англия: оно решало проблему образования чисто служилого, функционального правящего слоя. Такова была политика всех великих и выдающихся русских царей. Можно отрицательно относиться к жестокости, с которой проводил названную мною программу Иван Грозный, но нельзя отрицать, что борьба его с княжатами, с боярским правлением, была идейно вдохновлена глубоко для его времени продуманной проблемой образования функционального, народного, служилого правящего отбора.[2]) Быть может, возразят, что политика Грозного и Московских царей в конце концов не удалась,—в Московском государстве, после смутного времени, при первых Романовых стихийно образовался некоторого рода сословный строй (три сословия — служилые, посадские и крестьяне). Однако , Петр I, снова, по примеру Ивана 4-го (которого, как известно, он весьма высоко ставил), превратил московское дворянство из привиллегированного сословия в служилый государственный слой. Петровское всероссийское шляхетство было той группой населения, на которой государственное тягло лежало не менее, если не более, чем на всех остальных. Дворяне, кроме старолетних и увечных, *по смерть* были определены на службу в армию, если только за болезнями «отставкою абшид» не получили. С 15 лет определялись дворянские дети в солдаты, чтобы знали «с фундамента солдатское дело». Обязанностью была и служба гражданская и служба во флоте. Для дворян было обязательно обучение не только грамоте и цифири, но и навигации, фортификации, юриспруденции и экономии. Не обучившимся дворянским недорослям запрещено было жениться. Все дворяне были приписаны к государству, всем дворянам велась обязательная регистрация, всем дворянам устраивались периодические смотры, на которые они должны были съезжаться в Петербург и Москву.[3]) Принимая все это во внимание, только по недоразумению можно говорить о петровском дворянстве, как сословии привиллегированном. Правда, за хорошее несение обязанностей, правящий слой получал отличия, — но то были отличия за «службу», за «годность», а не за род, не за принадлежность к классу. Если в старой Москве правящий слой был «служилым», «тяглым», то все-же там глубоко вкоренились понятия, что честь лица состояла главным образом в «принадлежности к известному роду, предки которого когда-то, ранее или позже, занимали особое положение в княжеской дружине или в цар-

---

1) *В. Ключевский*, История сословий в России. Курс, читанный в Московском Университете в 1886 г., стр. 110.

2) Ср. мою статью «Русский народ и государство» в ном. 8 журнала «Путь».

3) Ср. *Н. П. Павлов-Сильванский*, Государевы служилые люди, 1909.

ской службе».[1]) Отсюда — порядок местничества, — порядок, в сущности, наследственно аристократический, но в особом восточном, иерархическом смысле этого слова [2]) (не порядок равенства одинаково рожденных, — польское шляхетство, «панове-братья» и английский билль о правах,—но лестница родов по старшинству служилых поколений). Петр I для своего служилого сословия провозгласил принцип личных деловых заслуг и личной годности. Как замечал *Татищев*, Петр «великолепие единственно делами своими показывал и то-же требовал от сотрудников».[3]) Поэтому он и писал Сенату: «Сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянин во всяких случаях, какой бы фамилии ни был, почесть и первое место давал каждому обер-офицеру». «Знатное дворянство по годности считать» — говорил он. Людям «знатной породы» хотя и разрешались некоторые преимущества при входе на ассамблеи, однако, говорил император, «мы не даем никому из них никакого ранга, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут».

Таким образом, история свидетельствует, что существовали различные виды ведущих слоев в государствах и что «экономический класс» является только одним из этих видов. Игнорирование этого факта является одним из главных недостатков классовой теории государства, при всех ее достоинствах, особенно заметных в проблеме существа властных отношений.

§ 3. Современная демократия, как опыт построения государства без ведущего слоя.

Можно признать, таким образом, весьма обоснованным взгляд, что не существовало никаких других государств, кроме тех, в которых управляет ведущий слой;[4]) что в жизни государства действовал всегда закон «меньшего числа», т.-е. ясно выраженное меньшинство было представителем культурных тенденций государства в мировой истории, а среди этого меньшинства еще более узкий слой фактически руководил государством (управляющая группа).[5]) Истина эта как будто приобретает все большее и большее признание. Со скрытым или открытым сомнением относится к ней только современный западный демократизм. Нужно различать в современных демократических теориях две доктрины, из которых каждая по своему содержит отрицание идеи правящего слоя в государстве. Первую из них можно назвать теорией классической демократии, ведущей свое начало от *Руссо* и доныне еще имеющей и своих идейных защитников, и своих

---

1) *Бобровский*, Местничество и преступления против родовой чести, 1889, стр. 243.

2) Восточный характер местничества выяснен проф. *Леонтовичем*, Древний Монголо-Калмыцкий или Ойротский Устав, 1879.

3) Ср. *Павлов-Сильванский*, Цит. соч., стр. 230.

4) Spengler, Der Staat. Sonderdruck aus «Der Untergang des Abendlandes», II Bd., 1924, стр. 55: «Es giebt nur Standesstaaten»—говорит автор, отличая «Standesstaat» от «Ständestaat» (сословное государство).

5) «Закон меньшинства» является основным обобщением интересной книги von Wieser, Das Gesetz der Macht, 1926.

практических поклонников. Для нее демократия является «самоуправлением народа», при осуществлении коего каждый является одновременно господствующим и подчиненным.[1]) При более конкретном описании особенностей и существа этого политического строя, названная доктрина приобретает в свою очередь два варианта. Или она сводится к уже известной нам (ср. выше, настоящая глава, §1) теории правового суверенитета, согласно которой властвующим началом в государстве является правовая норма.[2]) При этом, как это уже было указано, упускают из вида, что «власть права» нуждается в реальных исполнителях, без которых она остается мертвой. Чтобы властвовало «право», нужна наличность людей, диктующих правовые повеления другим людям. Предположение этой наличности открыто не признается теорией демократии, но скрыто наличность эта дает себя знать, напр., в принципе «большинства» *Руссо*, которое фактически и становится реальным носителем власти. Или-же, при другом варианте, доктрина эта вообще склоняется к отрицанию властных отношений — и личных, и сверхличных. В демократии этого типа нет ни власти одних лиц над другими, ни власти какого-либо отвлеченного принципа над личностью. Она построена на полном устранении идеи авторитета.[3]) К теории суверенитета народа она склонна относиться столь же отрицательно, как и к идее суверенитета монарха,ибо обе оне предполагают нечто «высшее» и нечто, стоящее «под» ним, низшее.[4]) Открыто отрицает эта демократия и институт народного представительства, утверждая, что в истинной демократии весь народ непосредственно должен управлять сам собою, а не при помощи своих представителей, не при помощи какого-либо меньшинства, хотя бы и избранного, так как такой режим был бы уже аристократическим.[5]) Подобная демократия склонна отрицать также и авторитет изданных государством норм. «Довольно писанных конституций» — восклицают ее сторон-

---

1) У *Руссо* эта идея демократии формулирована в Du contrat social, Chp. VI, Liv. I: «Trouver une forme d'association, par laquelle chacun, s'unissant à tous, n'obéisse pourtant qu'à lui-même, et reste aussi libre qu'auparavant».

2) Современным выразителем этих воззрений является H. Krabbe, Die Lehre von der Rechtssuveränität, Gröningen, 1906, которого можно назвать продолжателем одной из традиций *Руссо*.

3) «Abolition de l'autorité»,— как называлась популярная в свое время брошюра G. de Girardin, Paris, 1851.

4) Girardin, O. c., стр. 6.

5) Другой представитель этого течения, небезызвестный в свое время H. Rittinghausen, La législation directe, Paris, 1852, находил, что *Жирардэн* недостаточно радикален, так как, отрицая парламент, он допускал независимую исполнительную власть в лице министров. *Риттингаузэн* выставил следующую формулу демократии: «Le peuple est tout, le reste n'est rien». — «Народ все, остальное — ничто»... Сходных с *Жирардэном* воззрений придерживался V. Considerant, La solution ou le gouvernement direct du peuple, Paris, 1850. С названными авторами полемизировал L. Blanc. Plus de Girondins, Paris, 1851, который считал, что формула «самоуправление народа посредством самого себя» не отрицает идеи власти и приводит к господству большинства над меньшинством. Вместо прямого народоправства он предлагал систему функционального представительства, при которой: а) депутаты избираются на возможно короткий срок; б) подлежат постоянному надзору избирателей; в) отчитываются периодически перед ними; г) отзываются в случае неудовлетворительной деятельности.

ники. Вместо непререкаемо устанавливаемых законов нужны гибкие декреты, выражающие непосредственные желания известных групп граждан. Государство в таком демократическом представлении мыслится, как совокупность свободных общин, образованных хотя бы по чисто количественному принципу — каждая тысяча граждан, — автономно управляющихся во всех своих делах и объединенных между собою, поскольку им это нужно (т.-е. как род чисто анархического общества).

Другая доктрина современной демократии считает демократическим такой политический строй, где, на основании народных выборов, происходит подбор «лучших», которые и являются «правителями» имеющего демократические оформления политического общества.[1]) По внешней видимости своей, сторонники такой, чисто «представительной» демократии не могут не признавать необходимости правящего слоя в государстве. Правящим слоем, по их мнению, и являются народные избранники. В отличие от всякого другого правящего слоя, народные представители являются слоем «незамкнутым», «свободным», построенным на принципе личного выдвижения и конкуренции. Мы не будем настаивать здесь на том, что характеризованный политический строй является не столько демократией, сколько избирательной аристократией;[2]) и притом аристократией весьма условной, ибо народ выбирает далеко не всегда «лучших», а очень часто «более нравящихся», более «приятных». Но мы настаиваем, что теория подобной представительной демократии вся построена на смешении идеи «правящего слоя» в государстве, как социологического явления, с понятием государственного органа, т.-е. специально оформленного носителя официальной государственной власти. Избранные народом представители — будь это парламент, президент или представители местного самоуправления — одинаково являются официальными представителями государственной воли, официальными «управляющими делами» государства (gérants d'affaires), стало быть, или той частью правящего слоя, которой юридически предоставлено выступать от имени государства, или же теми лицами, которые, не принадлежа к правящему слою, заступают его в ведении государственных дел (бюрократия в чистом смысле этого слова). Разбираемая здесь теория демократического государства оперирует таким образом с двумя категориями: «народ» или голосующий корпус граждан и народные представители, как государственный орган. Между ними в теории ничего не стоит, — никакого промежуточного звена. Правда,это только теоретически,а не

---

1) Теория представительной демократии восходит к Montesquieu, Esprit des lois, Liv. II, Chap. 2; Liv. XI, Chap. 6; Liv. XIX, Chap. 27. Мы не берем при этом более ранних английских политиков. Взгляды *Монтескье* получили свое развитие в оказавшей столь большое влияние брошюре Sieyès, Qu'est-ce que le tiers Etat, Ed. critique par E. Champinion, 1888. — Различие двух видов демократии формулировано Esmein, Deux formes du gouvernement. Revue du droit public, T. I, 1894. Ср. также *В. М. Устинов*, Учение о народном представительстве, т. I, Москва, 1912.

2) Considerant, O. c., стр. 1, последовательно упрекал представительную демократию в аристократизме: «*Démocratie*: le peuple tout entier se gouvernant lui-même. *Aristocratie*: un gouvernement extérieur à la totalité du peuple»... «Ce sont des définitions grammaticales. Nul ne les peut contester»...

практически. Практически между народом и его представителями стоит целый ряд, как мы увидим, различных звеньев.[1]) Однако, в теорию демократического государства это никак не входит. А потому она и излагается по параграфам, в которых нет места понятию правящего слоя. Теория эта говорит о суверенитете народа, правах граждан, о представительстве и парламенте, но не о правящем слое в государстве.

Впрочем у современных практических политиков демократического стиля нет точного методологического различения названных нами типов демократии. Типы эти, скорее, смешивают в довольно пестрое целое, из которого, судя по нуждам и потребностям, демократы вытаскивают то ту, то иную часть. Когда им приходится обороняться против упреков, что их государство есть классовое, они тотчас указывают, что классовая демократия не есть настоящая, что истинная демократия есть внеклассовая организация. При этом бессознательно сторонники демократии склоняются или к *Руссо*, или к анархизму. Когда же им указывают, что тем самым в демократическом государстве отрицается правящий класс, они тотчас же склоняются к другой теории и утверждают, что правящего класса никогда и не отрицали.

Наблюдение над социальным и политическим режимом современных демократий приводит нас к выводу, что мы имеем в нем весьма сложное социально-политическое образование, в котором уживается вместе целый ряд конкурирующих между собой ведущих и управляющих групп. Прежде всего было бы непростительным легкомыслием отрицать, что с социально-экономической стороны демократический режим является режимом классовым, в котором до последнего времени ведущим слоем была промышленная и денежная буржуазия. Не без основания *Парето* назвал режим демократии режимом, где управляют «rentiers et speculateurs».[2]) Деньги и капитал обладают особым весом в современном демократическом обществе, — и это признается не только социалистами, но и всеми сколько-нибудь способными к объективной политической установке буржуазными демократами. *Бернар Лоу* взял на выборку состав английского парламента за ряд лет и установил, что члены его принадлежали в громадном проценте к высшим классам. *Гастон Жэз* недавно писал про Францию, что *«политически и фактически* управляющая власть в ней принадлежит в настоящий момент имущим классам».[3]) По его мнению, в современной Франции всего менее можно говорить об отражении какой-то «народной воли» в парламенте. Властвует в республике не «народная воля», а та группа депутатов, сенаторов и министров, которая имеет страстную волю быть властвующей во что бы-то ни стало. Этой воле соответствует глубокая индифферентность подвластных к политике и их единственное серьезное убеждение, что всякое правительство лучше анархии. В современных демократиях в руках имущих классов находятся все основные

---

1) См. об этом ниже.

2) Pareto, Traité de sociologie générale, Vol. II, 1919, стр. 1435 и след.

3) G. Jèse, Le dogme de la volonté nationale et la technique politique. Revue du Droit public, 1927, vol. XLIV, No 2 со ссылками на статью M. H. G. Wells, le «Procès Civique», 30 avril. D. Warnotte, Gouvernants et gouvernés dans la société politique, Bruxelles, 1923 (Ins. Solvay).

пружины, при помощи которых вырабатывается демократическое общественное мнение. Сюда относится прежде всего пресса, которая,по свидетельству самих ее представителей, всецело живет под давлением денег.[1]) Сюда относится, далее, организация партий, партийная агитация, прямые подкупы и прочие роды давления на политику.[2]) Сам политический режим демократии создает особо выгодную почву для денежной и политической спекуляции. «В нашей демократии» — говорил в одной из своих речей *Бриан*, — «наблюдается некоторая лихорадочная нервность. Существуют в ней плутократы-демагоги, которые устремляются к обогащению столь неистово, что мы задохнулись бы, желая за ними следовать. И в тот момент, когда обогащение достигнуто со скандальной легкостью, в этот самый момент они поднимают кулак на богатых, — и делают это жестом, столь угрожающим, столь неистовым, столь возбуждающим, что невольно встает вопрос, сделано-ли это, чтобы разрушить богатство, или, скорее, чтобы ему покровительствовать».[3]) Тот автор, из которого мы заимствовали эту цитату, назвал французскую республику — «республикой приятелей» («la république des camarades»). И эти «приятели», которые, зачастую, в республике ведут себя, как в своей наследственной вотчине, принадлежат, конечно, к буржуазному классу. Названные нами факты относятся к европейской жизни, но тем более они могут быть отнесены к жизни Америки, где плутократический характер демократии выявляется более резко, чем в старом свете.

Но уже с половины XIX столетия на арене политической и парламентской истории европейских демократий выявляется новый класс, который с растущим сознанием своей мощи начинает все более и более притязать на господство в государстве. Мы говорим о европейском промышленном пролетариате. Те предпосылки, на которых строилась западная демократия, — возведенный в принцип закон большинства и эгоистический интерес человека, как верховный принцип жизни, — привели к тому, что политическое выступление этой новой социальной группы приобрело чисто классовый, а не функциональный характер. Западная демократия не умеет представлять общественное благо, как благо органической

---

1) Tönnies, Kritik der öffentlichen Meinung, стр. 183 приводит любопытную речь, произнесенную в 1895 г. на банкете N. Y. Press Association известным американским журналистом, John Swinton: «В Америке и ее городах не существует того, что называется свободной прессой. Вы это знаете, знаю это и я. Среди вас нет ни одного, кто бы осмелился выражать свои честные убеждения. Если вы это сделаете, то вы заранее знаете, что это не будет напечатано. Я получаю 150 долл. в неделю за то, что я скрываю свои честные мнения от газеты, в которой я служу... Человек, который был бы столь глуп, что стал бы выражать свои честные убеждения, был бы выброшен на улицу и должен был бы искать другое занятие. Занятие нью-иоркских журналистов состоит в том, чтобы искажать истину, нагло лгать, скрывать, клеветать, пресмыкаться перед Мамоной, продавать свое отечество и свой голос (что одно и то же) за кусок хлеба или за свое жалование. Вы это знаете, знаю это и я. Какая глупость поэтому произносить тост за независимую прессу». — Сходное же мнение у Lester F. Words, Pure Sociology.

2) *Острогорский*, Демократия и политические партии, кн. III, гл. 1, § 3, по пер., стр. 145-6.

3) *Pareto*, Sociologie, II, стр. 1444, цитировано по *Robert de Jouvenel*, La république des camarades, 1914.

целостности, она привыкла представлять его, как благо личных интересов некоторого численного большинства. А так как большинство составляют бедные, пролетариат,то и «народом» стали считать не общество, в его целостности, но численно наибольшую часть народа, следовательно,пролетариат.[1]) Таким образом, на место классового интереса буржуазии был поставлен классовый интерес пролетариата, на место буржуазного классового господства — пролетарское классовое господство. Такова уже была логика западной культуры, которая преимущественно шла путем государства классового и не хотела сойти с этой дороги даже при построении своих общественных идеалов. И европейский пролетариат, постепенно организуясь, как класс, повел жестокую борьбу с господством буржуазии, — борьбу, которая еще не завершилась и разрешение которой будет решительным днем всей западной культуры. Названная борьба и определяет действительную картину жизни современных западных демократий, которая для многих наивных людей скрыта за торжественными демократическими декларациями, пышными лозунгами и возвышенными призывами к справедливости и правде: европейская демократия фактически представляет собою поле битвы, где тихим сапом одна часть «демоса» берет другую. Официальные установления демократии, — парламенты, комиссии, министерства, — суть согласительные комитеты, которые устанавливают более или менее приличный modus vivendi во время этой войны.

Однако, политическое существо всех этих социальных отношений получило бы неправильное освещение, если бы мы не приняли во внимание еще один чрезвычайно существенный момент жизни демократического государства, — это организацию и деятельность политических партий. Официально, в своих конституционных текстах и хартиях, современная демократия ничего не знает о партиях. Как остроумно заметил один немецкий юрист, «статья 148 Веймарской конституции содержит постановление, согласно которому каждый ученик по окончании школы в Германии должен получить экземпляр конституции, — но, если этот молодой человек, который, наверное, слышал о существовании политических партий, а может быть и состоит членом одной из них, перечел бы конституцию с первой страницы до последней, то он, вероятно, удивился бы, что в ней вообще ничего не говорится о партиях».[2]) Между тем современная Германия есть типичное государство, расчлененное политически на партии, даже на партии вооруженные; и такими политически «партийными» государствами является любая другая современная западная демократия. Представляется общеизвестным, что партийный режим корни свои имеет в самих предпосылках строения современной демократии, которая имеет дело не с органическими частями государства, а с дезорганизованной массой отдельных голосующих граждан (политический атомизм). Эта масса может совершить любое политическое действие, — и в частности проголосовать с успехом какой-либо вопрос — только предварительно съорганизовавшись. Таким образом,партийный режим не есть, как это думают некоторые наивные люди, результат обнаружения свободы

---

1) *Hubert*, О. с.

2) *O. Kœllreutter*, Die politischen Parteien im modernen Staat, стр.62.

политических мнений, — такая свобода не была бы отменена, если бы голосующие граждане выступали, как организованные в профессии, экономические группы и т. д., — но есть проявление тех особых форм, которые придала демократии западная культура. И получилось, что классовая борьба в западных обществах, чтобы приобрести политически-парламентские формы, должна была стать борьбой «партийной». Классовые и экономически реальные интересы не нашли непосредственного выражения в политике, были завуалированы партийной идеологией и партийными различиями и переплелись с партийными интересами. Это — страшно запутало западную политическую жизнь, но в то-же время породило характернейшую ее особенность: оказалось, что ведущие классы в государстве могут образовать управляющие группы только при помощи политических партий. Таким образом демократический режим стал режимом, управляемым при помощи комитетов политических партий и их вожаков; классовая борьба стала борьбой партий; а правительство превратилось в согласительную комиссию партийных вожаков, — ту, скажем, «пятерку»,которая фактически ведет все главные государственные дела в некоторых современных республиках.

Недостаточно обращают внимание на тот идеологический смысл, который имеет это проникновение партийного режима в социальные отношения западных обществ. Партия зачастую является образованием *идеологическим*, построенным на известной социальной доктрине, даже на целой философии. И западная жизнь несомненно повысила преимущество тех партий, которые обладают цельной идеологией: они более сплачивают своих членов, превращают их из носителей случайного политического интереса в людей общей веры. Таковы особенно социалистические партии, которым удалось сорганизовать западный пролетариат. И получилось в западном демократическом государстве то недостаточно отмеченное явление, что *управляющей группой в нем стала группа идеологов. Демократия подготовила почву для идеократии, даже фактически ввела эту идеократию*. Ибо как же иначе можно назвать тот политический режим, во главе которого стоят партийные вожди-социалисты?

Таким образом можно считать доказанным, что попытку демократии построить государство без ведущего слоя и без управляющей группы следует считать вполне неудавшейся. Ведущим слоем в демократии сначала была буржуазия, потом с ней стал конкурировать пролетариат. Современная демократия и есть временный компромисс этих борящихся классов. Неофициально управляющей группой в демократии оказались партийные вожаки и партийные комитеты, — та *партийная олигархия*, существование которой можно считать доказанным всеми честными исследователями западной партийной жизни. Официальными выразителями этой олигархии являются государственные органы современных демократий, — парламенты, ответственные кабинеты и т. п.

§ 4. Существо власти.

Признание правды классовой теории государства с теми уточнениями и дополнениями, которые даются учением о правящем слое, не освобождает нас от оценки названной теории с точки зрения основной для нас проблемы, — именно, уразумения существа властных отношений и их объяснения. Бесспорно, сведение

политической власти к экономической зависимости уясняет нам многое в явлениях властвования. Главное, оно сводит более сложные факты к более простым, и это есть уже несомненная научная заслуга. Власть правящей группы есть явление простое и наглядное. Но экономическая зависимость есть факт еще более простой, всем нам понятный. Всякий знает, что означает испытывать экономическую нужду, быть зависимым от экономических условий, от чужой собственности и капитала, и переживать зависимость от более состоятельных людей. В факте экономической зависимости есть некоторая наглядность, и объяснять власть государства при помощи экономической зависимости, это значит давать наглядное объяснение. Однако, названная теория, объясняя многое, не объясняет одного: каким образом случилось, что экономическая мощь, владение землей и капиталом, находилась не в руках народных масс, а в руках меньшинства? Ведь массы физически сильнее этого меньшинства. Кто же дал или что же дало «ключи власти» правящим классам? Этот вопрос, недавно поставленный австрийским экономистом и социологом *фон-Визером*-в его интересной книге «Закон силы»,[1]) много лет тому назад, почти в таких же выражениях, формулирован был замечательным русским государствоведом и юристом, *Н. М. Коркуновым*.«Господство имущих над неимущими бесспорный факт»—говорил этот последний. Но почему, ставил он вопрос, неимущие зависят от имущих, почему они вынуждены продавать им свой труд? Конечно, потому, что для производительного труда необходимы средства, а средства эти — земля, капитал, оказываются во власти имущего меньшинства. Но на таком объяснении нельзя остановиться. Сам собой возникает дальнейший вопрос: откуда же берется у меньшинства эта власть удерживать за собой средства производства и не допускать к пользованию ими нуждающееся в них большинство?[2]) По мнению Коркунова, это нельзя объяснить из условий производства, так как сами эти условия «обусловлены наличностью у капиталиста этой власти устранять других от пользования принадлежащим ему капиталом». Нельзя объяснить это и физической силой, которой обладают имущие. Численное преобладание и, следовательно, физическая сила находится в руках у неимущих. Ведь они составляют в капиталистическом обществе те кадры армии, на которых физически держится классовое государство. Таким образом, теория классовой власти не объясняет нам того, что она прежде всего должна объяснить,[3]) — именно, загадочную мощь, которой пользуются имущие, удерживая, по большей части, руками самих неимущих, обладание землей и средствами производства. Повидимому, дело здесь не в простом физическом преобладании, а *в способности имущих властвовать над душами неимущих*. Повидимому, нужно отличать физическую силу от психической мощи (Macht). Психическая-же мощь есть господство над душами людей, и к этой мощи сводится, в конце концов, властвование правящих классов над большинством.

Таким образом, в конечном итоге явления власти и подчинения сводятся не к экономическим, а к чисто психологическим основам. Остается только поставить вопрос, каковы-же те психические силы, на которых, в конце концов, покоят-

---

1) Von Wieser, O. c., стр. 2-3.
2) *Н. М. Коркунов*, Русское государственное право, т. I, СПБ, 1901.
3) Von Wieser, O. c., стр. 23-24.

ся явления властвования. Западная теория, как мы уже видели, в качестве такой силы выдвигает начало воли. Замечательную критику этого воззрения дал уже упомянутый нами *Н. М. Коркунов*. Сам *Коркунов* был позитивистом, если угодно западником, но решение, которое он дает поставленному вопросу, сознательно противопоставляется им западным, волевым учениям. *Коркунов* отмечает, что особое выделение волевого принципа и в философии, и в этике, и в религии, составляет характернейшую сторону западного миросозерцания, начиная с Августина. Действительно, можем прибавить мы, западный волюнтаризм (берем это понятие в самом широком смысле) глубоко был связан с всем духовным складом западного, фаустовского человека, который стремился к самоутверждению волевой личности в этом мире, к волевому завладению миром и к распространению в нем. Для него непонятно было воззрение, выраженное в ряде философских систем Востока, согласно которому многое в мире проистекает не из разумной воли, а «становится», «случается», «само собой происходит». Эту «восточную мудрость», вовсе не сознавая того, применил к истолкованию явлений власти *Коркунов*. По его словам, «властвование не предполагает необходимо наличности воли».[1]) Властвующий над другими, в силу обаяния, святости, гениальности ума, художественного дара, чарующей простоты, властвует часто над ними, не думая вовсе о том, иногда даже того не желая. От факта такого обаяния не отделаться и тогда, когда оно докучает. Аскет, совершающий свой подвиг умерщвления плоти, отречения от мира, не ищет, конечно, власти над людьми, и, однако, очень часто получает, именно в силу своей святости, великую власть над верующими. Возлюбленная рыцаря Тогенбурга, в известной балладе Шиллера, поступившая в монашенки, не желала над ним властвовать, однако он всю жизнь отдал одному ожиданию, «чтоб у милой стукнуло окно, чтоб прекрасная явилась». Татьяна тогда только и властвует над Онегиным, когда «она его не замечает, как он ни бейся, хоть умри». Далее, *Коркунов* указывает, что властвование никогда не исчерпывается одними велениями властвующего. Подвластные сами проявляют активность, идут навстречу власти, «заискивают, угождают, предугадывают и предупреждают желания». Сказанным объясняется, почему властвующим началом может быть иногда существо или предмет, лишенные воли. Исследователи быта примитивных народов указывают, что в этих обществах властвующим началом является тот одушевленный или неодушевленный предмет, который они считают родоначальником и покровителем рода, — «тотем» (отсюда «тотемический» быт). Властвующим началом в примитивных обществах является также какая-либо обычная норма, связанная с заклятием и предписывающая как бы свыше некоторое поведение («табу»). Отправляясь от подобных наблюдений, мы и можем согласиться с выводом *Коркунова*, что «властвование предполагает вообще *сознание* не со стороны властвующего, а только со стороны подвластного»... «Для властвования требуется только *сознание зависимости, а не реальность ее*». Поэтому «*власть есть сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного*». Государственная же власть есть «сила, обусловленная сознанием зависимости от государства».[2])

---

1) *Н. М. Коркунов*, О. с., стр. 2-3.
2) *Коркунов*, О. с., стр. 24.

Любопытно отметить, что названные воззрения на власть *Н. М. Коркунова* своеобразное подтверждение находят в некоторых новейших западных психологических и социологических теориях, занимающихся изучением проблемы власти и подчинения. Теории эти все более и более приближаются к выводу, что явления власти коренятся не в сознательно-волевой стороне человеческой психологии, но в аффективной жизни, во внушаемости, даже в чисто «эротических» склонностях человеческой души, — принимая, конечно, этот последний термин в широком, философском смысле этого слова.[1]) Властвует тот, кого «любят», — т.-е. тот, кто представляется носителем некоторых положительных свойств, выразителем идеалов. Такова, прежде всего, власть полководца и религиозного реформатора. Но такова власть и любого носителя «общественного престижа». При изучении установившихся и социально окрепших властных отношений можно выставить следующую аксиому: властвовать может только тот, кому приписывается в каком-либо смысле свойство высшего. Причем этой идее «высшего» придается здесь самое широкое значение, — разумея «высшее вообще» во всех его физических и духовных смыслах (физически более «сильное», «мощное», духовно превосходящее и т.п.).[2])Можно сказать также, что там, где это «высшее» утрачивает свое обаяние, там происходит кризис отношений власти. С таким кризисом мы как раз и имеем дело в современной демократии. Новейшая демократия в период своего расцвета властвовала, именно, потому, что и ее учреждения, и ее вожди казались человечеству носителями высшей правды. Вера эта сейчас иссякла — и демократия продолжает властвовать «по инерции», «по привычке», как это отлично показывает Гастон Жэз в цитированной нами в предыдущем параграфе статье.

Если в предшествующем изложении мы утверждали, что никакое государство невозможно без ведущего слоя, то теперь мы можем сказать, что этот ведущий слой исполняет свою миссию, именно, потому, что является выразителем «высшего», символом «превосходства», носителем «идеалов» и т. п. Сказанное имеет место даже тогда, когда мы имеем дело с простым физическим покорением одной социальной группы другой, как это происходит в обычной междуплеменной борьбе. И здесь победа указывает, как справедливо замечает *фон-Визер*, на «внутреннюю мощь народа-победителя».[3]) Тем более нужно отнести это ко всем другим видам правящего слоя в государстве,—к геронтократии, к различным видам классового господства и т. п. Социальные классы, последовательно выступавшие в европейской истории, — феодальная аристократия, буржуазия, пролетариат, — каждый является носителем своей «идеи» и своих «идеалов» как на это справедливо указывал в своих речах *Фердинанд Лассаль*. Нужно добавить, что чисто «служилая» правящая группа может расчитывать на власть только в том случае, если она выступит под знаменем идей и идеалов, которые окажутся соответствующими духу данной исторической эпохи. Коммунистическая партия, как правящая группа, властвует потому, что превозглашенные ею идеи нашли отзвук в некоторых широких кругах русского народа. Также и фашисты стали у

1) S. Freud, Massenpsychologie und Ich-Analyse, 1921. M. Dougall, The Group Mind, Cambridge, 1925.
2) Vierkand, Gesellschaftslehre, 1925.
3) Von Wieser, O. c., стр. 6-7.

власти, так как им удалось уловить некоторые стремления народных итальянских масс.

§ 5. Ведущій слой и правящая группа.

Из изложенного следует, что общие функции ведущего слоя в государстве гораздо шире, чем управление и руководство государственным аппаратом. Ведущий слой, как носитель идеалов данного общества, не только им управляет, но является идейным и фактическим представителем той культуры, к которой данное общество принадлежит. Он выражает определенную стадию в развитии этой культуры, «дает тон» эпохе. Такова была роль земельной аристократии, дворянства, буржуазии, в развитии европейских обществ. К такой роли стремится на Западе и пролетариат. Вообще все, что было сделано различными культурами, выполнено было при помощи духовных сил правящих классов. Управляемые были, по большей части, орудиями, исполнителями чужих заданий. Если отдельные единицы из управляемых участвовали в культурном творчестве, делали они это путем просачивания в правящий слой и путем приобретения его привычек, навыков, быта.

Чисто политические функции ведущего слоя никогда не выполнялись всеми его членами совместно и сообща. Для политических функций правящий слой создавал специальный подбор лиц, которые заполняли государственный аппарат с верхов его до низов. Ответственные посты занимались, обыкновенно, самими членами правящего слоя, для менее ответственных создавались кадры наемников, служащих, специалистов. При кристаллизации этих кадров родится то, что называется бюрократией различных видов.

Особенность положения названной части ведущего слоя определяется тем, что в ее руках сосредоточивается распоряжение властными отношениями в государстве. Властные отношения эти в каждом сложившемся обществе образуют некоторое постоянное «общественное состояние» или, иными словами, ряд постоянных возможных отношений. Подобно тому, как между двумя людьми, из которых один преобладает над другим, устанавливается как бы некоторая особая психическая атмосфера, выявляющаяся в ряде поступков и действий, подобно этому еще более сложная постоянная атмосфера устанавливается и в общественном целом, основанном на власти и подчинении. Это властное состояние можно назвать «властным статусом», выражая тем установившийся, сложившийся, постоянный характер властных отношений. «Властный статус», как совокупность различных действительных отношений, есть такое состояние, которым можно пользоваться в определенных целях, достигая определенного результата, вызывая одни факты и подавляя другие.[1]) Так можно воспользоваться уже властными отношениями между двумя людьми, попросив преобладающего человека воздействовать на того, который находится в его власти. Что не удается другому, то легко может удасться преобладающему. Тем более возможно использование и распоряжение властными отношениями в обществе, но для этого,

1) *Коркунов*, О. с.

при сложности общественных отношений, должны быть особые лица, которые обладали бы способностью распоряжения властным статусом. Та часть ведущего слоя, на которой лежат специально политические функции, и получает в свои руки эту возможность распоряжения «властью» в государстве.

Распоряжаться «властью»,это значит, прежде всего, быть способным приводить в движение подвластных для исполнения определенных целей, —заставить платить налоги, набрать армию, произвести какой-либо акт принуждения и т. п. Распоряжаться «властью» это значит, далее, пользоваться теми техническими средствами, которые нужны каждому государству, — т.-е. начальствовать вооруженной силой, управлять казной и государственным хозяйством. Политической властью в государстве и обладают те лица, которые имеют возможность распоряжения всеми этими объектами, составляющими «внешнюю мощь» государства, в противоположность «внутренней мощи», складывающейся из вышеописанных отношений между властвующими и подвластными. Политически управляющая группа, образующаяся из среды ведущего слоя, и является распорядителем или «диспозитарием» внешней мощи государства. И для каждого государства самым существенным вопросом является, у кого в руках сосредоточивается это распоряжение? У одного лица? У нескольких? У многих? Порядок такого распоряжения составляет то, что можно назвать конституцией данного государства, которая может быть писанной или закрепленной в обычаях, неписанной.

Понятие «конституции» в политических представлениях, распространенных в широкой публике и подкрепленных европейскими теориями конституционного права, применяется для обозначения того акта, которым монарх ограничивает себя и дает «права» народу. Поэтому «конституционным» государством и называется преимущественно «ограниченная монархия». Однако, более решительное проведение европейских демократических принципов привело к уничтожению монархической власти и к учреждению республик. На эти республики распространено было также понятие «конституционного государства», причем политическое понятие «конституции» подверглось в них некоторому изменению. В республиках под «конституцией» стали понимать тот акт общенародного договора, который совершался в учредительном собрании народными представителями и в некоторых случаях поступал на одобрение «всего народа» (плебисцит или референдум, при проведении которого под «народом» понимали политически правоспособную часть граждан, т.-е. «голосующий корпус»).Классическими образцами таких республиканских конституций можно считать народные договоры об образовании отдельных американских колоний и затем акт об образовании из этих колоний союзного государства под именем Соединенных Штатов Америки (в 1776 году).[1]) Под влиянием этих американских образцов протекало и французское конституционное законодательство эпохи 1789-1791 года.С тех пор практика учредительных собраний стала обычной и в демократически-республиканской Европе. Уже на нашей памяти ряд учредительных собраний, созванных по окончании великой войны, образовал большое количество республик (Австрия, Германия и входящие в нее государства, Латвия, Литва, Польша, Чехо-Словакия, Эстония) и одно королевство (Югославия).

---

1) *Г. Еллинек*, Декларация прав человека и гражданина.

Распространение исторических воззрений все более и более утвердило взгляд на «конституцию», как на необходимый элемент всякого государственного порядка. Таким образом «конституцию» должны иметь не только ограниченные монархии, но все возможные государства вообще.«Государство без конституции было бы анархией. Конституция свойственна даже «тирании» в античном смысле — так называемым деспотиям, ровно как и такому строю, где правление находится в руках демократического комитета общественного спасения (в роде французского 1793 года)».[1]) Но это признание вносит изменения в самое понятие конституции. Под «конституцией» приходится понимать уже не акт ограничения монархической власти и не акт учреждения власти республиканской, но всякий порядок, устанавливающий способность постоянного распоряжения государственной мощью.

Несколько иное понятие о конституции устанавливают некоторые представители классовой теории государства. *Фердинанд Лассаль* в своей известной речи «О сущности конституции» совершенно справедливо называет конституцию «основным законом» государства и подчеркивает те признаки, которые свойственны такому закону, как «основному». По его мнению, «основной закон» должен быть законом более глубоким, нежели другие законы, должен быть «основанием» для других законов,то-есть, быть «творцом» других законов, постоянно «воздействовать» на них. «Но то, что имеет основание» — говорит Лассаль —«не может быть произвольно *тем* или *иным*, но должно быть именно таковым, каково есть». «Следовательно, в представлении основания заключается мысль *деятельной необходимости*, действующей силы, которая необходимо делает основанное ею тем, чем оно, именно,есть». Таким образом, согласно воззрениям Лассаля, конституция есть «деятельная сила,которая необходимо делает все другие законы и правовые учреждения, устанавливаемые в стране, тем, чем они, именно, являются». Где искать эту деятельную силу? — спрашивает *Лассаль*. И отвечает: это суть «фактические отношения силы» в данном государстве.Таким образом,в монархической Пруссии подобными силами, по мнению *Лассаля*, были король, армия, дворяне и землевладельцы, фабриканты, банкиры и сам народ в своих настроениях и привычках. Все это суть части «конституции»Пруссии,определяющие содержание тех писанных конституционных текстов, которые значатся на бумаге и принимаются юристами за истинную «конституцию». *Лассаль* делает любопытное предположение, доказывающее его мысль: предположим, что все «клочки бумаги», на которой написаны законы, сгорели и пришлось бы писать новые. Решительно ли отличались бы они от старых? По мнению *Лассаля*, существенных отличий не было бы, если бы соотношение сил не изменилось.Каждая из реальных сил выступила бы с тем весом,который она имеет,и соотношение сил, в общем, вылилось бы в старую юридическую формулу. По существу, это совершенно правильная цепь умозаключений, но в ней имеется ряд недостаточно выясненных понятий. Именно, *Лассаль называет фактические условия, определяющие сущность конституции, самой конституцией*. Конституция есть порядок, предоставляющий отдельным лицам способность и возможноеть распоряжения государственной мощью. Такой порядок основывается на соотношении социаль-

1) Jellineck, Allgemeine Staatslehre.

ных классов и сил, *но не должен быть с ними смешан.* На таком смешении покоится все построение *Лассаля.* Именно, когда он перечисляет «силы», определяющие конституцию, он не различает: 1) «диспозитариев» государственной мощи, каковым является, напр., король; 2) технические средства,необходимые государству для осуществления власти, каковым является, напр., армия; 3) социальные силы, существующие в данном государстве, — правящие социальные классы (землевладельцы,капиталисты) и управляемый народ,вместе с властными отношениями, образующими «властный статус» данного государства, который покоится на признании подвластными данного положения властвующих. Различая названные категории, нужно сказать, что понятие «конституции» затрагивает только отношение «диспозитариев» власти к техническим средствам властвования («король есть главнокомандующий вооруженной силой» — вот поистине один из элементов конституции монархического государства). Что же касается до отношения социальных сил, до «властного статуса», то он составляет предположение конституции, но ни в какую конституцию не входит и входить не может.

В последующем изложении мы будем иметь дело с изучением тех официальных отношений властвования, которые определяются конституциями государств — другими словами с *государственным устройством.*Учение о государственном устройстве распадается на две части — на учение об *организующих или регулирующих началах* государственной жизни и на учение об *организованном порядке* («государственное устройство» в тесном смысле этого слова).

Отдел второй

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Гл. 1. Организующие начала государственной жизни.

§ 1. Существующие теории.

По почти-что общепринятому в западном государствоведении воззрению, единственным регулирующим началом в государстве является право. Вообще социальное регулирование может быть только правовым регулированием — такой взгляд считается почти-что самоочевидным. Если можно говорить о какой нибудь *социальной организации*, то само собою разумеющимся считается, что она является организацией правовой. Наиболее последовательным и крайним сторонником этих воззрений в современном государствоведении является уже не раз упомянутый нами выше австрийский юрист *Ганс Кельсен*. Он отправляется от общераспространенного взгляда на государство, как на социальное образование, как на союз. «А как же возможно государство, как союз?» — ставит вопрос *Кельсен*. И, подвергая вопрос этот тщательному анализу, он пытается доказать, что уже так называемое социологическое понятие государства, т.-е. понятие о государстве, как об обществе, не может быть образовано иначе, как исходя из понятия социального регулирования, т.-е. из идеи права. Тем более, по его мнению, не может обойтись без понятия права изучающий государство юрист или философ. *Кельсен* старается доказать, что все затруднения, в которые впадала при изучении государства современная наука, проистекали из неправильного предположения, что государство определяется какими то иными чертами, помимо права. Все рассуждения *Кельсена* построены по следующей простой схеме: государство есть организованное общество, — но понятие социальной организации совпадает с понятием права — следовательно, не может быть никакого социального понятия государства, которое не построяло бы государства, как явления правового, — следовательно, социология государства есть ничто иное, как учение о государственном праве. Причем *Кельсену* удается блестяще доказать первый момент этого рассуждения, так как действительно государство есть организованное общество, которое не мыслимо без известного регулирования. Но во втором положении содержится то скрытое заблуждение, которое *Кельсен* разделяет со многими представителями современ-

ной науки о государстве, — т.-е., что всякий «нормативный» порядок, всякий «регулирующий агент», всякая социальная организация совпадает с правопорядком или с системой правовых норм, и государство в силу этого «всецело попадает в ту же сферу, что и право». [1]) Государство «является ничем иным, как единством некоторой системы норм, которые регулируют, при каких условиях должно быть применимо определенное принуждение со стороны человека к другим людям». [2]) Государство есть порядок подобного властного принуждения. «Государство и право оба подпадают под одну и ту же категорию порядка». [3]) Спрашивается, почему же «порядок принуждения» должен быть непременно «правовым порядком»? Разве порядок этот не может быть, например, порядком техническим? Разве всякий приказ и всякое понуждение являются непременно правовыми нормами? Или, может быть, всякий приказ становится правовой нормой, раз он издан государством? Здесь то и лежит основное petitio principii теории *Кельсена* и всех родственных ему теорий. Сторонники подобных теорий полагают, что в основании всякой государственной системы властвования лежит следующая норма: «должно подчиняться всем приказам верховного носителя власти в данном государстве». [4]) И они считают эту норму правовой или по крайней мере способной быть основой для права. Но почему же она не есть норма просто нравственная, или, если понимать подчинение государству, как необходимость считаться с силой, — не простая норма жизненной целесообразности? Вероятно оттого, что она сопровождается угрозой принуждения. Но если некто, обладающий достаточной физической силой, скажет: «кошелек или жизнь!...» — будет ли это также правовой нормой? Чем в сущности отличается вышеупомянутая «высшая» норма всякого права от требования разбойника? Своей организованной систематичностью? Но ведь и разбой может быть введен в систему.

Нужно всецело принять первую посылку рассуждения *Кельсена:* государство есть организованное общество, в котором необходима наличность социального регулирования; но следует решительно отклонить его дальнейшие предположения и выводы. Тогда только учение о государственном регулировании будет поставлено на надлежащую почву.

На более правильной точке зрения в разбираемом вопросе стоит французская теория, излагаемая в сочинениях известного юриста *Дюги*. По взглядам *Дюги*, необходимость социального регулирования вытекает из того, что социальная жизнь людей складывается из поведения обладающих сознанием, разумных существ. Оттого законы социального поведения, в отличие, например, от законов органической жизни обращаются к че-

---

1) H. Kelsen, Juristische und Soziologische Methode, стр. 50, 58, 75.

2) Ibid., стр. 82.

3) Ibid., стр. 83, 87.

4) Ср. добавления В. Еллинека к послед. изданию: G. Jellineck, Allgemeine Staatslehre, стр. 364-5, прим. 364, а также W. Jellineck, Gesetz, Gesetzanwendung, 1913, стр., 17.

ловеческому сознанию и являются нормами. Но, совершенно справедливо замечает *Дюги*, социальные нормы могут быть нормами экономическими, нормами моральными, нормами юридическими.[1]) Таким образом социальное регулирование для *Дюги* не покрывается регулированием правовым. Сомнение возбуждают только те признаки, при помощи которых *Дюги* отличает нормы правовые от норм экономических и нравственных. Для *Дюги* правовые нормы не представляют собою какого либо вполне самостоятельного класса нормативных предписаний. Правовыми нормами при известных условиях могут сделаться и экономические,и нравственные нормы. Требуется только точно установить тот момент, наступление которого производит это превращение. Для *Дюги* момент этот отнюдь не сводится к государственному принуждению, как это учит германская школа. Со всей энергией он выступает против такого воззрения — «чем более я становлюсь зрелым и чем более углубляю проблему права, тем более я убеждаюсь, что оно существует вне государства, что познание права совершенно независимо от познания государства и что норма права так же обязательна для государства, как она обязательна для индивидуума». [2]) Но если не государственный авторитет, то что же превращает другие виды норм в нормы юридические? «Экономическая или моральная норма» — отвечает на поставленный вопрос *Дюги*, — «становится нормой юридической тогда, когда в сознание массы индивидуумов, образующих данную социальную группу, проникло убеждение, что сама эта группа или те, кто имеет в ней наибольшую силу, могут противодействовать нарушению этой нормы». Одним словом, *Дюги*, как и многие другие представители западного государствоведения, становится здесь на точку зрения той популярной теории права, согласно которой правовые нормы отличаются от иных норм не *своим содержанием* или преследуемой ими целью, но только одним внешним, формальным моментом признания со стороны какого-либо общественного авторитета, все равно, будет ли это авторитет государственный или какой-либо иной. [3]) Теория эта представляет другой вариант отожествления государственного регулирования с регулированием правовым. Правда, для сторонников названного варианта право не является простым продуктом государства, и организованный общественный порядок не совпадает с порядком государственным, однако, в конце концов, регулирующим общественным началом продолжает быть право, так как всякая норма становится правовой тем одним, что она социально признается. В обществе не может быть иных регулирующих норм, как только нормы признанные, а эти последние и суть нормы юридические: ubi societas, ibi jus.

В русском правоведении имеются глубокие и прочно установившиеся традиции, которые противоречат и формальной теории права,и отожествлению правового регулирования с социальным регулированием вообще и государственным порядком в частности. В последующем мы начнем с изложения и развития этих традиций.

---

1) Duguit, Traité, I, стр. 26.

2) Ibid., стр. 33.

3) Придерживаюсь формулировки *Д. Д. Гримма*, Лекции по истории римского права. Изд. литогр., Прага, 1923, вып. II, стр. 5.

§ 2. Нормоустановительная деятельность государства.

Существуют два основных принципиально различных способа регулирующей деятельности государства: или через установление обязанностей, т.-е. через издание норм, или через установление правомочий, т.-е. через признание и издание особых положений не нормативного характера. В последующем мы изучим и ту, и другую сферу регулирующей деятельности государства.

Прибегая к регулирующей деятельности нормоустановительного характера, государство, очевидно, может издавать, в качестве обязательных, любые нормы, какие только вообще можно мыслить и какие могут существовать в действительности. Изучение нормоустановительной деятельности государства и должно начаться с изучения основных типов норм. Существуют различные виды норм, и вопрос об их исчерпывающей классификации до сих пор нужно еще считать открытым. Классификацию норм лучше всего начать с описания того долженствования, которое в них высказывается. Существуют прежде всего нормы, долженствование которых отличается чисто относительным , условным характером, и существуют нормы с безусловным долженствованием. Всего более неоспорим условный характер долженствования в нормах технических. Техническими нормами называются такие нормы, которые направлены на достижение каких либо относительных целей. Под относительными целями здесь подразумеваются цели случайные, выдвигаемые теми или иными потребностями жизни и не имеющие в виду каких либо высших ценностей. Вследствие этого необычно, например, называть техническими нормами те правила религиозной жизни, которые по учению Церкви ведут к спасению души, или правила богослужения. Правила эти также преследуют достижение некоторых целей, но характер последних доставляет им ту безусловность, которой не обладают обычные технические нормы. В технических нормах дело идет в конце концов о том, чтобы показать, как удобнее и проще достигнуть известного практического результата. Поэтому содержание таких норм всегда обусловлено соответствующей средой и окружающими обстоятельствами. При одних условиях более применимы одни средства, при других удобнее применять другие. Техника поэтому не знает никаких «категорических императивов». Она всегда допускает конкуренцию средств, чтобы вызвать наиболее удобный при данных условиях результат. Условность технических норм видна также, когда эти нормы нарушаются. Последствия нарушения норм технических мы называем недосмотром или ошибкой. Кто нарушает технические нормы, тот обнаруживает недостаток умения, недостаток навыков или недостаток ловкости, а не недостаток морального сознания[1]) (сюда не относится, конечно, нарушение этих норм, производимое *сознательно*, со злым умыслом: пример—нарушение мер предосторожности против огня — при поджоге).

К техническим нормам очень близко стоят нормы хозяйственные, долженствование которых также обладает характером чисто относительным. Отличие хозяйственных норм от технических сводится к тому, что первые а) имеют дело с целями чисто материальными, б) поставлены перед ограниченностью имеющихся в распоряжении средств, в) принуждены применять средства эти с наимень-

1) Подробнее см. в моей «Общей теории права», Симферополь, 1919.

шей затратой труда. [1]) Хозяйственные нормы являются таким образом видом технических норм. Они отличаются от технических норм не способом долженствования, а особым принципом при выборе средств, необходимых для достижения поставленных целей. Техника имеет дело только с реальными процессами причинных зависимостей, она учит, как достигается желательный результат по законам природы. Экономика учит, как результат этот достигается наиболее хозяйственным путем, и потому она из разных технических планов выбирает наиболее хозяйственно выгодные. [2]) Правила подобного хозяйственного поведения и суть нормы экономические.

Особым видом технических норм являются нормы социальной техники или социального распорядка (иначе нормы административного устройства). Цели их сводятся к устройству в жизни людей удобного и построенного на принципе общей пользы порядка; средствами здесь являются человеческая психика и вытекающее из нее социальное поведение. Множество лиц, случайно очутившихся перед дверью одного и того же магазина, могут достигнуть своих целей посредством применения индивидуальной силы и ловкости (устроив давку), но могут и урегулировать свое совместное поведение посредством известного технического распорядка (очередь). Тем более такой порядок необходим, когда общество имеет не случайное происхождение, но построено на каких либо постоянных объединяющих началах, как например, торгово-промышленное предприятие, полк солдат, религиозная община и т. п. Нормы разделения труда и организации совместной работы на фабрике суть типичные социально-технические нормы. К области социальной техники принадлежит до известной степени система Тэйлора и другие виды американской техники в организации общественного хозяйства, которые могут применяться и в частном предприятии, и в государстве, и при капитализме, и при социализме, т.-е. независимо от существа соответствующих социальных организаций.

Технические нормы при некоторых условиях могут быть выражены в грамматических суждениях, которые подобны суждениям гипотетическим: если ты хочешь правильно считать (гипотеза), поступай таким то и таким то образом (диспозиция). В некоторых случаях они могут обладать и санкцией, например, когда дело идет о применении их в каких либо обществах, преследующих определенные, принудительно осуществляемые цели. Ученик, не научившийся считать, получает плохой балл, плохой работник увольняется с фабрики. От технических норм нужно отличать и те, которые можно назвать социально-условными или конвенциональными. С техническими их сближает относительный характер свойственного им долженствования, но отличаются они от технических характером преследуемых ими целей. Технические нормы имеют всегда дело с практическими, утилитарными целями, с интересами удобства и пользы, тогда как в

---

1) Эти особенности хозяйственных норм вытекают из понятия хозяйствования или хозяйственной деятельности. Определения последней см. у B. W. Herrmann, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, 2-te Aufl., стр. 7, 30. — W. Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie, 26-te Aufl., 1922. — Spann, Fundament der Volkswirtschaftslehre, 2-te Aufl., 1921.—*П. Н. Савицкий*, Хозяин и хозяйство, Евразийский Временник, кн. IV, 1925.

2) Spann, O. c., стр. 43, 45.

социально-условных нормах особую роль играют интересы культурные, бытовые, эстетические, — все то, что составляет исторический быт данного общества, что соответствует его привычкам и вкусам, его обыденной морали. Поэтому условные нормы, хотя и преследуют некоторую цель, но цель эта рассудочно не выводима и более определяется иррациональными мотивами, чем рациональными. Таковы, например, правила моды или законы приличий, господствующие в определенной среде. Мода бывает иногда просто неудобна и бесполезна, ее установления могут быть просто вредны, между тем законы моды предписывают должное в более решительном смысле, чем требования техники. Правда, мы не имеем здесь еще долженствования безусловного, вытекающего из самоочевидного характера соответствующих норм, однако общественная среда склонна реагировать на нарушение данных норм весьма решительно, называя противоречащие им поступки бестактными, безвкусными, неприличными и т. п.

Существуют, далее, нормы, долженствование которых отличается характером безусловным. Безусловность эта определяется безусловностью целей и соответствующих им ценностей, которым эти нормы служат. Любовь к ближнему, например, является безусловным требованием христианской этики. Оттого и норма: «люби ближнего, как самого себя» безусловна по своему долженствованию. Нет никакого смысла выражать подобные нормы в гипотетических суждениях, говоря, например, так: если ты хочешь достигнуть истинно нравственной жизни, то люби ближнего. Любовь к ближнему и есть сама нравственная жизнь, поэтому такой способ выражения является тавтологией. Иными словами, в безусловных нормах цель и средство внутренно совпадают: то, что является средством, служит необходимым обнаружением самой цели. Поэтому в безусловных нормах долженствование обладает особым, как иногда говорят, «самодовлеющим» характером — иными словами, не вытекает из посторонних мотивов, но как бы с очевидностью вытекает из внутреннего содержания самой нормы. [1]) Мы исполняем подобные нормы по внутреннему свойству безусловности, обнаруживающемуся в их содержании. Правдивым или честным нужно быть не потому, что это выгодно, но просто по высшей нравственной ценности «честности» и «правдивости». Мотивация безусловных норм «довлеет» им самим, оттого они и называются «самодовлеющими». [2]) Примером безусловных норм являются прежде всего нормы нравственные и религиозные. Например, норма, определяющая какой либо важный религиозный ритуал, не является простой технической нормой, ибо цели верующих только и могут быть достигнуты при помощи этого ритуала, — в его выполнении и заключается существо религиозной жизни.

Государство в своей регулирующей деятельности осуществляет все эти виды нормоустановления. Поэтому, если исходить из идеи нормы, можно различать следующие три стихии государственного регулирования.

А) Технически-экономическая стихия государства. Государству для своего существования нужны материальныя средства, как нужны они для всякого другого человеческого установления. Оттого государство и есть прежде всего организованное хозяйство, казна, фиск. Виды хозяйственной деятельности

1) См. мои «Основы философии права», стр. 60.

2) Выражение *Л. И. Петражицкого.*

государства могут быть весьма различны, — начиная с организации простого податного и платежного аппарата и кончая организацией собственной производительной деятельности в весьма различных целях, — начиная с целей просто поддержания своего существования и кончая удовлетворением высших культурных интересов.

Но как бы ни были различны виды этой деятельности, для ее осуществления государство нуждается в некоторой принудительной технической организации и в соответственном технически-административном регулировании. В качестве примера технической деятельности государства можно назвать ведение им финансового хозяйства. По внутреннему существу дела государство производит чисто техническую деятельность и издает чисто технические предписания, когда оно повелевает принудительно собрать со своих подданных необходимые для жизни государства средства. В получении доходов, самом по себе, нет ничего *юридического*, и правила сбора налогов менее всего суть юридические нормы. В них так же мало юридического элемента, как мало его в поведении пчеловода, который берет известное количество меда из улья, а другую часть оставляет пчелам. В подобных отношениях можно говорить о праве только тогда, когда соответственное технически-хозяйственное регулирование будет ориентироваться не на простом хозяйском интересе, но когда вытекающие из этого последнего обязанности будут ориентироваться на правах соответствующих объектов хозяйственного воздействия, т.-е. когда в этих объектах будет признана индивидуальная самоценность, требующая по отношению к себе применения начала справедливости. Тогда составление и осуществление хозяйственного плана из простой технико-экономической деятельности превратится в ряд публично-правовых актов, которые в современном конституционном праве называются составлением и утверждением бюджета. Потребность в составлении хозяйственного плана проистекает не из правовых интересов, но из соображений технического удобства и целесообразности, — соображений, которые заставляют составлять бюджет всякое упорядоченное частное хозяйство, даже семью. И только при наличии особых условий такой технический план может приобрести юридические определения.

Исходя из сказанного, надлежит различать «бюджет» в чисто технико-хозяйственном смысле от «бюджета», в смысле государственно-правовом. [1]) Наука о бюджете в первом смысле есть *наука о финансах* — чисто техническая дисциплина, для которой наука финансового права является простой вспомогательной отраслью знаний. [2]) В современной науке о финансах различие это иногда настолько сглаживается, что даже по оффициально признанным программам науку о финансах читают под именем финансового права. Это происходит в силу той причины, что в современных государствах финансовый план расходов и доходов принял правовое оформление, которое для него стало совершенно обычным. Но в старой науке о финансах, как она излагалась старыми камералистами, *технический* характер финансового плана государства был гораздо

1) Von Eheberg, Finanzwissenschaft, 1922, стр. 12.

2) Ibid., стр. 31. — Также Bela Földes, Finanzwissenschaft, 1920, стр. 36.

более заметен, — по той причине, что старое государство вело свое финансовое хозяйство, не пользуясь правовыми оформлениями.

То, что мы высказали здесь об общем плане финансового хозяйства государства, должно быть распространено и на все другие проявления государственной хозяйственной деятельности. Государство, когда оно организует войско, полицию, пути сообщения, судоходство, отдельные отрасли промышленности и т. д., поступает, как большой хозяин. Оно пользуется своей властью в целях хозяйственного регулирования, которое может не иметь ничего общего с регулированием правовым. Когда Петр Великий строил флот и учил солдат европейскому военному искусству, разве он поступал, как издатель правовых норм? И многие изданные им на этот предмет указы, хотя они и введены в полное собрание законов, менее всего имеют характер правовых норм. По существу своему это суть чисто технические нормы, которым государственный авторитет придает внешнюю торжественную форму законов. Вообще нужно сказать, что современное пристрастие к юридическому истолкованию всех проявлений государственной деятельности сильно затемняет эту техническую стихию государства. Понятны жалобы людей, интересующихся управлением теоретически и практически, что в настоящее время нет ни одного административного вопроса, который не заслонялся бы вопросами права. Если современному европейскому администратору говорят об управлении, перед ним сейчас же встает вопрос: а какой закон он не должен нарушать?... [1]) Такая установка затемняет конкретные задачи управления государством и убивает государственную активность. И в современной западной науке создается несомненная реакция против подобной односторонности, — реакция, которая начинает признавать пользу старой камералистики, бывшей по своему чистой наукой об управлении, стремившейся к тому, чтобы научить чиновников техническим приемам работы в государственных установлениях.

Государство всегда было и теперь является известной хозяйственной и административно-технической системой, причем в жизни европейского государства западной культуры хозяйственно-технические цели государства все более и более растут. Технико-экономический аппарат государств первой половины XIX века был игрушкой по сравнению с техническим аппаратом современных государств. Несмотря на этот рост экономической стихии государства, самостоятельность ее до сих пор не находит полного признания в государственной теории, стоящей еще на полном отожествлении государства с правом.

Б) Бытовое регулирование. То, что образует быт какого-либо общества, обычно родится помимо государственного вмешательства, как образуются моды, приличия и пр. Однако, известные области быта могут слагаться и слагаются под прямым воздействием государства. Можно сказать, что государство в своей регулирующей деятельности всегда образует некоторую особую стихию быта, которая обнаруживается в весьма различных областях жизненных отношений. Государство, как было уже сказано, есть прежде всего некоторая технико-экономическая организация, и, именно, при создании технико-экономических основ своей жизни государство попутно создает известный быт и организует

1) J. Jastrov, Das Studium der Verwaltungswissenschaft nach dem Kriege, Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik, Bd. 42, стр. 967.

его. Государство создает вооруженную силу, которая прежде всего является организацией технической; однако, каждая армия воспитывает в своей среде известный быт, создаваемый при помощи государства. Форма, в которую одета армия, создается как равнодействующая между требованиями военной техники и общим стилем государственного быта. Таким образом и нормы, устанавливающие форму армии, не являются просто техническими нормами, но суть в то же время нормы условно-бытовые. Форма, которая в некоторых государствах обязательна для всех чиновников или для некоторых категорий их, с одной стороны, является продуктом известных требований жизни (например, особое одеяние железно-дорожных служащих), с другой стороны,— есть производное некоторого, специально культивируемого государством быта. Интересно обратить внимание на то особое взаимодействие, которое устанавливается при этом между чисто стихийным процессом общественной моды и между сознательным регулированием условно-бытовых отношений государством. Мода развивается часто на основе тех установлений, которые изданы государством, как напр., мода на известные образцы головного убора в пределах общеустановленной формы. Равным образом, и взаимные отношения между отдельными кадрами государственных служащих предполагают целый ряд или изданных государством условно-бытовых норм, или же стихийно создавшихся норм, допущенных и признанных государством. В пределах каждой армии и даже ее отдельных частей имеется свой «дух», свои обычаи, особый распорядок. Правила об отдании чести, с одной стороны, объясняются требованиями военной дисциплины, с другой стороны, относятся к разряду обычаев и приличий, намеренно созданных и культивируемых государством. И установление подобных норм быта не есть особенность, встречающаяся только в столь дисциплинированной корпорации, какой является армия. Известным укладом быта проникнуто каждое государственное учреждение в отдельности и вся сумма учреждений данного государства в целом. При сложившихся отношениях особые традиции устанавливаются в отдельных государственных ведомствах, создающих особый корпоративный быт. Но и весь административно-бюрократический аппарат отдельного государства всегда характеризуется особым духом, ему свойственным, который легко бросается в глаза особенно в чужих нам государствах, с непривычными для нас формами отношений. Беря, например,великие европейские державы, нельзя не заметить тех чрезвычайно отличных форм в организации государственного аппарата, какие мы наблюдаем в Германии, Франции или Англии и которые чувствуются везде, — начиная с почт и железных дорог и кончая распорядком высших государственных учреждений. И различия эти вытекают не столько из требований техники, сколько из особо построенных каждым государством форм быта. Эти формы быта как бы вростают в месторазвитие, составляя с ним некоторое неразрывное целое. Известный, намеренно созданный бытовой уклад пронизывает всю жизнь государства, а не только государственный бюрократический аппарат. Его можно наблюдать везде, начиная с отношений материальных и кончая отношениями чисто духовными. Вообще говоря, нет тако-условно-бытовой нормы, которую государство не могло бы признать, взять под свою защиту и сделать обязательной. Государство может сделать обязательным стиль зданий, и их окраску, и способ правописания, и даже известные научные теории. Фактически для регламентирующих сил государства в области

быта нет никаких границ, хотя с точки зрения практической политики бытовое регулирование далеко не всегда является целесообразным. Особенно осторожно нужно относиться к попыткам бытового регулирования при помощи законов, памятуя, что быт по существу своему есть явление органическое и не поддающееся целиком искусственному переустройству. Быт можно воспитать и вырастить, и регулирующая деятельность государства в области быта бывает только тогда плодотворной, когда она исходит из признания самой органической силы данной культуры.

B) Нравственное регулирование. Всякое государство представляет собою также и некоторую нравственную организацию — организацию положительно установленной этики, — утверждение, которое может оказаться совершенно несовместимым с принципами новейшего устройства западных государств, но на котором тем не менее со всей силой надлежит настаивать. Организациями положительной нравственности были не только древние государства, как это ныне принято думать; ими являются и современные государства европейской культуры, несмотря на их старание освободиться от всяких нравственных принципов и стать наиболее «релятивистическими». Нравственная стихия государства проявляется в двух отношениях, — в установлении нравственных основ официальной государственной власти и в установлении известного нравственного давления, исходящего от государства и направленного на граждан. Что касается первого, то в основе государственного устройства всех новейших государств лежат торжественные акты обещаний, соглашений, договоров и т. п. Всякая официальная власть, принимая на себя задачи государственного регулирования, тем самым берет на себя некоторые нравственные обязательства, которые могут быть различны по содержанию, но без которых не может обойтись никакой официальный носитель власти. Кодекс положительно установленных нравственных обязательств новейшего демократического государства содержится, обычно, в декларациях прав или в соответствующих им параграфах конституционных текстов. Здесь буржуазное государство, в лице его официальных органов, торжественно обязывает себя охранять мир и свободу подданных, блюсти справедливость и законность, защищать собственность, проводить принцип равенства перед законом и т. п. Пролетарское, рабочее государство не менее торжественно обещает защищать угнетенных и бедных, обеспечивать им экономическое благосостояние, наделять их известными экономическими и культурными благами, защищать самоопределение национальностей и пр. Все эти и им подобные декларации имеют смысл некоторого самообязывания и самоувещания, так как они не вытекают из какой-либо посторонней воли и не являются какими либо приказами и велениями. Высшей официальной власти никто не может велеть, ибо тот, кто велел бы, был бы высшей властью. В таком случае этому последнему повелителю никто не мог бы велеть; — и его декларации имели бы смысл самообязывания и самоувещания. Причем безразлично, о каком верховном носителе власти здесь идет речь, — о монархе, известной коллегии лиц или о всем народе, как голосующем корпусе граждан. Все эти носители власти, как высшие, подчиняются в последнем счете самим себе, и если они нечто торжественно провозглашают, то из подобных провозглашений возникает ряд чисто нравственных обязанностей, которые можно формулировать в соответствующих нравственных нормах.

Таким образом, если учредительное собрание провозгласило, что все люди равны, это значит, что официальные государственные органы, выбранные на основе конституции, *должны* в чисто нравственном смысле, не как вынужденные, но как давшие слово, проводить такие законы, которыми было бы обеспечено равенство.

Разница между государствами старой культуры и новыми заключается вовсе не в том, что первые устанавливали положительную нравственность, а вторые стараются поставить себя «по ту сторону добра и зла». И те и другие основаны на установлении некоторых нравственных принципов, только, с одной стороны, принципы эти—разные, с другой стороны, новые государства стремятся рационально выявить эти принципы, старые же государства просто принимали их в бытовом, всего чаще чисто религиозно-догматическом, иррациональном, смысле. Изменились таким образом нравственные ценности и способ их установления государством. Государство старой культуры не считало ценностью ту индивидуальную свободу отдельной личности, которая граничит с полной оторванностью человека от общественного целого. С эпохи же протестантизма западное человечество стало считать ценным самопогруженность в личное «я», а не приобщение к какому-либо высшему целому. Поэтому новейшее западное человечество основным принципом, который обязывалось охранять государство, поставило принцип «свободы от государства» или полного личного самоопределения. Старое же человечество основной ценностью считало жизнь в одной вере с другими. Эта последняя ценность дана была историческим бытом, новый же человек стремился утвердить свои ценности при помощи индивидуального разума. Поэтому старое государство не декларировало свои ценности, но жило в них, новое западное государство провозгласило их, как истины и аксиомы естественного права.

Выставляя и принимая эти ценностные принципы, государство не только обязывает ими себя, но предъявляет их и к другим. Поэтому государство является организованной нравственностью и в смысле установления целой системы требований, обращенных к гражданам. Изменяться может род требований в зависимости от изменения принципов, объем требований может увеличиваться или уменьшаться, но сами они, в том или ином виде, составляют необходимый элемент всякой государственной организации. Источником, из которого всего лучше можно понять требования эти, является уголовное право данного государства. Уголовные кодексы состоят обычно из ряда запрещений что-либо делать и определения установленных последствий для нарушителей. В обычной редакции уголовных законов ничего не говорится о нравственных принципах и ценностях, но последние подразумеваются в каждом велении и запрете, как этические их предпосылки. Надо сказать, что ценности эти — довольно элементарны и общеизвестны. Это есть ценность человеческой жизни, нравственная ценность личности, ценность имущества, ценность данного государственного строя и, в более старых культурах, ценность религиозных и некоторых нравственных начал. В общем, у народов христианской культуры основные нормы, лежащие в основе уголовного права, в значительной степени совпадают с нравственными нормами, формулированными в десяти заповедях. [1]) И на основании

1) В новых государствах совпадение нарушается, вследствие того,

этих норм — «не убий», «не укради», «не прелюбосотвори» и т. п. — государство издает целый ряд запретов, считаясь с тем, в какой форме при данных условиях происходит обычное нарушение норм и в каком направлении, следовательно, наиболее практично бороться с нарушителями.

§ 3. Правоустановительная деятельность государства.

Правоустановительной деятельностью государства мы называем издание таких положений, которые предоставляют тем или иным лицам или коллективам «правомочия» или «права». Такие предоставления иногда делаются совершенно открыто, например, в ст. 546 французского Гражданского Кодекса, где говорится: «собственность на какую-либо движимость или недвижимую вещь *дает право* на все, что эта вещь производит и на все, что является естественной или искусственной ее принадлежностью». Иногда же они скрыто подразумеваются в соответствующих законах, как, например, в ст. 66 Гражданского Кодекса РСФСР, которая гласит, что «право собственности на вещь переходит на приобретателя на основании договора, заключаемого между отчуждателем и приобретателем». Статья эта в *непрямой* форме содержит предоставление права на совершение юридических сделок частного характера.

Надо сказать, что распространенность подобного рода установлений предоставительного и управомачивающего характера (аттрибутивов) чрезвычайно велика. По смыслу своему, предоставления лежат в основе всего, так называемого, «гражданского права»,—права собственности, договоров, семейного и брачного, наследственного. К предоставлениям сводятся все «права свободы»—свободы веры, печати, союзов, собраний и т. д., так же, как авторские права, права участия в государственной жизни и права на социальное обеспечение. И в высшей степени произвольно применять ко всем соответствующим законоположениям понятие «нормы». Именно, подобные законоположения *прямо* ничего не предписывают и не запрещают. Напротив, они устанавливают прежде всего то, *что можно*, а не то, *что должно*. И только *косвенно* они подразумевают некоторые запрещения и повеления, касающиеся третьих лиц. Так право собственности подразумевает обязанность всех и каждого воздерживаться от посягательства на имущество собственника, так же как и обязанность агентов власти защищать это право и бороться с его нарушением. Насколько эти обязанности самостоятельны по отношению к правомочиям, указывает то, что соответствующие обязанностям запреты, обычно, излагаются в особых установлениях, — в нормах уголовного права, касающихся имущественных преступлений, или в уставах судопроизводства.

Современная юридическая теория, за редкими исключениями, не отличает «правоустановления» от «норм» и смешивает их в одно целое. Делается это в том предположении, что и «нормы», и «правоустановления» одинаково являются

что некоторые из десяти заповедей теряют социальное признание и перестают отражаться в законодательстве. Впрочем, основные заповеди — «не убий», «не укради», «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна» — и здесь остаются основой юридических норм.

«правилами», регулирующими социальную жизнь. Следовательно, «норма» (как «правило») есть высшее понятие, обнимающее собою и «правоустановления», которые являются только видом этих «норм». При этом упускают из вида, что, хотя «правоустановления» и можно в известном смысле назвать «правилами» социального регулирования, однако, эти правила и *по содержанию* своему, и по своим *функциям* существенно отличаются от тех «правил», которые устанавливают «должное» и могут быть названы «нормами» в точном смысле этого слова. [1])

По содержанию своему правоустановления сводятся к закреплению за какими либо лицами «свободы» или «мощи» в каком-нибудь определенном отношении. Но «свобода» и «мощь» отнюдь не совпадают с тем, что называют «должным». Когда человек «должен», он чувствует себя «связанным», «не свободным». Когда он «свободен», то он, именно, *не должен*,—напротив, ему предоставлен выбор поступить несвязанно, исключительно по своему усмотрению. Если собственник «имеет право» распоряжаться своею вещью, то это отнюдь не значит, что он «должен» ею распоряжаться. Напротив, он может передать это распоряжение другому, совсем отказаться от распоряжения, выбросив или уничтожив вещь. Правоустановления, следовательно, «регулируют» деятельность человека в обществе совсем в другом, даже прямо противоположном направлении, чем «нормы». Первые «развязывают», «освобождают», ставя только известные границы «свободе»; последние — «связывают», «обязывают», ограничивают и даже в известном направлении прямо отрицают свободу, принуждают человека делать не так, как он хочет, а так, как ему велит долг. Нет ничего более неправильного, как не различать этих двух направлений «регулирующей» деятельности, подменять одно другим. Такое смешение грозит самой идее права, которая растворяется в идее обязанности и изгоняется из общественной жизни.

Современная теория права не уделяет достаточно внимания отличиям этих двух процессов регулирования социальной жизни. Только немногие из современных юристов ставили эту проблему. Из них в первую очередь нужно назвать *Л. И. Петражицкого* с его учением о двух системах правового регулирования,— централизованной, основанной на идее обязанности, и децентрализованной, оперирующей с идеей «предоставленного права» (аттрибутива). Регулированный первым способом правовой строй имеет в виду образование «единого, общего хозяйства, с единой организацией, с единым планом, руководством и управлением». [2]) Такой строй предполагает обязанность всех работоспособных членов социальной группы «работать на общую пользу», «принимать активное участие в коллективном производстве материальных благ, необходимых для общего пропитания и удовлетворения других потребностей группы». [3]) В то же время строй этот предполагает «право каждого члена подлежащей социальной группы на пропитание и удовлетворение других потребностей на общие средства, из общаго запаса продуктов коллективного производства, с помощью находящихся в коллективном обладании орудий производства». [4]) Напротив, децентрализованный со-

---

1) Подробнее см. об этом в моей брошюре «Религия, нравственность и право», Париж, 1930.

2) *Л. И. Петражицкий*, Теория права и государства, СПБ, 1909, стр. 708.

3) Ibid., стр. 696.

4) Ibid., стр. 697.

циальный порядок предполагает существование множества отдельных самостоятельных хозяйств, которые живут без какого-либо определенного общего плана и без руководства из какого-либо единого центрального пункта.[1]) Такой строй предполагает право «каждого человека устраивать свою жизнь, как ему угодно». Человек здесь может избирать тот вид деятельности, который ему угоден, или не избирать никакого, ничего не делать, не работать вообще. При этом никто при данном строе «не имеет и упомянутого выше права на доставление ему пропитания и удовлетворения других потребностей».[2])

Различие этих двух систем регулирования становится ясным, по мнению *Петражицкого*, из того, что они отправляют совершенно различные функции в социальной жизни. Первая из них построена на идее долга общественной службы согласно соответственным правовым нормам.[3]) Долг этот является *принудительным*, следовательно, подобная система предполагает или наличность очень строгих общественных санкций, или же очень высокое сознание социальных обязанностей. В общем система эта стремится выработать готовность интересоваться общественными делами и способность служить им, а не личному эгоизму. Напротив того, вторая система, ставя личное благополучие человека в зависимость от его индивидуальных сил, развивает хозяйственный эгоизм, личную трудоспособность и энергию. Она создает мотивы эгоистического свойства в пользу энергичной и усердной производительной деятельности и в то же время развивает и некоторые альтруистические чувства, поскольку индивидуально-хозяйствующий человек заботится не только о себе, но и о своих близких, о своей семье, своих наследниках и т. д. и строит благополучие не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.[4]) «Менее развитые в умственном и этическом отношении люди, конечно, не интересуются при этом народным или общечеловеческим благосостоянием и прогрессом... Они не подозревают, что их деятельность вызывается и направляется на общее благо *правом особого характера и содержания*, которое заставляет их, подобно паровому или электрическому двигателю, приводящему в движение множество колес и иных элементов сложного механизма, двигаться так, как это надобно с точки зрения непонятных и неизвестных им задач, и что *в случае отмены или существенного изменения этого права, они бы стали совсем иначе действовать*; те интересы и стремления, которым они следуют, исчезли бы совсем или получили бы иное направление».[5])

Из германских юристов учение о разных родах социального регулирования было выдвинуто *Штаммлером* в его различных, весьма многочисленных сочинениях.[6]) В новейших своих научных работах Штаммлер учит, что общественное хозяйство «может быть регулировано двумя различными способами» — или оно ведется под руководством какого-либо единого центра, или же оно регулируется при помощи правоположений, которые предоставляют отдельным людям «свободно вносить свои вклады» в общий хозяйственный про

1) Ibid., стр. 708.
2) Ibid., стр. 697.
3) Ibid., стр. 709.
4) Ibid., стр. 699.
5) Ibid., стр. 700.
6) *Л. И. Петражицкий* указывает в одной из своих статей, помещенной в кн. II «Юридического Вестника» за 1913 г., на заимствования, которые сделал у него *Штаммлер*.

цесс. В последнем случае «производство и обмен благ, а также всякая иная социальная деятельность, основываются на решениях отдельных граждан». Первый способ правового регулирования можно назвать *социалистическим* или, если он требует коллективизации потребления, *коммунистическим*. Второй называется индивидуалистическим или буржуазным.[1]) Штаммлер, следуя известному германскому экономисту *Дитцелю*, думает, что в различных исторически нам известных правопорядках всегда наблюдалась «смесь» и того, и другого способа регулирования, причем границы между ними всегда менялись. [2])

На основании изложенного можно построить учение о различных типах государства в зависимости от преобладания правоустановительной или нормоустановительной деятельности. Можно мыслить государства, которые сводят правоустановительную деятельность до минимума и главную свою задачу усматривают в издании предписывающих известные обязанности норм. Таково, например, государство в стиле Платона или государство, построенное на началах военного коммунизма или, отчасти, служилое государство. Но можно мыслить государство, которое по преимуществу занимается деятельностью правоустановительной, сводя до минимума деятельность нормоустановительную, как например, либеральное государство в изображении *Гумбольдта* или *Спенсера*. Наконец, можно мыслить и такое государство, в котором правоустановление и нормоустановление находятся в некотором органическом равновесии. Этот тип имеет особое политическое значение для современности. В противоположность коммунистическому государству, государство этого типа так же культивирует правоустановительную деятельность, как и государство либеральное. Но в отличие от последнего, оно связывает обладание правами с несением не только отрицательных, но и положительных обязанностей. В государстве этом признается право свободы или самоопределения, однако оно обязывает: 1) государство не только к тому, чтобы признавать это право и защищать от правонарушений, но и к тому, чтобы активно бороться с антисоциальными последствиями этой свободы, которые отнимают у нее всякий смысл и приводят к ее отрицанию, как это бывает особенно в области экономических отношений; 2) самих носителей этих прав не только к тому, чтобы воздерживаться от правонарушений, но и к пользованию своими правами в соответствии с интересами социального целого; 3) всех третьих лиц не только к тому, чтобы воздерживаться от вторжения в чужую свободу, но и к тому, чтобы оказывать влияние на проявление последней в целях общественной солидарности и общего блага.

§ 4. Теория закона.

В современной юридической теории государства и в современной европейской государственной практике законодательство считается самой важной и существенной государственной функцией; между тем юридическая теория

---

1) Stammler, Lehrbuch der Rechtsphilosophie, 3-te Aufl., 1928, стр. 119.

2) Ibid., стр. 120.

до сих пор не пришла еще к установившимся воззрениям на то, что такое закон и что такое деятельность законодательства? Вопросы эти являются едва ли не самыми запутанными вопросами в общей теории государства и права. По поводу их написано большое количество весьма тонких исследований, авторы которых являются наиболее выдающимися новейшими юристами. И если они решительно не приходят к общепризнанным мнениям, то это объясняется прежде всего общей им всем *совершенно ложной* исходной точкой зрения, с которой они подходят к решению вопроса о законе и о законодательных актах. Указанная ложная предпосылка и нуждается прежде всего в выяснении. Она сводится к разделяемому большинством современных юристов убеждению, что установленный государством закон есть совокупность правовых «норм», что, следовательно, между законом и правом можно поставить знак равенства и что таким образом определение существа официального государственного закона есть в то же время и определение существа права.[1])

Наиболее крайние представители названного воззрения исходят из утверждения некоторой высшей, субстанциональной связи между государством и правом. Право связано с государством не какими-либо случайными узами, но государство не может действовать иначе, как путем установления права.[2]) Право есть необходимая форма государственных волеизъявлений, следовательно, все исходящие от государства повелительные акты образуют право.[3]) Отсюда следует, что и каждый установленный государством закон необходимым содержанием своим должен иметь правовую «норму».[4]) Закон, каково бы ни было его содержание, при всяких условиях является объективным правом или известным юридическим правилом.[5]) Наивное правосознание совершенно правильно в каждом законе усматривает право.[6]) Можно говорить поэтому о некотором «едином» понятии закона, и нет основания различать два вида закона — законы в материальном и в формальном смысле этого слова.[7]) Такое различие наводит на мысль, что могут существовать какие-то законы, которые по существу своему не будут «нормами» права, — предположение, с точки зрения излагаемой теории, принципиально неправильное, исходящее из мысли, что право есть некоторый внешний и случайный элемент, которым государство вольно связывать себя, но который может быть столь же легко им и отброшен. На самом деле, как полагают представители названной теории, все, что имеет

1) «К понятию права приходят только через понятие государства» — как ясно формулирует эту теорию Sarwey, Das öffentliche Recht und die Verwaltungspflege, 1890, стр. 12. Крайними сторонниками этой теории являются Р. фон Иеринг, Зейдель, Борнгак и Цорн — в Германии, Остин и его школа в Англии. См. об этом Bryce, Studies in History and Jurisprudence, 1901. Отличия германской теории закона от английской указаны у *П. И. Новгородцева*, Государство и право, Вопр. фил. и псих., кн. 74, 1904, стр. 405.

2) Haenel, Studien, Teil II, стр. 21. Ср. об этом B. Beyer, Kritische Studien. Zeitschrift für die gesam. Staatswissenschaft, 1911, стр. 452.

3) Von Martitz, Ueber die konstitutionellen Begriffe des Gesetzes. Zeitschrift für die gesam. Staatswissenschaft, Bd. 36, стр. 250.

4) Haenel, O. c., заключительные слова.

5) Zorn, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, стр. 99.

6) V. Martitz, O. c., стр. 247.

7) Ср. Storck, Zur Methodik des öffentlichen Rechts, 1885.

форму закона, по материальному содержанию своему не может не быть правовой «нормой».

Материал, изложенный в предыдущих главах этой книги, заставляет сильно усумниться в правильности этой распространенной теории закона (ср. предшествующие §§ настоящей главы). Мы имели случай убедиться, что формой «закона» могут обладать различного рода неправовые нормы и что возможно даже такое законодательство, в котором правоположения будут сведены до минимума и которые будут состоять из совокупности различных технических инструкций. Нет ничего невозможного, что при таком «законодательстве» некоторые технические нормы будут обладать особо повышенной силой и будет проведено требование формальной законности. [1]) Все это не прибавит никакого подлинно «правового» содержания к господствующим при этом режиме нормам. Последние так и останутся техническими, если только в их пределах не будет никакого места «правоустановлениям». Вот если такие «правоустановления» изданы в форме закона, тогда действительно «закон» вполне совпадает с «правом». Если же закон никаких «прав» не устанавливает, а накладывает одни технические, моральные или какие-либо иные обязанности, очевидно, прилагать к нему понятие права можно только очень условно.

Если понятия «закона» и «права» не совпадают, то возникает потребность определить те признаки, которые характеризуют идею закона и которые отличают закон от других, изданных государством постановлений. Относящиеся сюда теории можно свести к следующим, основным.

а) Бросается прежде всего в глаза, даже при поверхностном наблюдении, что из всей суммы исходящих от государства постановлений, законами, по большей части, мы называем только такие «нормы», которые имеют «общий» характер. Это наблюдение обычного опыта послужило основанием для построения довольно старого учения о законе, как о «норме» общей, и о законодательстве, как о деятельности, направленной на издание «*общих норм*». [2]) Теорию эту разделяют, впрочем, и некоторые современные юристы и, в частности, она очень распространена во французском государствоведении. [3]) И, действительно, нельзя не признать, что законы по бо́льшей части имеют форму «общих» положений, хотя не вполне ясно, что следует разуметь в данном случае под «общим». Элемент «общности» может содержаться в различных логических составных частях закона, и сообразно с этим законы могут иметь разную общность и в разном смысле этого слова. Так прежде всего «общим» может быть то содержание, которое имеет в виду законодательное установление. Так, например, достижение определенного возраста (политической зрелости или преклонных лет) может, согласно законодательным постановлениям, иметь ряд юридических последствий, —

---

1) Примеры см. в моей брошюре «Религия, нравственность и право».

2) Об исторических корнях этой теории см. у G. Jellineck, Gesetz und Verordnung, 1887, стр. 35.

3) Из более старых авторов: R. von Mohl, Staatsrecht, 2-te Aufl., стр. 193; Gerber, Grundzüge, 3 Aufl., стр. 145. В Германии эта теория в настоящее время связывается с именем *Георга Майера*, Staatsrecht, § 8. Во Франции ее придерживаются Duguit, Traité, II, стр. 145; Hauriou, Précis, 1921, стр. 56. В России ее защищал *Коркунов*, Указ и закон.

может быть титулом для приобретения новых прав (избирательного права или права на пенсию для престарелых). Соответствующее юридическое установление имеет общий характер, поскольку оно разумеет, что «всякий» человек в определенных, повторяющихся условиях становится в новое юридическое положение. Закон в подобном случае всегда устанавливает некоторый шаблон отношений и потому может быть назван «общим». К установлению подобных шаблонов сводится вся юридическая техника частного права. Частно-правовые отношения по большей части имеют дело с такими шаблонами, значение которых особо чувствуется, например, в обязательственном праве, все институты которого построены на предположении некоторых «общих», типичных отношений, составляющих известный трафарет, накладываемый на индивидуальные действия людей законодателем. Спрашивается теперь, следует ли считать «законами» только такие общие «трафаретные» нормы, а все те, которые трафаретов не устанавливают, законами не считать. При таком допущении пришлось бы, пожалуй, большинство конституционных законов не считать «законами», так как они в общем и отличаются отсутствием «трафаретного» характера. [1]) Закон, например, определяющий положение президента республики или монарха, не имеет дела с массой повторяющихся отношений, как купля-продажа, а с весьма индивидуальным положением определенного единичного носителя власти. Правда, «каждый» президент имеет одинаковое, президенту свойственное положение в государстве, однако в каждом конкретном случае президент бывает один, а не несколько и не множество. В жизни государств бывают даже и такие случаи, когда законом регулируется уже совсем единичное положение, например, в случаях установления законом регентства над престолом. Может быть такой случай, когда определенное индивидуальное лицо—регент—приобретает совершенно индивидуальное юридическое положение, которое не может быть присвоено никакому другому лицу — тем более, что и положение может не повторяться (например, слабоумие царствующего монарха). Сербская конституция, например, разрешает совмещать сербский престол с другим престолом только на основании особого закона. [2]) Если сербский король по наследственным своим правам займет престол румынский, будет ли соответствующий, совершенно индивидуальный закон «законом», или же у него следует отрицать свойства «закона» потому, что он не устанавливает какого либо «общего», в смысле шаблона, положения? Ответ на вопрос не внушает какого либо серьезного сомнения, и приходится признать, что «общность» со стороны содержания не составляет существенного признака в понятии закона. Однако, можно говорить об «общности» законов в другом смысле, — именно в смысле адресатов, к которым направлены законодательные постановления. Причем адресатами закона можно считать: 1) тех подданных, к которым непосредственно обращен закон, 2) тех агентов государства и тех чиновников, к которым также непосредственно закон обращается и 3) всех остальных лиц, к которым закон обращается косвенно по свойству своей всеобщности (ср. Отд. II, гл. II, § 2). Неоспоримо, что первая категория адресатов может иметь совершенно различный характер общности.

1) Ср. ст. 53 конституции королевства СХС (теперь Югославии).

2) Laband, Staatsrecht des deutschen Reiches, Bd. II, стр. 2. — Jellineck, Gesetz, стр. 236. — Anschütz, Krit. Studien, стр. 23.

Закон может обратить свой приказ к одному лицу, например, в случае секвестра имущества у одного из членов лишенного престола царствующего дома. Закон может обязать известную категорию лиц уплатить отдельные налоги и закон может обязать всех вообще подданных к каким либо определенным действиям. Свойство различной общности не может лишить закона его законного характера. Равным образом закон может адресоваться ко всем чиновникам или к определенному классу чиновников (что обыкновенно случается), например, к податной инспекции или к агентам полиции. Таким образом, и в данном случае законы могут быть более общие и более частные и, наконец, индивидуальные. Остается третий случай — это косвенное адресование к неопределенному количеству адресатов. Мы думаем, что каждый закон, поскольку он не теряет характера закона, необходимо имеет в виду, что «всякий и каждый» должен по крайней мере не противодействовать непосредственным адресатам исполнять прямые веления закона и терпеть вызванное исполнением закона поведение. Если бы не выполнялось и это условие, то вообще закон потерял бы свойство быть законом. В этом последнем смысле все безусловно законы должны быть «всеобщими».

Все эти соображения убеждают, что теория закона, как «общей» нормы, едва-ли вносит много света в определение понятия закона и законодательной деятельности. Разбираемый признак не устанавливает правильного понятия законодательных актов и их отличий от актов незаконодательных.

б) Другое, наиболее распространенное течение указывает на чрезвычайное разнообразие того содержания, которое охватывается общим понятием закона. Нет таких точных признаков, которые были бы свойственны тому, что государство может объявить «законом» и что оно «законами» объявляет, руководствуясь разнообразными и меняющимися потребностями своей жизни. Государство объявляет законом и общие нормы, но в качестве закона объявляет оно также и нормы совершенно частные и даже иногда вообще не нормы, а отдельные установления разной природы. Государственными законами могут быть также и такие государственные волеизъявления, которые не содержат никаких правовых положений, например, известные технические правила, известные хозяйственные или финансовые сметы и т. п. Законами могут быть известные содержания, не обладающие повелительным характером, например, договоры, торжественные обещания, известные научные определения или правила и т. п.[1] Все это приводит нас к понятию *формы* закона, которая может быть приобретена различными содержаниями. Мы приходим к идее закона в *формальном смысле* этого слова, т. е. к мысли, что порядок издания различных по своему содержанию постановлений может доставлять последним форму постановлений законодательных. От закона в формальном смысле этого слова, как утверждают сторонники этой теории, следует отличать *материальное понятие* закона, понятие закона по существу. Всех различных сторонников названной теории объединяет мысль, что понятие права и является тем элементом, который образует материальное существо закона. О законе в материальном смысле можно говорить постольку, поскольку в различных законах проявляется единое существо права. Таким

1) Jellineck, Gesetz und Verordnung.

образом различные сторонники разбираемой нами теории, признавая формальную возможность расхождения между законом и правом, настаивают в то же время на существенной близости этих понятий.

С точки зрения последней теории может быть, следовательно, два различных понятия о законодательстве: законодательство в формальном смысле и в материальном. В формальном смысле законодательством будет тот процесс особо торжественного издания всех возможных государственных актов, который придает актам этим особо повышенную силу действия. [1]) Законодательство в формальном смысле этого слова не есть какая либо необходимая деятельность государства, без осуществления которой государство вообще не мыслимо. Вполне мыслимо государство, не различающее актов с повышенной силой от актов подчиненной силы действия. Принципиально на такой позиции стояли, например, теория и практика советской власти по крайней мере в первые годы существования советской республики. Но и тогда, когда в советской России усиленно заговорили о «революционной законности», советская теория государственных актов продолжала резко отрицать необходимость особого пиетета по отношению к неизменности законов. [2]) Но обычно в каждом государстве существует потребность придавать некоторым из своих актов особое значение, причем способы такого придания могут быть весьма различны. Значение некоторых актов может быть связано с вопросом о том официальном носителе власти, от которого данный акт исходит. В чистых монархиях, например, повышенной силой обладают все проявления воли монарха, в чистых демократиях — проявления народной воли. В «умеренных» формах правления придают особое значение формальной процедуре прохождения некоторых актов через различные инстанции. Так создалось современное учение о формальном законе в смысле новейшей конституционной теории, согласно которой законом считают такой акт, который возник в порядке особой инициативы,подвергся процессу обсуждения в законодательных палатах, получил законную санкцию и был опубликован в установленном порядке. Следует всегда иметь в виду полную условность всех этих установлений и не придавать им какого-либо категорического значения. Понятие формального закона не есть категория, но историческое установление, черпающее свой смысл из исторических потребностей общества, из его культурного развития, из соображения удобства и пользы. В отношениях понятия формального закона к государству нет ничего «само собою разумеющегося» и внутренно необходимого. [3])

Затруднения , на которые наталкивается названная теория, начинаются тогда, когда мы подходим к определению понятия *закона в материальном смысле этого слова*. Она отожествляет «материальный закон» с «правом», но в то же время обнаруживает постоянную тенденцию понятие права определять через истечение от государственной воли или признание со стороны этой последней.

---

1) Ср. Anchütz, L. Fleischmann's Wörterbuch des deutschen Staats- und Verwaltungsrecht, 1913, II, стр. 213.

2) «Право Советской России», т. I, Прага, 1925,ст. «Источники права».

3) Как это вытекает, напр.. из классической конструкции Laband'a, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 5-te Aufl., Bd. II, 1911, стр. 1 и сл.

Иными словами, она уклоняется от определения «права» по существу и выдвигает тот же самый *формальный* момент, которым определяется закон в формальном смысле этого слова. Таким образом, получается, с точки зрения этой теории, что «правом» или «законом в материальном смысле» нужно считать *всякое* волеизъявление или *всякий* приказ государства; формальным же законом нужно считать волеизъявления или приказы, изданные *в особом порядке*. [1]) Мы приходим к известной нам государственной теории права, которая в другом месте названа была нами видом своеобразного правового нигилизма. Ибо, с названной точки зрения, «право» есть то, что государство по тем или иным соображениям считает нужным назвать «правом»,и «закон» есть то,что государство объявляет в качестве закона. Всякие объективные критерии здесь утрачены и раз навсегда устранены.

Многие из юристов вообще не замечали этих затруднений, другие же отдавали в них отчет и пытались их устранить. Наиболее остроумная попытка в этом направлении принадлежит *Г. Еллинеку* в его известной теории «самообязывания». Подобно другим германским юристам, *Еллинек* полагает, что всякое право исходит из государства и в государстве черпает свою значимость и силу. Но в то же время *Еллинек* дает себе полный отчет в том, что право нельзя отожествлять с простым, односторонним, исходящим из какой-либо высшей воли приказом. [2]) Подобное отожествление равносильно было бы отрицанию самой идеи права. Не всякое веление, стало быть, но только веление, особо обставленное и особо формулированное,становится велением правовым.Присоединяющийся к велению момент, делающий из него веление *правовое*, необходимо присущ, по мнению Еллинека, каждому государственному закону. «Сущность закона или объективного права» — говорит он — «состоит в том, что закон этот исключает произвол при оценке подчиненных закону явлений, что закон наполняет государственную волю особым содержанием, которое исключает все, ему противоречащее». [3]) Поэтому «закон» и «самоограничение государственной воли» *суть понятия тожественные*. Наиболее широким определением права было бы обозначение его, как совокупности норм, которые государство считает для себя обязательными. Такое самообязывание, по мнению *Еллинека*, присуще всем положениям позитивного права и является истинным существом любого правопорядка. «Существуют законы,которые не обращаются к подданным,но не мыслима такая норма, которая не обязывала бы государства, — в противном случае возможно было бы нечто такое, что составляло бы содержание государственной воли и в то-же время в ней не содержалось бы». [4])

При оценке этой весьма распространенной теории прежде всего нужно указать на мыслимость и даже на реальную возможность таких «норм», которые отнюдь не связывают законодателя. Примеры их можно найти в советском пра-

---

1) Ср. G. Jellineck, Die rechtliche Natur der Staatenvertrage, Wien, 1880, стр., 10.

2) Ibid., стр. 27.

3) Ibid., стр. 31.

4) Блестяще формулировано у *П. И. Новгородцева*, Государство и право, О. с. Также Kelsen, Hauptprobleme; Verdross, Fondement du droit international, Recueil des Cours de l'Académie, La Haye, 1927, v. I.

ве. «Советские законы», — по выражению одного советского юриста,—«это только технические инструкции, в которых обязательны только самые общие места. Будут-ли это правила о судопроизводстве, о почтово-телеграфной или железнодорожной службе, или, наконец, о советском земледелии, огородничестве или пчеловодстве — *обязательность всюду будет одинаково условна.* То же будет с примерной инструкцией о преступлениях и наказаниях». В советском праве отсутствует идея «ненарушимости» закона, закон здесь подчинен классовому интересу или принципу целесообразности. Государство не берет здесь на себя никакого ручательства соблюдать то, что оно издало, не обязывает себя и не связывает; в то-же время оно издает огромное количество «норм», которые само считает «правом» и которые принуждены считать им не только подданные, но и другие государства.

К этому первому, чисто-фактическому возражению против теории самообязывания нужно присоединить другое, которое высказывается многими ее противниками. Мы говорим об известном указании на то, что вся конструкция *Еллинека* основывается на аналогии с учением Канта об автономном самоопределении воли и что, именно, поэтому теория самообязывания не может достигнуть цели, которую она себе ставит. [1]) Когда дело идет об автономии нравственной воли, мы имеем налицо не только свободу самоопределения, но и необходимый нравственный закон, который, по учению Канта, связывает свободную волю. Этот «закон» отсутствует в конструкции *Еллинека*, поэтому государственная воля становится у него всемогущей, всесильной, ничем не связанной, кроме как своим собственным произволом. Государство в любой момент может издать закон и его отменить. Правда, в правовом государстве существуют формы изменения законов, но государство может изменить и эти формы, заменить их новыми и снова отменить эти последние. Чрезвычайно поучительно, что *Еллинек* принужден признать полную условность тех обязанностей, которые вытекают из «самообязывания» государства. Государство,—говорит он—«никогда не может обязать себя к *безусловному* признанию какого-либо права». «Самообязывание не может быть абсолютным ни по времени, ни в отношении пространства, в котором закон действует». [2]) На место обязательного для государства закона у *Еллинека* выступает принцип государственной целесообразности. В довершение всего для признания внутренногосударственного закона *Еллинек* делает существенным то условие, которое иногда считается особенностью международных договоров, не способных обеспечить какой-либо устойчивый правопорядок: по его мнению, каждый акт государственной воли предполагает «clausula rebus sic stantibus» (неизменность обстановки).

Тем самым отрицается всякая устойчивость самообязывания; утрачивается также и идея «права», которую теория *Еллинека* пыталась спасти. Поставить установленные законом права под «clausula rebus sic stantibus», это значит — установить правовой режим, подобный тому, который в советской России назывался НЭП-ом. При этом режиме «права» существуют постольку, поскольку они не противоречат интересам правящего класса и началу государственной пользы. Если это соответствие утрачивается, права тем самым отменяются.

---

1) G. Jellineck, Die rechtliche Natur etc., стр 23.
2) Ibid., стр. 40.

Такой режим можно оценивать различно, но «правовым» его называть нет оснований.

Таким образом понятие «закона в материальном смысле» остается неопределенным и в теории *Еллинека*, — и возникают сомнения в том, целесообразно-ли вообще делить «закон» на «формальный» и «материальный». Логические недостатки такого деления неоспоримы. Теория эта создает, как мы убедились, два понятия закона и соответственно этому два понятия законодательной деятельности. При этом, как утверждают ее сторонники, неправильно считать, что одно из названных понятий является родовым, другое — видовым. Напротив того, закон в формальном и закон в материальном смысле суть два *совершенно самостоятельных* понятия, содержания которых могут перекрещиваться, но которые ни в коем случае не могут стоять в логическом отношении общего и частного. С точки зрения требования логики можно сказать, что создание двух таких понятий, выраженных одним словом «закон», не является предприятием безупречным, — тем более, что между ними имеется несомненное внутреннее отношение, нисколько не выясненное представителями названной теории. Можно ли сказать, на самом деле, что два названные понятия *совершенно* самостоятельны? Это означало бы, что материальный закон ни в коем случае не является и не может являться законом формальным. Между тем весь практический смысл названной теории сводится к требованию, чтобы такие важные акты, как акты создания новых прав (т. е. акты материально законодательные), в действительности были бы издаваемы в той торжественной форме, которая им подобает, другими словами, чтобы они были формальными законами. [1]) Поэтому, по крайней мере в правовом государстве, материальный закон должен стать законом формальным или, вернее, частью закона формального. Но есть ли какое либо разумное логическое основание для того, чтобы одним и тем же понятием «закон» обозначать и целое и его часть? Не проще ли признать, что логически правомерно только понятие формального закона, т.-е. совокупности актов повышенной силы действия, в которой существенное место занимают правовые положения, но которая этими последними отнюдь не покрывается?

Рассмотрение теории закона приводит нас к следующим выводам: 1) регулирующая деятельность государства отнюдь не совпадает с правоустановлением; 2) формальный момент издания государственных актов с повышенной силой действия отнюдь не превращает эти акты в правоустановления; 3) необходимо отличать понятие закона от понятия правового установления: первое — чисто формально, т.-е. определяется особым способом издания актов, второе может быть определено только материальными признаками, отличающими акты правоустановления от актов нормоустановительных.

Теперь в результате всего изложенного, мы можем, наконец, ответить на вопрос, поставленный в начале этого отдела (§ 1 в конце): что превращает различные, издаваемые государством «нормы» в «нормы правовые» и в каком смысле мы вообще можем говорить о «правовых нормах»? Очевидно, что не момент «издания» государством, «истечения» из государства или «признания» государством, превращает технические, хозяйственные, условные, нравствен-

1) Ср. Hatschek, Deutsches und preussisches Staatsrecht, Bd II, стр. 4.

ные и др. нормы в «правовые», — такое «превращение» было бы каким-то непонятным фокусом, — а *момент отнесенности различных актов нормоустановления к актам правоустановления позволяет считать подлежащие нормы правовыми*. Поэтому, там, где такой отнесенности нет, там изданные государством те или иные не юридические нормы остаются такими, каковыми они суть по своей природе. Там же,где названная отнесенность существует, там их можно называть «правовыми», именно, в силу этой «отнесенности» (стало быть, не в собственном смысле, а в смысле характеристики отношения между нормами и соответствующими установлениями права). В коммунистическом государстве чистого типа, в котором правоустановительная деятельность вообще бы прекратилась, очевидно, и изданные государством нормы потеряли бы «правовой» характер, стали бы чистыми нормами распорядка, быта, рабочей морали и т. п. Справедливо,поэтому, коммунисты склонны назвать свое «право» просто совокупностью технических инструкций и правил, хотя теоретическая основа такого словоупотребления не ясна для теории коммунизма. Но там, где в коммунистическом государстве начинается практика правоустановления, хотя в ограниченном виде (в формах, например, юридических основ НЭП'а и «обеспечения» прав трудящихся, о котором говорит советская декларация прав), — там и нормы приобретают *правовой* характер в вышеуказанном смысле этого слова.

Из изложенного ясно, наконец, *в каком смысле к понятию закона применимо понятие права*. Законодательные установления, предоставляющие права, будут установлениями правовыми в прямом смысле этого слова. Законодательные нормоустановления будут «правом» постольку, поскольку они отнесены к правоустановлениям. Законодательные же нормы, никак не отнесенные к правоустановлениям, очевидно, так и останутся неправовыми нормами того или иного вида, и никакой государственный акт, в какой бы торжественной форме он ни был сделан, не в силах придать таким нормам характер права. Отсюда следует, что установившееся словоупотребление, называющее закон «правом»,было отчасти справедливым, поскольку оно имело дело с истинными правовыми установлениями и отнесенными к этим последним «нормами», подводимыми в своей совокупности под категорию «закона»; но это словоупотребление не достаточно уясняло само понятие «права в объективном смысле» и не достаточно уяснило логическую самостоятельность понятий «закона» и «права».

Гл. 2. Организованный порядок.

§ 1. Официальные носители государственной власти.

Первым и самым существенным вопросом государственного устройства является вопрос об официальных носителях власти в государстве. В современном государствоведении вопрос этот именуется вопросом о *государственных ор-*

ганах. По названному вопросу существующей юридической теорией государства были выдвинуты три основных воззрения,довольно тесно связанные с отвечающими им политическими тенденциями:

1. В эпоху политической борьбы против монархии и зарождения западного демократизма была выставлена теория делегации народных прав народным представителям, которые единственно и могут считаться легитимными носителями государственной власти; теория эта со временем претерпела некоторые изменения, но и до сей поры является «теорией» преимущественно демократической. В основании своем она имеет сравнения, взятые из частного права. Носители государственной власти в государстве должны стоять по отношению к народу так, как поверенный стоит по отношению к своему доверителю. История западной культуры породила идею построения государства,все власти которого построены на подобном свободном выборе «поверенных», снабженных к тому же особым мандатом.[1]) Представитель и представляемый в частном праве являются самостоятельными индивидами, чуждыми друг другу, не объединенными никакой первоначальной связью. Они — не члены некоторого единства, они — случайные попутчики. В таком отношении пропадает то главное, что отличает властные отношения в государстве, — отношения постоянного подчинения одних лиц другим. Остается только случайное сочетание двух самостоятельных свободных волеизъявлений, — воли представляемого и воли представителя.[2]) Оттого эта теория по существу своему анархична, уничтожает государство в его корнях, если только она проводится последовательно и без отступлений. Образованное таким образом «государство» или перестает быть властным организованным обществом, или же, если не утрачивает характера властности, предполагает скрытое существование таких верховных государственных органов, которые уже не являются простыми «поверенными» граждан. В самом деле, в подобном государстве верховной властью в действительности обладает голосующий народ,который можно мыслить или как ничем не связанную совокупность суверенных индивидуумов, или же,как некоторое высшее властное целое, обладающее особой «общей волей», которой все должны повиноваться. Если суверенная воля индивидуумов принципиально не знает ничего выше себя и может соединяться с другой волей на основе случайного сходства, то такое соединение будет «союзом эгоистов», а не государством. Если же голосующий народ путем голосования обнаруживает нечто высшее (например,волю непогрешимого большинства,как у *Руссо*), то тогда это «высшее» и будет носителем верховной власти. В частности, у *Руссо*, который придерживается этих идей,носителем власти и является общая воля и ее выразитель «большинство», от имени которого действуют и другие представители государства, его комиссары. Это «большинство» уже не является «представителем», в смысле частного права, но обладает, согласно Руссо, непререкаемой, неограниченной и абсолютной властью.

Однако, теория гражданского права знает еще иной вид представительства,

---

1) Эта теория носит имя французской и ее придерживаются все представители, так называемой, классической теории французского конституционализма.

2) H. Preuss, Stellvertretung oder Organschaft, Jehring's Jahrbuch, Bd. 44, стр. 469.

— представительство законное (например, опекуна, президиума общества лица и т. п.). Кажется очень соблазнительным уподобить носителей государственной власти подобному законному представительству, которое в союзах, корпорациях и обществах конструируется на основании соответствующих уставов, определяющих, какие должности имеются в данном союзе (например, общее собрание, совет, правление, президиум), каковы функции каждой из этих должностей и кто имеет право занимать их. Не такова ли, в самом деле, природа государственных должностей и служб, начиная с верховных и кончая подчиненными?[1])

Однако, в самой теории гражданского права не существует полной ясности по вопросу о природе этого *законного* или *необходимого* представительства. В самом деле, в явлениях такого представительства смешаны отношения совершенно различных природ. Нужно различать прежде всего внешнюю жизнь союза, в которой союз вступает в отношения с другими физическими или юридическими лицами, и внутренние союзные отношения, возникающие при управлении союзом и при руководстве его внутренней организацией. Лица, действующие именем союза *вовне*, конечно, являются его представителями. Но во внутренних отношениях лицам этим принадлежит распорядительная власть и организационные функции. Президум союза, эту власть осуществляющий, является ли в этом качестве «представителем»? На этот вопрос принуждены отрицательно ответить даже сторонники теории представительства, считающие, что она достаточно определяет интересующие юриста отношения и не нуждается в замене какими-либо другими понятиями. «Если органы юридического лица» — говорит проф. *Тур* — «ничем не отличаются от представителей, в особенности же от законных представителей физических лиц, то, с другой стороны, не следует забывать... что органы действуют не только в отношениях внешних, но также и регулируют внутреннюю жизнь союза. *Рядом с представительством существует еще область руководства делами... В этом отношении органы юридического лица отнюдь не являются представителями*».[2]) По мнению проф. *Тура*, оттенение последней стороны дела является положительной стороной той теории, которая утверждает, что юридические лица действуют не через представителей, а через свои *органы*. По взглядам сторонников этой теории, понятие органа и создано для того, чтобы выразить специфические особенности коллективного лица, — именно, подчинение воли членов союза общей воле. «Для органической теории правоотношение между коллективным лицом и между входящим в него, в качестве члена, лицом отдельного органа есть отношение двух неравных воль: воля органа подчинена общей воле».[3]) Теория представительства, по мнению органистов, из за мнимого опасения впасть в мистику, принуждена отрицать самые очевидные реальности, — именно, наличность внутренних отношений союза, в которых союзные службы и должности уже не выступают в качестве представителей, а

---

1) Ср. Schlossmann, Organ und Stellvertreter, Jehring's Jahrbuch, Bd. 44, стр. 311, 325.

2) Von Thur, Der allgemeine Teil des deutschen bürgerlichen Rechts, Bd. I, стр. 465.

3) H. Preuss, О. с., стр. 464, 475 и др.

имеют дело с особыми явлениями, для которых должны быть подысканы и особые понятия.

Следует прибавить, что наука о государстве прежде всего интересуется не внешним «представительством» государства, а его внутренней, властной структурой. Когда цивилист изучает юридическое бытие союзов, его, напротив того, интересуют более всего эти внешние отношения, — область «прав» союза, способность его к совершению юридических сделок. Таким образом стремления юриста-цивилиста и государствоведа не совпадают. Кроме того, если во всяком союзе существует область внутренних, административных отношений, то не нужно забывать, что властная компетенция частных союзов в сущности весьма ограничена. Частные союзы, как всякие организованные общества, имеют также властную структуру, но она, так сказать, минимальна. Между тем государство есть по преимуществу властный союз. Поэтому попытка выразить властные отношения внутри государства при помощи цивилистического понятия «представительства» не может не привести к искажению природы и существа государственных явлений.

2. Мы неизбежно приходим к понятию «органа», как носителя государственной власти. Как показывает само название, понятие это имеет ближайшую связь с органической теорией государства. Намеки на его формулировку можно нащупать уже в старых органических сравнениях. Новейшая органическая теория государства дала этому понятию полное право гражданства. В настоящее время его применяют и цивилисты, и публицисты,— причем вовсе не придерживающиеся органических воззрений. И действительно, если мы возьмем любое руководство по государственному праву, в нем непременно (за чрезвычайно редкими исключениями) будет итти речь об органах государств, независимо от того, придерживается ли автор органической теории или не придерживается. В зависимости от последнего обстоятелства, меняется, как мы увидим, и значение понятия органа.

Государственным органом называется такое лицо или совокупность лиц, действия которых считаются действиями государства. Орган отличается от представителя тем, что он является существенной (органической) частью государства, тогда как представитель является лицом, внешним представляемому и по существу ему чуждым. В основании понятия «орган» лежит, как было уже указано, сравнение государства с организмом. Принимая во внимание то обстоятельство, что большинство наиболее выдающихся сторонников органической теории считают государство организмом духовным, приходится считать государственные органы не биологическими частями органического тела, но только особыми, подобными физиологическим органам элементами духовного организма. По вопросу о природе этих элементов сами органисты не пришли к вполне установившимся выводам. Некоторые из них полагают, что особый духовный характер органов государственного организма заключается в их свойстве быть как бы некоторыми личностями, которые живут в государственном целом и выполняют в пределах его присвоенные им функции. Государство, как высшая личность, состоит в свою очередь из совокупности своих духовных частей, которые оно производит, воплощает, одухотворяет, снабжает известными направлениями деятельности и объявляет самостоя-

тельными право-и дееспособными лицами.[1]) Таким образом эта теория государственных органов приближается к старым воззрениям канонистов и романистов, в которых отдельные церковные должности в других юридических лицах рассматривались в свою очередь, как юридические лица.[2]) Некоторые старые философско-правовые учения, придерживающиеся теории разделения властей, также считали, что государство состоит как бы из нескольких самостоятельных лиц, которые чудесным путем соединены в целое.[3]) «Каждое министерство, каждая правительственная должность, каждый суд — все были бы, согласно этому взгляду, юридическими лицами и однако все они были бы только одним юридическим лицом!» — так характеризует названнную теорию австрийский юрист, Бернацик. «Понять разумом догму о троичности Божества являлось бы по сравнению с этим чистыми пустяками!» — прибавляет он.[4]) Действительно, опытным путем трудно уяснить, каким образом единое и обладающее единой волей лицо государства может состоять из множества самостоятельных и обладающих в свою очередь единой волей лиц! Обстоятельство это заставило самих органистов несколько усовершенствовать свою теорию органа государства. Они стали говорить уже об органе, не как об юридическом лице, но как об особой «неполной личности» (unvollkommene Persönlichkeit-Organpersönlichkeit).[5]) Государственная должность, как стали утверждать они, никогда не может быть отдельным субъектом права, самостоятельным юридическим лицом. Государственный орган есть «объективный институт», «совокупность актов». Если ему и принадлежат некоторые права, то во всяком случае он не обладает «бытием для себя».[6]) Все это — чрезвычайно неопределенные и неясные формулировки, которые дают полное основание для резкой и беспощадной критики. Нельзя же, на самом деле, серьезно утверждать, что государственный орган не есть личность, но «почти-что» личность.[7]) Иными словами, несмотря на общеупотребительный и, казалось бы, само собою разумеющийся характер понятия «орган», оказывается, что внутреннее существо его весьма мало понятно и выяснено. Не выяснен также вопрос, кого следует считать государственным органом? Некоторые из органистов считают, что органом государства является всякая служба, каждая должность, каждый чиновник. Однако изучение природы государственной службы убеждает нас, что есть огромная разница в положении основных и высших государственных должностей и остальных государственных служб. В современной теории государства можно считать общепризнанным различие между органами государства и простыми агентами или чиновниками. Органами в тесном смысле этого слова являются только непосредственные органы государства, т.-е. такие, которые конструированы на основании самой конститу-

---

1) O. Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, II, стр. 962.

2) Ср. Bernatzik, Kritische Studien über Begriff der juristischen Person, Arch. für öffentl. Recht, Bd. V, стр. 182-4.

3) Воззрения Канта, повторенные у Фихте в Naturrecht, 1796.

4) Bernatzik, O. c., стр. 210.

5) Выражения, изобретенные Гирке.

6) Bernatzik, O. c., стр. 210 и след.

7) Ibid., стр. 213.

ции государства, тогда как чиновники приобретают свою компетенцию из обыкновенных законов или административных актов. Непосредственные органы стоят друг к другу в отношениях координации, тогда как чиновники стоят в отношениях субординации, — в иерархической зависимости. И, наконец, что самое главное, органы действуют по своему свободному усмотрению, они обладают несвязанной, свободной компетенцией, предоставленной им в рамках законов. Так действует, например, парламент в современном западном государстве, так действует президент, так действует голосующий народ. Напротив того, усмотрение чиновников всегда более или менее связано, они не обладают собственным правом решения, функции их не свободны. [1]) Другими словами, понятие органа совпадает в этом понимании с тем субъектом, который обладает правом последних решений в государстве, обладает суверенитетом (ср. ниже, § 3).

3. Наконец, третья, наиболее реалистическая из названных теорий склоняется к мысли, что руководство государственными делами принадлежит не «представителям» государства и не его «органам», а тем людям или группам людей, которые именуются «носителями власти» и которые в силу особых условий способны делать обязательными предписания своей воли другим людям. «Носитель власти» в этом смысле есть вполне особенное, первоначальное, властным союзам свойственное явление. Чтобы уяснить его природу, следует отправляться от наблюдения специфически властных обществ, например, семья, корабль в открытом море, союзы государств и т. п. [2]) Мы уже отчасти имели дело с этой теорией, когда говорили о правящей группе в государстве. Надо признать, что она все более и более приобретает последователей в современной науке. Ее придерживаются не только марксисты, к ней склоняются многие представители так называемой «буржуазной» науки, утверждающие, что первоначальный факт, образующий явление государства, сводится к тому, что существует группа управляемая и группа управляющая, и что первая обладает способностью предписывать нечто второй. [3]) Главным недостатком этой теории, как следует из нашего предшествующего изложения, является неразличение *официальных носителей* государственной власти от ведущего слоя и управляющей группы (ср. выше). У большинства из сторонников названных воззрений и то, и другое совершенно сливается, управляющая группа превращается в официального носителя власти, а этот последний становится совокупностью лиц, образующих управляющую группу. Между тем фактически эти два явления часто не совпадают, а когда происходит совпадение, то все таки превращение управляющей группы в «официальную власть» обставляется особыми условиями, о которых названная теория обычно умалчивает.

Было уже указано, что официальные носители государственной власти являются *законными* диспозитариями государственной мощи. Для каждого государства представляется совершенно необходимым особо выделить этих

1) Ср. Hatschek, Deutsches u. preussisches Staatsrecht, 1922, I, стр. 6, 548. — Duguit, Traité, II, стр. 416 и след.

2) Так, Бернацик, О. с., стр. 227, выделяет особые «Autoritätsverbände».

3) К этой точке зрения склоняется Duguit, O. c., Jèse, J. Barthélemy и др.

распорядителей и установить точный порядок их деятельности. Этого требуют уже прежде всего чисто технические соображения. Если такой порядок не был бы выработан и установлен, жизнь государства превратилась бы в чистую анархию, — в хозяйство с большим количеством неопределенных хозяев, в армию с неопределенным числом не знающих своей роли командиров. Уже простые технические соображения требуют, чтобы *установление такого порядка было зафиксировано в особо внушительной форме*, снабжено особой повышенной силой. Главный недостаток современной европейской теории государства заключается в том убеждении, что подобную повышенную силу названному порядку может придать только авторитет установленных государством законов. Таким образом *конституция государства* отожествляется с совокупностью *конституционных законов*. Между тем изучение государств других культур убеждает нас, что торжественное закрепление конституционного порядка может принимать иные, например, религиозные или нравственные формы. Московская монархия имела, разумеется, свою неписанную конституцию, однако, конституция эта свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием и торжественно подписанных монархом, а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей, царя и бояр , — установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины. Торжественной формой выражения этой конституции были не законы, а религиозное убеждение. Но как бы то ни было, тем или иным путем, конституционный порядок всегда снабжался этой повышенной силой, — а потому и то, что им учреждено, приобретало характер особого значения и важности. Так возникают *официальные* или *легитимные* учреждения государства в отличие от частных учреждений общественной жизни, — *официальные* государственные «органы», *официальные* носители государственной власти. Та часть правящего слоя в государстве, которая, как мы видели, становится политическим руководителем государства, приобретает тем самым особое положение официальности и легитимности, которым обладает монарх, парламент президент, кабинет министров и т. п. Конституция имеет, следовательно, дело с официальной стороной государственной жизни, с официальными «диспозитариями» государственной мощи. Соотношение общественных сил, властный статус, лежит вне сферы этих официальных отношений. (ср. выше Отд. I, гл. III, § 4).

§ 2. Свойства официальных носителей власти в государстве.

1. То обстоятельство, что носители власти становятся в особое положение «официальности» и «легитимизма» порождает особые свойства, присущие тем кто таковую власть носит. Тот, кто имеет право распоряжаться государственной силой, делает это не в качестве частного лица, но в качестве лица «публичного». Это понятие «публичности» принадлежит к числу весьма часто применяемых, однако же не вполне ясных по своему внутреннему смыслу понятий.

По своему первоначальному значению оно применяется для обозначения всего того, что «открыто для всех», доступно всем, «незамкнуто», не тайно. [1]) В более узком и специальном значении понятие «публичный» стремится охарактеризовать такие отношения, которые свободны от безусловного погружения в себялюбивые, эгоистические интересы, которые имеют в виду «другое», заинтересованы им и служат ему. Публичность совпадает здесь с жертвенностью, с служением другому, с социальным служением, как это совершенно правильно отметил один из выдающихся наших юристов, *Л. И. Петражицкий*. *Л. И. Петражицкий* противопоставляет два вида властных отношений— власти хозяйские и власти служебные.[2]) Под первым он разумеет власти, «подлежащие свободному пользованию со стороны господина для своих личных, имущественных или других целей или интересов», например, власть господина над рабом, барина над слугой и т. п. Под служебными же властями *Петражицкий* разумеет такие, «с которыми сочетаются обязанности заботиться о благе подвластных или об общем благе известного общественного союза (семьи, рода, племени и т. п.) и которые подлежат осуществлению в пределах этой обязанности и как средства ее исполнения».[3]) *Л. И. Петражицкий* называет также эти власти социальными или властями социального служения. Типичный пример таких властных отношений мы можем наблюдать в семье. Власть отца семейства состоит в праве повеления и воздействия на подвластных сообразно общему благу семьи (к которой относится и сам субъект власти), соединенном с обязанностью заботиться об общем благе и соответственно применять свое право власти.

В новейшем государствоведении понятие публичности государственной власти ближайшим образом связано с понятием права. «Публичное право», как область правовых явлений, преимущественно связанных с жизнью государства, есть наиболее часто встречающееся в современной науке обозначение, и вместе с тем в современной юриспруденции нет более неясного понятия, чем названное понятие «публичного права».[4]) Можно сказать, что большинство попыток определить это понятие окончилось неудачей и некоторые из современных юристов склонны даже считать, что попытки такого определения безнадежны.[5]) Но даже и у тех современных юристов, которые дошли до полного сознания этой безнадежности, идея публичности не может освободиться от юридической оболочки. Так *Л. И. Петражицкий*, прийдя к выводу относительно полной теоретической ошибочности деления права на публичное и частное, предлагает заменить названные деления делением на два класса правовых явлений, — на право социального служения и на право лично-свободное. Таким образом здесь также идея служения теснейшим образом связана с понятием права. Именно, для *Л.И. Петражицкого* обязанность служения есть правовая обязанность. Государственная власть для него «есть социальное служебное право повеления и иного воздействия на подданных... во исполнение

---

1) Ср. «Основы философии права», стр. 270.
2) *Л. И. Петражицкий*, Теория права и государства, 1, стр. 200.
3) Ibid., стр. 200.
4) Изложение соответствующих теорий у *Петражицкого*, т. II.
5) Напр., *Д. Д. Гримм*.

обязанностей служения общему благу».[1]) Исходя из этого определения, *Л. И. Петражицкий* и государство считает преимущественно правовым явлением — явлением «правовой императивно-аттрибутивной психики».[2]) «Оправление» государственных отношений у *Л. И. Петражицкого* идет так далеко, что он даже говорит, например, о каком то «праве на послушание» граждан, которое на самом деле есть ни что иное, как обязанность повиноваться.[3])

Названная сторона воззрений современных юристов создалась под исключительным впечатлением жизни, так называемого, правового государства европейской культуры. Действительно, это государство стремится отношения властвования влить исключительно в правовую форму. Таким образом обязанность государственного служения становится в то же время и правом граждан требовать такого служения от государства. Однако, такой характер отнюдь не принадлежит всякому государству и отнюдь не вытекает из самой идеи государства. Служение и жертвенность по существу своему суть понятия нравственные и религиозные. Оттого и государство, как стихия жертвенности, есть явление, по идее своей более нравственное, чем правовое. Служить можно и должно не только по праву, но и главным образом по глубоким духовным эмоциям, по чувству долга и по любви. Служение «по праву» есть особое, чисто историческое оформление нравственных начал. Поэтому публичные отношения только в известном историческом смысле связаны с идеей права и только в известные исторические эпохи могут быть правовыми.

Другим недостатком, который обнаруживает общепринятое понятие публичности, нужно считать теснейшую связь его с принципами гедонистической и утилитарной морали. Со времени классической философии и римских юристов частные отношения противопоставляются публичным, как отношения частного интереса и частной пользы отношениям общего интереса и общей пользы. Причем никто не знает в конце концов, в чем же заключается этот «общий» интерес и общая польза, а при попытках их определения неизбежно впадают в свойственный названным воззрениям релятивизм и скептицизм. Ибо идея общей пользы очень условна по своему существу и не может быть ясно отграничена от идеи пользы частной. Понятие социального служения на самом деле вовсе не связано с служением «общей» пользе, но оно вытекает из того, что государственная организация служит некоторым высшим культурным идеалам и ценностям. Государство тем и отличается от частного предприятия, что оно служит более высоким нравственным целям и утверждает себя, как учреждение, созданное для осуществления этих целей. Исторически цели эти бывают весьма различными — например, цели национальные, цели, преследуемые некоторым культурным единством, классовые цели, поскольку они устремляются к преобразованию всего социального строя и т. д. Государством мы и называем такую организацию, которая ставит себе не только цели технической пользы, но и более высокие общие задачи. Можно, конечно, считать постановку таких целей вообще излишней, и тогда то, что мы называем государством, за устранением названных целей, превратится в большое частно-промышленное пред-

1) О. с., стр. 206.
2) О. с., стр. 217-18.
3) Ibid., I, стр. 218.

приятие. Однако, излишне к такому союзу применять и название государства.

2. Государственная власть ,присущая официальным органам, обладает далее всеобщим, универсальным характером. Мы различаем формальную всеобщность государственной власти от материальной.Всеобщность власти в формальном смысле есть способность совершать властные акты, адресатами которых являются не только определенные лица, но все подвластные вообще — прошедшие, настоящие и будущие, родившиеся и не родившиеся, признающие власть и не признающие, способные ее признать и неспособные. И действительно государство властвует не только над наличным, живущим в данное время и в данном пространстве своим населением. Население это в известный промежуток времени вымрет, место его займут новые псколения, а государство тем не менее останется. Если государство что либо приказывает или объявляет, акты эти имеют в виду не только существующих в наличности людей, но и будущие их поколения. Государственные акты ненарушимы и могут быть отменены или какими либо новыми актами государства или же в силу каких либо особых условий, например, молчаливого отказа государства от применения, давностью, новой практикой и т. п. Таков характер государственных предписаний, обращенных к лицам подчиненным. Но подобный же характер обнаруживает волеизъявление государства по отношению к лицам, ему не подчиненным, например, в договорах государств между собою, которые связывают не только договаривающихся, но и их наследниксв. Из этой формальной всеобщности государственных актов вытекает известное в международном праве требование преемственного принятия на себя новыми правительствами долгов и обязательств старых правительств. Раз государство нельзя отожествить с наличными правящими лицами,то,естественно, волеизъявления последних должны быть вменены не им самим,а некоторому целому,которое существует и тогда, когда данные лица перестали существовать. Отсюда также понятно затруднение, которое испытывает договорная теория государства, стремящаяся объяснить обязательность государственной власти согласием заключивших договор лиц. Оказывается, что согласие это должно обязывать не только тех, которые его выразили, но и всех его не выражавших и даже не способных его выразить. Дети и несовершеннолетние,которые не могли участвовать в договоре, признаются однако подданными государства,обязанными подчиняться его власти. Обязаны к этому даже и не родившиеся. Иными словами,нужно предположить, что договор был совершен договаривающимися не только от их собственного имени, но и от имени их детей, и их потомства, равным образом от имени всех недееспособных, сумасшедших, малолетних и т. д. Указанными особенностями волеизъявлений государства объясняется, почему такие волеизъявления имеют силу не только вопреки признанию подчиненных, но и независимо от осведомленности последних, от их знания тех или иных государственных актов. Известное требование, что никто не может отговариваться незнанием изданного государством закона, исходит из предположения о неопределенно всеобщем адресате государственных норм. И далее, акты государственной власти не только имеют отношение ко всем подвластным вообще, но они имеют в виду до некоторой степени и всех не подвластных. Не только всякий подданный, но и любой иноземец при известных условиях должен считаться с предписаниями государства. Различие только в том, что подданный связан с государством

лично, а иноземец обязан подчиняться государству, когда он находится на его территории. Равным образом государство в своих распоряжениях имеет в виду не только подданных и некоторых иноземцев, но и все другие государства. Ни одно государство не должно вмешиваться в распоряжения другого государства, поскольку оно вполне самостоятельно. Другие государства должны воздерживаться от вторжения в сферу чужого властвования, как все люди должны воздерживаться от вмешательства во власть собственника. Все это показывает, что в процессе государственной деятельности государство мыслится, как некоторое целое, которое не исчерпывается составом живущих в нем и окружающих его людей. Акты, исходящие от этого целого, всеобщи в смысле их отношения к неопределенному составу адресатов. Поэтому связь людей в государстве может быть названа связью абсолютной или всеобщей.[1])

Материальной всеобщностью государственной власти мы называем ее способность преследовать весьма разносторонние цели и соприкасаться в своих волеизъявлениях со всеми вообще сторонами общественной жизни. «Цели гражданских союзов» — как правильно замечает *Б. Н. Чичерин* — «все имеют характер частный или местный. Цель союза церковного по своему нравственному значению высшая, какая существует для человека; но она точно так же имеет характер односторонний и отвлеченный: она ограничивается нравственно-религиозной областью и не простирается на то бесчисленное сплетение отношений, которое образует светское общество... Одна государственная цель совокупляет в себе все общественные интересы».[2])

В этом материальном смысле всеобщность государственной власти противопоставляется «специальному» характеру других властей. Специальными же властями можно назвать власти, «ограниченные определенною областью поведения».Так, власть председателя собрания какого либо ученого общества как справедливо говорит *Л. И. Петражицкий*, есть специальная власть. Она имеет в виду только такие действия и распоряжения, которые относятся «к соблюдению надлежащего порядка обсуждения подлежащих вопросов, а не,например, к частной домашней жизни членов собрания».[3]) Существуют различные пути, при помощи которых государство достигает осуществления этой материальной всеобщности властвования и в зависимости от этих путей следует различать три основные политические системы: 1) Система полного этатизма, при которой государство берет на себя осуществление безусловно всех задач государственной жизни,как это предлагается, например, в политической утопии *Платона*. Здесь государство является хозяином, промышленником, купцом, военачальником, судьей, воспитателем, учителем жизни, наставителем в религии, учителем во вкусах, организатором быта и т. п. Никакие частные цели не признаются в их самостоятельности, все совершается из центра, осуществляющего некий единый хозяйственный, технический и культурно-религиозный

---

1) Ср. «Основы философии права», стр. 192. — *Петражицкий*, О. с., I, стр. 208.

2) *Б. Н. Чичерин*, Собственность и государство, 1883, I, стр. 180. Универсальный характер государственной власти подчеркивают также: Gierke, Genossenschaftsrecht, II; Haenel, Deutsches Staatsrecht, 1892, стр. 110; B. Schmidt, Der Staat, 1896, стр. 51.

3) *Петражицкий*, О. с., I, стр. 199-200.

план. 2) Противоположная система — это система чистого либерализма: государство отказывается от всякой положительной миссии, начиная с хозяйства и кончая областью культурного творчества. Единственно, что берет на себя государство , это — задачу охраны всеобщей безопасности. В пределе цель такого государства сводится к организации хорошей полиции, которая призвана вмешиваться, когда начинается резкое столкновение частных интересов и частных целей. Государственный аппарат, при этой системе, резко противопоставляет себя «обществу», живущему совершенно вне государственной и государством организованной жизни. Этот государственный аппарат оправдывает свое существование отсутствием в «обществе» достаточной «гармонии». Коль скоро она установится, аппарат становится не нужным. Поэтому в пределе своем либерализм стремится к анархизму. 3) Система органической государственности, при которой государство признает наличность целого ряда частных целей, однако не в их анархическом сосуществовании, но в состоянии органического единства. Эта система не лишает государства положительной миссии, но ставит государству положительные цели организации культуры. Однако цели эти государство черпает не из самого себя, но из того, что дано культурой, и организующую деятельность понимает не как механическое планирование, но как целесообразное использование органических культурных сил. Подобная система не уничтожает «общества», противопоставляемого государству, но это общество организует в том смысле, в каком можно «организовать» живое существо, приводя в гармонию соотношение его живых сил. И такая «гармония» не отрицает необходимости государственного аппарата, как живой организм не отрицает разумной воли, вызывающей в организме тот или иной положительный результат. Напротив, государственный аппарат становится здесь тем основным костяком, тем скелетом, который определяет положение всех основных частей общественного целого. Можно сказать, ни в какой другой системе идея государственной организации не приобретает такой выпуклости и явственности, как в названной. Государство в ней находит свое не только фактическое, но и идейное место в составе других элементов культуры.

§ 3. Взаимоотношения носителей власти.

Исторически никогда не было государства, которое имело бы только одного носителя власти. Даже крайние типы абсолютных монархий *наряду с монархом* всегда имели какие либо другие государственные службы в виде единоличных или коллективных государственных органов, представляющих или заменяющих монарха и разделяющих его власть. Таким образом, организация власти в государстве всегда представляет собою некоторою систему более или менее сложных отношений между носителями официальной власти *различных степеней*. Система эта, по необходимости, являлась системой организованной, т.-е. такой, в которой отдельные носители официальной власти стоят в отношении взаимной зависимости и подчинения. Без этих последних никак нельзя построить государства. Непонимание этой, весьма очевидной истины лежит в основе многочисленных в нашу эпоху и популярных анархических теорий общественного устройства. Анархисты отрицают государство именно потому,

что они не могут принять правомерность того положения дел, при котором властные отношения сплетаются в организованную систему «зависимости и связанности», в своего рода «сопринадлежность», «взаимоподчинение», «в порядок зависимости»; их пугает та великая система, которая воплощает в себе образ «государственного единства» и «могущества»; они не могут помириться с мыслью о том, что власть в человеческих отношениях образует некоторое единое устройство, некоторый единый центр действий.[1]) Поэтому с особым вниманием взирают анархисты на те периоды человеческой истории,в течение которых власть была распылена, лишена центра, дезорганизована, как это, по их мнению, преобладало в средние века. «В недрах феодального общества» — говорит Кропоткин,[2]) — «зарождается освободительное движение. Города свергают иго своих господ, их жители клянутся друг другу в взаимной поддержке, стремятся к независимости, организуются и объединяются для производства и обмена, промышленности и торговли... Свободные города, эти приюты, открытые для трудовой жизни, по своему внутреннему устройству уподобляются лигам независимых корпораций. У каждой корпорации своя юрисдикция, администрация, милиция. Каждый житель решает самостоятельно все вопросы, касающиеся не только его ремесла или торговли, но и всех тех отраслей общественной жизни, которые позже вошли в ведение государства: обучение, санитарные меры, уголовные и гражданские дела, военная защита страны. Эти корпорации, как органы политические,промышленные и торговые, объединяются при помощи форума, народ созывается набатом и обсуждает дела, касающиеся всего города; он разрешает споры между отдельными корпорациями и устанавливает соглашение относительно общих крупных предприятий». Такова идиллия средневековой городской жизни, — прообраза блаженного царства будущей анархии. Власть государства здесь распылена, нет единого центра действия государственных сил, нет суверенитета. В такую сторону должно идти преобразование государства, как учил об этом *Прудон* и другие анархисты: «в противовес закону реальному мало по малу выступит закон частных соглашений, в противовес властному государственному авторитету выступит общественное самоуправление, в противовес безответственному государству — глава предприятия, в противовес иерархическому режиму государственной службы — режим договорного найма»...[3]). Главное, не должно быть *никаких особых центров*, которые связали бы воедино деятельность отдельных общин. Все делается «снизу вверх». Нет никаких законов и общих правил. Общие дела решаются на общих съездах, составленных из представителей самостоятельных общин, вырабатывающих проекты соглашений, которые потом рассматриваются каждым союзом порознь. Подобная анархическая струя, направленная против идеи организованности властных отношений, сыграла значительную роль в событиях русской революции. Она определенно поддерживалась некоторыми группировками нашей революционной мысли, при-

---

1) Ср. *Н. Н. Алексеев*, Очерки по общей теории государства, стр. 172.

2) *Крапоткин*, Речи бунтовщика, 1917, стр. 88.

3) *М. Леруа*, Эволюция государственной власти, р. п. 1907, стр. 192.

нимавшими деятельное участие в выработке основных начал советского строя проекты конституций, исходившие из группы левых социалистов-революционеров, стремятся к установлению у нас подобного анархического общества.[1]) Расхождение этой группы с коммунистами-большевиками сводится именно к вопросу о едином центре власти, который по мнению социалистов-революционеров должен отсутствовать в государстве. Любопытно отметить, что в области противобольшевистских сил из эпохи гражданской войны мы имеем примеры фактического воплощения подобных политических идей: такова, например, система «самоуправления», принятая, в качестве проекта, в Дальневосточной республике,в которой «высшее проявление верховной государственной власти» устанавливается не в центре, а на местах, и каждая община объявляется независимой и суверенной носительницей власти.[2]) Наши русские политические течения, примыкающие к социал-демократии, в особенности группы большевиков, издавна полемизировали с этими анархическими тенденциями, и в социал-демократической литературе отлично было выяснено, что подобное анархическое общество «немедленно начнет разлагаться»[3]), в силу отсутствия организации и действия противоположных сил. Анархия «не устраняет ни борьбы личностей и союзов, ни союзов друг с другом, ни отдельных союзов со всем обществом. Если предположить, что люди не переродятся на другой день после революции, то *анархия неизбежно вызовет борьбу всех против всех.* Каждый, кому не нравится какой-либо союз, будет стремиться к образованию нового. В этом стремлении материальные рессурсы союза будут подвергаться вечному разделу.Не будет никаких сил подчинить меньшинство большинству, избавиться от ленивых и анти-общественных элементов, которые неизбежно возьмут верх при властной организации. Между отдельными союзами начнется соревнование и соперничество, доходящее до столкновений и ведущее к подчинению слабых сильным. И вообще общество, как целое, распадется, начнется гегемония частей над целым,и получится, что *общество не будет иметь право принуждать союсы, а союзы получат право и возможность подчинять общество».* Одним словом, на место единого государства установятся сотни маленьких государств, каждое из которых будет самостоятельным целым, находящимся с другими в отношениях «международного» общения.

Установление упорядоченности отношений между носителями власти в государстве совершается прежде всего путем иерархическим. Носители власти в данном обществе образуют некоторую лестницу взаимного подчинения, в которой высшие ступени возвышаются над низшими. Поэтому можно сказать, что понятия «выше» и «ниже» суть вечные спутники властных отношений, которые без них просто не мыслимы. И таким образом, в властных отношениях необходимо должен быть и некоторый самый высший член, верховный носитель власти или суверен.

---

1) Ср. об этом мою статью в «Праве Советской России», т. I.

2) *Якушев,* К истории «Проекта временного положения о местном самоуправлении в Дальневосточной области». Самоуправление, вып. II, Прага, 1925, стр. 265.

3) Ср., напр., *Станислав* (А. Вольский), Теория и практика анархизма, 1906, стр. 28 и след.

Сложное и запутанное учение о суверенитете государства нужно свести к простым его основам, как издавна были они формулированы у некоторых старых юристов, преимущественно английской школы. По учению названной школы во всяком независимом политическом союзе должна быть высшая власть. Если определенное лицо (или совокупность лиц), будучи поставлено выше других и не зная над собою ничего высшего, пользуется повиновением со стороны членов союза, то такое лицо является верховным властителем общества; общество же (включая и его высший член) есть общество политическое и независимое. Подчиненные члены этого общества являются его подданными, положение которых может быть характеризовано, как состояние подчинения и зависимости.[1]) «Во всяком независимом политическом обществе» — как прекрасно формулирует эту теорию *Сумнер Мэн*,— «то-есть, в таком обществе, которое не знает над собою высшего общества, существует известное лицо или известная комбинация лиц, имеющие возможность принудить других членов общества оказывать им полное повиновение».[2]) Такое лицо или группа лиц — индивидуальный или коллегиальный носитель официальной власти — «может быть найдено во всяком независимом политическом обществе, *так же несомненно, как центр тяжести во всяком физическом теле*... Если общество насильственно или добровольно распадается на отдельные части, то как только отдельная из этих частей приходит в состояние равновесия, такой властитель должен явиться, и мы можем найти его во всякой отдельной части, сделавшейся независимой».

Суверенитет, таким образом, не есть понятие, созданное для уразумения природы и явлений государственного властвования (ср. выше Отд. I,гл. III,§ 1). Суверенитет не обозначает также и единства, неделимости, неограниченности и неотчуждаемости государственной власти, как об этом учит политическая теория суверенитета, но в его единственно возможном научном истолковании является понятием, выражающим иерархичность отношений между официальными носителями власти в государстве и утверждающим, что в этих отношениях должна быть некая высшая точка, — некий высший центр действия, обладающий способностью последних решений. Является ли суверенитет необходимым признаком государства или, как учит германская федералистическая теория, только признаком некоторого типа государств. Само собой разумеется, что в данном нами толковании каждое государство, как таковое, не может не обладать верховным носителем власти ,безразлично какова его природа. Если такого верховного носителя нет, если последние решения за государство выносит кто то другой, то это уже не государство, — а провинция, область или что-либо иное, входящее в сферу каких то суверенных властных отношений, как вполне несамостоятельный член. Делим ли суверенитет или не делим? Для ответа на этот вопрос нужно различить самое свойство *быть высшим* и тот объем вопросов, который составляет сферу независимых решений, выносимых носителями верховной власти. Если понимать суверенитет, как свойство быть высшим, то в этом смысле, разумеется, суверенитет не делим.

---

1) J. Austin, The province of Jurisprudence determined, ed. 2, 1861, стр. 170.

2) *Мэн*, Древнейшая история учреждений, р. п., стр. 279-280.

Тот, кто является высшей властью, должен обладать ею или вообще ею не быть. Превосходная степень не выносит ограничений, и, следовательно, не может быть никакого полу-суверенитета, уменьшенного суверенитета, ограниченного суверенитета и т. п. Суверенность присуща высшему носителю власти — лицу или коллегии — всегда целиком и без ограничения. Но само собой разумеется, суверенность в таком понимании есть понятие формальное, в котором ничего не утверждается относительно объема тех вопросов, по которым носитель верховной власти обладает правом последних решений. Объем этот может быть весьма различным, более широким и менее широким, однако, в той или иной степени он должен составлять содержание власти носителя государственного верховенства. Откуда следует, что по объему суверенитет делим, и что возможна способность последних решений по определенному кругу вопросов, так же, как и по всем вопросам.

Нам остается еще рассмотреть вопрос о так называемом внутреннем и внешнем суверенитете. Строго говоря, различие этих двух понятий нельзя признать отвечающим требованиям логики.[1]) Неправильно пользоваться одним и тем же понятием для обозначения совершенно различных отношений. Внешние отношения государства суть отношения между «равными», не знают никакой официальной иерархии, никакого официального «выше» и «ниже» и не обладают никаким общим верховным центром власти. Утверждать, что в таких отношениях государства «суверенны» — это значит применять понятие суверенитета совсем в особом и новом смысле. Поэтому логически более правильно говорить здесь о «независимости» государств, как особом понятии. Причем между суверенитетом и независимостью существуют некоторые определенные отношения, которые нужно подвергнуть особому анализу. Ясно, что понятия эти не вполне совпадают и не покрывают друг друга. Независимость ни в коем случае не есть необходимый признак государства, подобно суверенитету. Напротив, бывают зависимые государства и независимые, тогда как нет государств, в которых не было бы суверенного носителя власти. Это значит, что в том объеме вопросов, который подлежит самостоятельному решению носителей суверенитета, могут быть различные ограничения и зависимости, происходящие от возможности вторжения воли одного государства в волю другого. Так, например, отдельные члены союзного государства обладают способностью последних решений не во всех, но только в некоторых вопросах государственной жизни. Целый ряд вопросов решается не членами, а союзным целым, и, стало быть, союзные государства являются зависимыми от целого. Между тем верховный носитель власти должен существовать и в государствах-членах, поскольку они не стали простыми провинциями, не утратили природы государства. Отсюда следует, что *независимым* в полной мере является изолированно стоящее государство, не входящее с другими государствами ни в какое общение. Международные отношения уже несколько ограничивают независимость государства. Сложившаяся система международного права, выработавшая особые международные органы, еще более огра-

---

1) Как на это справедливо указано у H. Kelsen, Das Problem der Suveränität und die Theorie des Völkerrechts, 1920, стр. 38 и сл.

ничивает независимость государств. Еще далее в этом отношении идет федеральная связь. Имеются таким образом градации независимости, ее степени.

Из сказанного становится ясным, какое решение должен принять вопрос о возможности образования такого федеративного государства, отдельные члены которого сохраняли бы за собою «суверенитет», как это, например, было декларировано при первых шагах учреждения союза советских республик. Возможность подобного союзного образования не представляет собою ничего немыслимого, если только отличать понятие суверенитета от понятия независимости.

В советском федеративном целом отдельные члены обладают, разумеется суверенитетом, поскольку в них, имеются верховные носители власти (официальные или неофициальные), обладающие правом последних решений в пределах отведенной им области ведения. Таковы и суть Съезды Советов республик, обладающие той или иной долей свободной компетенции и решающие ряд вопросов самостоятельно и независимо от воли Союзного целого. В свою очередь суверенным является и верховный союзный орган — Съезд Советов Союза. Суверенитет таким образом разделен между частями и целым, в чем нет ровно ничего немыслимого и невозможного. Однако, никак нельзя утверждать, что члены советской федерации, обладая суверенитетом, в то же время являются государствами независимыми (самостоятельными). Именно, включение их в союзное целое лишает их этой самостоятельности, прикрепляет к целому и связывает в целом ряде решений, хотя бы в объявлении войны и мира, во внешних сношениях и т.п. Оттого можно ставить вопрос, не является ли предоставляемое советской конституцией свободное право выхода из Союза на деле простой фразой. Правом выхода из свободных объединений могут обладать только самостоятельные государства, образовавшие из себя союз государств вроде Лиги Наций или других каких либо, чисто международных союзов. Советская федерация не есть такое международное объединение, но подлинное союзное государство, в котором члены зависимы, но суверенны (что совершенно справедливо отмечают многие советские юристы).

Упорядочение властных отношений в государстве достигается, однако, не только путем установления иерархии властей, но и путем их координации,— и это имеет особое значение в том случае, когда сувереном в государстве является не одно лицо, а несколько лиц. Примеры такого «многовластия» — общеизвестны: два консула, царь и патриарх, король и парламент, коллегия лиц, как это может быть в непрезидентских, особенно федеративных республиках, где верховным носителем власти является совокупность представителей союзных частей. Нельзя мыслить такого политического образования, во главе которого стоял бы ряд совершенно самостоятельных и независимых друг от друга носителей верховной власти, — несколько независимых суверенов. Такое образование привело бы к чистой анархии, где носители власти находились бы в постоянной борьбе, которая или кончилась бы взаимным истреблением, или привела к установлению иерархической зависимости одних носителей от других. Существует единственный способ избежать такой анархии — это организовать отношения между носителями власти так, чтобы они представляли собою некоторое целое, обладающее некоторой «общей волей» и выносящее решения, в которых уже погашены индивидуальные отличия воль

отдельных властителей. Другими словами, решение достигается, когда на место нескольких носителей верховной власти устанавливается один, хотя бы искусственный, действующий на основе уставов и соглашений. Вся трудность образования так называемого международного общения сводится к невозможности поставить во главе его подобную организованную коллегию. Отдельные государства, в лице их официальных представителей власти, не могут и не хотят потерять свою независимость и выступают, как случайные попутчики в случае тожества временных интересов и задач. В основе объединения не лежит никакой «общей воли», но множество независимых воль. Распоряжение международными делами остается в руках неорганизованного сообщества, в котором каждый чувствует себя не частью целого, а независимой величиной. Это и есть чисто анархический союз, в котором последним решающим словом является обнаженный меч. Таким образом, и здесь мы приходим к выводу, что организованная власть должна в конце концов иметь иерархическое строение, т.-е. единого официального носителя или суверена, хотя бы в лице организованной коллегии.

Мы говорили уже выше, что современный мир стоит под знаком образования огромных государств-миров, в которые входят, в качестве членов, отдельные национальные государства. В этом процессе зачастую утрачивается сама идея суверенитета, которая недостаточно ясно отличается от понятия независимости государства. Оттого современная эпоха стоит тоже под знаком кризиса понятия суверенитета. В современной европейской науке ныне популярны воззрения, что суверенитет есть понятие отжившее, что будущее развитие человечества построит какие то государства, в которых вообще не будет никакого суверенитета. Все эти тенденции имеют чисто временный, злободневный характер и должны быть строго отличаемы от тех, чисто объективных явлений, которые обуславливаются необходимыми отношениями между носителями государственной власти, изученными нами в предшествующем изложении.

§ 4. Состав носителей власти и классификация государственных форм.

Носителями официальной власти в государстве, если рассматривать этих носителей с точки зрения их *состава*, может быть или одно лицо, или какая либо *организованная* совокупность лиц (коллегия). Иными словами, официальные носители власти в государстве могут быть *единоличными* или *коллегиальными*. Сообразно с этим древняя, ведущая свое начало от античной науки политическая теория построила известное учение о формах государственного устройства в зависимости от состава верховных носителей власти. Существуют только четыре возможных ответа на вопрос о составе таких носителей: ими может быть одно лицо, или множество, состоящее из меньшинства, или большинство, или, наконец, известная комбинация из этих элементов. Верховенство одного можно назвать монархией, верховенство меньшинства — аристократией, верховенство большинства — демократией. Можно еще более

упростить названную схему, что и сделано было уже *Макиавелли*, который свел все возможные государственные формы к двум основным типам: — к единовластию и многовластию, которое в свою очередь разделяется на многовластие аристократическое (олигархическое) и демократическое.

Теория эта, рожденная в древней Греции, дожила до наших дней. Несмотря на упреки в схоластичности, в приверженности к чисто количественным определениям, она до сих пор разделяется многими государствоведами. Основные недостатки изложенной теории сводятся к следующему: 1) Учение о формах государственного устройства не отдает полного отчета в том, что *оно имеет дело только с вопросом об официальных носителях власти*. Если рассматривать проблему с точки зрения реальных властных отношений, то можно сказать, что никогда и нигде не существовало чистой монархии, ибо реально власть монарха всегда опиралась на известный ведущий слой и управляла при помощи правящей группы. Исторически известные нам монархии с социальной точки зрения все без исключения были аристократиями, опиравшимися на класс землевладельцев или на известные служилые группы. Но с таким же правом можно утверждать, что исторически не существовало и демократии. То, что называлось в истории «демократиями», напр., античная демократия или демократия наших древних русских народоправств, и даже демократия современная (ср. выше), по социальному существу своему, было также чисто олигархическим образованием, знало прямое преобладание одних социальных слоев над другими и даже, в случае античных демократий, построено было на институте рабства. Все это уполномачивает сделать вывод, что фактически все известные нам государства были *олигархиями* и вообще не существовало никакого иного государства, кроме олигархического. 2) Названное учение, поскольку оно утверждает возможность существования такой формы государственного устройства, в которой властвуют «многие», упускает из вида, что эти «*многие*» *должны быть как то организованы и не могут представлять собою простую совокупность полновластных самостоятельных индивидуумов* (политический атомизм). Поэтому учение названной теории об олигархии и демократии страдает значительными недоговоренностями и может вести к ряду недоразумений. Чисто идеологически можно допустить, что так называемый «атомизм» западной демократии идейным истоком своим имеет то, к *Аристотелю* восходящее воззрение, согласно которому властвующее большинство определяется чисто количественными принципами и не сводится ни к каким качественным признакам. *Платон* рассматривал такую политическую форму, как упадочную, *Аристотель* же утвердил ее, как известный объективный принцип, — и отсюда, при преобладании воззрений *Аристотеля*, родилась западная идея демократии. 3) Наконец, эта теория форм политического устройства совершенно отвлекается от изучения специальных отношений между *ведущим слоем в государстве и официальными носителями власти*. С точки зрения названных отношений существует два основных типа государств: а) Государства, в которых официальные носители власти являются непосредственными органами ведущего слоя, образуются ведущим слоем и представляют его. При этом типе организация ведущего слоя отражается естественно и на типе строения самого государства. Если ведущий слой представляет собою военную, иерархически организованную группу завоевате-

лей или же духовно-иерархическую, религиозную группу, руководящую государством, то, естественно, и государственное устройство приобретает властно-иерархическую авторитарную форму. Официальным носителем власти в нем является глава войска, полководец, или жрец. Таково государственное устройство громадного числа исторически известных нам древних монархий, единоличная верховная власть которых официально совмещала, в лице царя, звание военачальника, верховного хранителя религиозного культа, иногда верховного священнослужителя. Подобные государственные организации культурно-исторически возможны или там, где народная жизнь, включая сюда правящий слой, пропитана религиозными началами, и где царствует убеждение, что не отдельный человек в силах определять государственные судьбы, но высшая воля, олицетворяемая в лице верховного носителя власти; или же тогда, когда таковым носителем является особо одаренное лицо, сконцентрировавшее на себе внимание масс, их веру в их идеалы (напр., Александр Великий, Чингисхан, Наполеон). С ослаблением силы тех эмоций, на которых покоится здание каждой монархии, постепенно начинает разлагаться и авторитарно-иерархическая организация государства. Начинается подобный процесс всегда с правящего слоя. Правящий слой первый начинает терять чувство обаяния перед властью своего первого полководца и священнослужителя. Из войска и иерархически построенной касты, официально руководимой одним лицом, он начинает превращаться в полчище «свободных баронов», в «вольное шляхетство», которое себя, как группу, стремится поставить на место монарха. Отсюда — попытка ограничения монархии, исходящая всегда сначала от ведущего слоя, как это было в Англии и в других европейских государствах в эпоху борьбы монархии с феодальной аристократией. Исходы подобной борьбы правящего слоя с официальным носителем власти в лице монарха могут быть весьма различны. Иногда монарху удается сохранить за собой официальную власть, опершись на новые группы населения в государстве и сорганизовав из них новый ведущий слой или, по крайней мере, новую управляющую группу, как это было в западных континентальных государствах в эпоху образования абсолютных монархий и у нас в России в эпоху Ивана Грозного и Петра Первого. Служилая правящая группа, организованная Петром и идеологически живущая духовным багажем эпохи западного «просвещения», естественно приступила к попыткам поставить себя на место царя, как только стала на ноги и закрепила за собой политические привиллегии. Здесь и лежит источник оппозиционных настроений русского дворянства и русской «интеллигенции» со второй половины XVIII века и до революции 1917 года. Официальная власть довольно успешно боролась с оппозицией, инфильтрируя в правящий слой новые силы и на них опираясь (служилая бюрократия, чиновничество, армия) и с неохотой уступая свои позиции вплоть до 1917 года. В противоположность России и отчасти континентальной Европе, в Англии ведущий слой в лице земельной аристократии довольно успешно поставил себя на место монарха, заключив с ним ряд компромиссов и соглашений. Так родилась английская конституционная система, в первые периоды существования которой, как мы видели, организация ведущего слоя целиком отожествляла себя с организацией британского государства (ср. выше). б) Государства, официальные носители власти ко-

торых образуются путем известного отбора людей из широких народных масс. В таких государствах правящий слой не отожествляет своей организации с государственной, но образует государственные органы путем комбинации своих организационных сил с организационными силами не принадлежащих к нему народных масс. Основания, вследствие которых ведущий слой как бы «уступает власть» и «ограничивает» себя могут быть весьма разнообразны. Прежде всего это может произойти от слабости ведущего слоя и от вынужденной необходимости хотя частично сдать свои позиции и уступить свое место другому, новому ведущему слою. Идеологически подобный процесс протекает обычно под покровом учения о «народных правах» и политическом «равенстве», как это наглядно обнаруживалось в западных революциях, которые по существу являлись процессом образования нового ведущего слоя. Но процесс вовлечения в управление государством широких народных масс может протекать и в силу намеренного воздействия правящего слоя. Правящий слой таким образом организует «народ», с одной стороны, в целях самопополнения, с другой стороны, в целях образования кадров специалистов и, наконец, в целях воспитания в широких народных массах политической и социальной активности. Пути и способы такого вовлечения в государственную жизнь могут быть весьма разнообразны. Одну из таких систем представляет западная демократия, основная особенность которой сводится к неорганизованной стихийности тех процессов, при помощи которых народные массы получают доступ к государственным делам. Чисто иррациональную механическую стихию представляет, с точки зрения западной демократии, народ в целом, как неорганизованная совокупность отдельных людей. Стихийно, в результате почти-что неорганизованного состязания мнений, должна выработаться в такой массе «общая воля». Реальная невозможность осуществления такой задачи приводит к стихийному образованию политических партий и к стихийному преобладанию экономически сильных над экономически слабыми и т. п. Весь процесс этот имеет подобие естественного процесса столкновения атомов и обнаружения «случайной» равнодействующей их сил. Западная политика противопоставляет такой механической демократии демократию органическую, в которой народ выступает уже не как механическая совокупность голов, но как органическое единство экономических и профессиональных организаций. В связи с этим все более и более настойчиво возникают на Западе проекты преобразования современного народного представительства в представительство профессиональное и корпоративное. Движение это в настоящее время весьма сильно в романских странах, его культивируют английские социалисты и оно находит своих представителей и в германских странах. Планы устроения «органической демократии» остаются пока что проектами, которые полностью нигде не получили воплощения. В смысле этого воплощения впереди других идет фашистская Италия, производящая опыт построения «корпоративного» государства — опыт, всецело лежащий в линии теорий органической демократии, однако, чрезвычайно враждебно встречаемый со стороны приверженцев современной «демократической» политики. Основной особенностью западной идеи «органической демократии» является то, что она имеет дело с культурно-старым, весьма расчлененным обществом и едва ли пригодна в государствах молодых, в которых еще не наметилась социальная диф-

ференциация, и население которых представляет довольно однородную массу. В подобных обществах нет ни сложившихся классов, ни корпораций, ни тверды профессиональных делений. К ним, стало быть, мало применимы теории профессионального представительства, и потому современные демократические политики считают эти страны предопределенными для организации демократии атомистической, механической и формальной. Мы будем называть в последующем все те государственные формы, где официальные органы власти не совпадают с правящей группой и образуются путем отбора из народных масс, формами демотическими.[1]) Европейская демократия есть одна из возможных форм демотии,—в чем не отдают себе отчета современные демократические политики, считающие, что западная демократия есть *единственно возможная* форма участия всего народа в государственной жизни. Эта идея «демотического» государства дает нам принцип для новой классификации государственных форм, которые легко разбиваются на два класса, — на государства «верховнические» (немецкое «Obrigkeitsstaat») и государства «демотические» (немецкое «Volksstaat»), — памятуя, однако, что современные политические воплощения названных типов являются историческими подвидами более широких видовых форм.

§ 5. Государственные функции.

Всякое государство в процессе своей жизни осуществляет ряд весьма сложных заданий и целей, развивает некоторую целесообразную деятельность. В этой деятельности нужно прежде всего различать те цели, которые ставит себе государство, и затем те средства, при помощи которых государство эти цели осуществляет. Что касается до первых, то, при универсальности государственной власти, научное притязание на общеобязательную их классификацию представляется делом совершенно невозможным. Цели эти, с одной стороны, чрезвычайно многочисленны, с другой стороны — при их изменчивости в зависимости от исторических и культурных условий — чрезвычайно разнообразны. Государство выступает и в качестве хозяина, и в качестве организатора военной силы, и в качестве охранителя безопасности, и в качестве судьи, и в качестве хранителя культурных благ и т. д. Старое патримониальное государство одной из своих целей имело организацию царской охоты, современное государство устраивает научные институты и музеи. Перечисление конкретных целей государства может составлять предмет чисто описательной дисциплины, изучающей какую-нибудь государственную единицу в определенный период ее жизни, но такое исследование не может быть предметом общей теории государства. Практически каждая государственная организация определенного типа культуры имеет некоторый постоянный круг заданий, который она принуждена бывает очертить и определить в про-

1) Понятие «демотии» в евразийской литературе впервые приведено было у покойного *Я. Д. Садовского*, Оппонентам евразийства, Евразийский Временник, кн. III, Берлин, 1923.

цессе своей конкретной деятельности. В частности, государство западной культуры уже в период образования абсолютной монархии составило каталог основных направлений государственной деятельности — так называемые Ressorts, — сообразно которому и были построены основные отделы государственно-правительственного аппарата.[1]) Эмпирические очертания этого круга государственных деятельностей настолько вошли в привычку в современном государстве, что они даже были приняты в революционные эпохи и со стороны правительств, стремящихся построить свой организационный аппарат совершенно на новых началах. Когда, например, советская власть приступила к организации своего правительственного аппарата, она построила его, в значительной степени придерживаясь того старого каталога, который, как было указано, был составлен еще в эпоху абсолютной монархии. «Ressorts» коммунистической власти оказались: внутренние дела, земледелие, труд, военное и морское дело, торговля и промышленность, народное просвещение, финансы, иностранные дела, юстиция, продовольствие, почта и телеграф, дела национальностей.[2]) В основе таких заимствований лежат общие для современной культуры потребности, а также соображения технической целесообразности и потребность в разделении труда и в специализации.

Несколько иначе обстоит дело с изучением тех средств, при помощи которых государство выполняет эти цели. Причем под средствами мы будем разуметь: 1) материальные и технические рессурсы, необходимые при проведении в жизнь поставленных задач, и 2) совокупность властных актов, к которым государство прибегает при достижении означенных целей и при применении необходимых для этого достижения средств. Что касается первых, то они столь же разнообразны, как и государственные цели. Государство ставит цели народного образования — средством здесь является построение учебных заведений, следовательно, проведение прежде всего ряда чисто хозяйственных мер, далее подбор учителей, их подготовка, выработка планов преподавания и т. д. В процессе применения названных средств государство входит в сложный ряд деятельностей, которые также поддаются только эмпирическим классификациям. Однако, государство есть властный союз — и в процессе постановки своих целей, и в приискивании средств для их осуществления оно поступает властно, оно приказывает, повелевает, распоряжается. Мы подходим здесь к «средствам» государственной деятельности в смысле общей формы осуществления государственных задач во всем их многообразном объеме. Таковые формы единообразны, поскольку в них всех заключается властный элемент. Во имя чего и как ни действует государство — оно властвует и, следовательно, осуществляет одинаковые властные акты. Виды этих властных актов не многочисленны, и классификация их может быть построена на внутренних необходимых принципах.

В настоящее время в общей государственной теории для обозначения направления государственной деятельности применяется понятие государственной функции, причем под функцией понимают и цели, которые ставит

---

1) Ressorts, т.-е. области управления.

2) Декрет 2-го Всероссийского Съезда Советов от 28 октября 1917, Собрание Узаконений, No 1.

государство, и средства, которые применяются им для осуществления этих целей, и формы властных актов.[1]) Одинаково говорят и о «хозяйственных» функциях государства, и о функциях законодательства, хотя законодательство и не есть «цель» в смысле народного образования или финансов: законодательство есть один из способов выявления властвования, применяемый при осуществлении совершенно различных целей—и хозяйственных, и финансовых, и полицейских, и культурных. В последующем мы будем разуметь под функциями государства только форму его властных актов, — понятие, единственно заслуживающее научного анализа в общей теории государства.

Учение о государственных функциях сложилось в западном государствоведении под исключительным влиянием культа законности в государстве. Это чисто политическое учение требовало, чтобы основной и главной деятельностью государства было издание законов, как общих норм. Все остальные деятельности государства должны быть *подзаконными* и, следовательно, не должны играть какой либо самостоятельной роли. Таким образом получилась чрезвычайно упрощенная классификация, государственных функций, которая классически была формулирована *Монтескье*, в XI гл. его «Духа законов», и отсюда перешла, как общее место, в западную теорию государства, где она господствует и доныне. Согласно этой классификации, государственные функции разделялись: 1) на законодательные, 2) на исполнительные (исполнение законов). Причем в качестве некоторой поправки допускалось, что исполнительная деятельность может быть разбита на два вида: а) на исполнение в тесном смысле слова и б) на судебную деятельность. Только политическими мотивами можно объяснить господство этой классификации, теоретические несовершенства которой прямо поразительны. Ведь всякий знает, что в целом ряде государств — и в частности в республиканском Риме — судья (римский претор) был в то же время и законодателем, т.-е. обладал правом выносить отдельные решения с повышенной нормативной силой, не уступающей силе закона. И это имело место во всех государствах, где господствует так называемое «свободное право» — и в частности в Англии, где официальные установления были почти исключительно выработаны в судебных прецедентах. Каким же образом судебную деятельность можно относить к «исполнительной»? Ясно, что западное государствоведение делало это из чисто политических целей, считая, что так *должно* быть в нормальном государстве, ибо не могло же оно

---

1) Понятие государственной функции в формальном смысле не вполне совпадает с нашим понятием *формы властных актов*. Формальной функцией называется специальная деятельность какого-либо органа, между тем как мы анализируем властные акты вне всякой связи с условной закрепленностью их за какими либо носителями государственной власти. Дюги называет функциями «l'activité juridique des gouvernants». Это — справедливо, если только освободить понятие функции от юридического смысла. Ср. Traité, II, стр. 14. Очень близко к нашему понятию стоит Carré de Malberg, Théorie générale de d'Etat, 1920, I, который определяет функцию, как активность государства, поскольку она выражается в различных способах проявления государственной власти. От функции он отличает аттрибуты государства, — то, что мы называем целями и средствами.

не знать, что классификация совершенно не соответствует действительности. И далее, смешивать все остальные государственные акты, под именем «исполнительных», это значит опять таки не обобщать того, что было и что есть, а требовать, что должно быть. Всем известно, что в абсолютных и даже «умеренно» конституционных монархиях, которые существовали в течение всего XIX века, когда сложилась современная государственная теория, сфера управления верховного отнюдь не была чисто «исполнительной» и подзаконной. Напротив, в этих государствах зачастую управление стояло наравне с законодательством, иногда даже доминировало над ним. Таким образом и здесь классификация приносит в жертву теоретический интерес политическому.

В настоящее время исключительный культ закона миновал уже и на западе, — и даже в стране, которая особо предавалась этому культу—во Франции.[1]) Новые требования жизни выдвинули требование *подвижности законов* и привели к течению *свободного права*, которое является возвращением к римскому преторскому праву, где судья был первым законодателем. Одновременно с этим пробудилась, особенно во время войны и в период послевоенного восстановления жизни, *активность начала* управления в государстве. Фашизм на Западе открыто провозгласил приоритет управления над законодательством. То же самое провозгласила и советская система, для которой *революционная законность*, поскольку она соблюдается, есть господство закона, подвижного, гибкого, подчиняющегося требованиям жизни. Все эти явления даже и с политической стороны противоречат классификации Монтескье. Она оказывается не только теоретически неверной, но и политически устарелой. Учение о функциях государства требует нового изложения.

Государство есть прежде всего организованное общество, и его властные акты имеют прежде всего в виду создание властной организации, ее конструирование. Таким образом нужно в первую очередь назвать те властные акты, при помощи которых образуются официальные носители власти в государстве, как верховные, так и подчиненные. Это и будут организационные функции государства, учение о которых в современной теории излагается в отделе о подзаконных организационных указах. Между тем в государстве зачастую наблюдается организационная деятельность предзаконного, дозаконного характера. Происшедшие во время и после войны революции дают нам примеры таких предзаконных организационных функций. Образование временных правительств после крушения старого строя всегда является организационным актом, в основе которого не лежит предшествующий ему закон. В значительной степени неподзаконно и образование Учредительных Собраний и т. д.

а) *Самопревозглашение* является тем наиболее первичным властным актом, посредством которого устанавливается существование верховных официальных носителей государственной власти. Так самопревозглашает себя главой государства отдельный человек, явившийся родоначальником вновь возникшей монархии. Так самопревозгласил себя императором Наполеон I и Наполеон III, так самопревозгласил себя великий князь Московский государем всей России. Но

---

1) Характерным явлением в этом отношении можно считать книгу M. Leroy, La Loi, essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie, 1908. Из новейших литературных явлений ср. G. Morin, La loi et le contrat. La décadence de leur souveraineté, 1927.

также самопревозглашает себя и та совокупность лиц, которая становится официальным органом государства под именем «голосующего корпуса граждан». Тщетно пытаться обосновать иначе власть этого первичного верховного органа современной демократии, который совершенно так же, как и первичный верховный носитель власти в монархии, «конституируется произвольно, на основе известного положения и в силу самоопределения, согласно которому люди утверждают себя носителями голоса и представителями нации». Представители эти сами себя «называют таковыми по праву автономии».[1]) Функциональная форма превозглашения остается поэтому всегда одной и той же, разница только в том, кто считается в тот или иной исторический период имеющим право на превозглашение себя верховным носителем официальной власти: один человек или известная группа лиц (все, достигшие известного возраста, оседлые и обладающие известным имуществом мужчины) или большинство всех взрослых людей обоего пола. Путем самопревозглашения было образовано «рабоче-крестьянское» правительство в России после октябрьского переворота 1917 года. По тогдашней официальной терминологии, это был «разрыв» с обманчивыми формами буржуазно-демократического парламентаризма. В результате такого разрыва октябрьская революция превозгласила советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единственной организацией, способной «руководить борьбой угнетенных классов» «за их полное освобождение». Расхождения между сторонниками Учредительного Собрания и сторонниками советов сводились к спору о том, кто более имеет право превозгласить себя верховной властью — голосующий ли корпус граждан, состоящий из совокупности отдельных индивидуумов, или рабочее население, стремящееся к организации в Советы.

б) *Назначение и выборы.* Это суть организационные формы властной деятельности, посредством которых образуются вторичные носители власти в государстве: назначать или выбирать может только некто, уже обладающий верховной властью и к тому управомоченный. Там, где нет первичного носителя власти, не может быть выполнен ни акт назначения, ни акт выборов. Теория новейшего западного демократического государства придала этим двум актам смысл некоторой принципиальной противоположности, отделяющей государство народное от государства автократического. Первое все покоится на избрании, второе — на назначении. Оттого борьба демократии против монархии и символизировалась в форме борьбы избирательных учреждений с назначаемой бюрократией. Тем самым избирательные учреждения приобрели особую роль в жизни новейшего демократического государства: они образуют собою «народное представительство», которое противопоставляет себя всем другим органам государства, как нечто особенное, исключительное. По весьма распространенной теории, народные представители суть «поверенные» народа, а не обычный орган государства (см. выше, наст. гл., § 1). И акт избрания есть нечто бесконечно более существенное и важное, чем акт назначения. На самом деле и тот, и другой акт имеют совершенно тожественную природу и представляют собою только способы наделения известных лиц способностью быть носителями официальной власти. Разница между ними сводится к тому, что избрание

1) Hauriou, La Souveraineté nationale, 1912, стр. 103, 53.

есть облечение некоторых лиц властью на основе голосования многих, на то управомоченных, а назначение есть изъявление индивидуальной воли одного человека или коллектива, облекающей некоторых лиц общественной властью. В демократическом государстве, в котором отсутствуют прерогативы монарха, и избранные, и назначенные одинаково являются официальными носителями власти. Вопрос о преимуществах той или иной формы не есть вопрос принципиальный, но только технический. Равным образом, на основании технических соображений должен быть решен вопрос о иерархических отношениях избранных и назначенных носителей власти. В заключение нужно прибавить, что практика западного демократического государства в настоящее время значительно отступила от преимущественного выдвижения принципа избрания перед назначением. Прежде всего она выработала целый ряд переходных форм организационных актов, совмещающих в себе начало избрания с началом назначения. Так, например, кабинет министров в современных парламентарных государствах образуется не при помощи избрания палатами, но посредством сложной системы сговора партий при участии назначения со стороны главы государства. Депутаты в парламентах, при господстве партийной системы, сначала «выдвигаются» партийными организациями, а потом уже голосуются населением.

в) *Функции верховного управления.* Деятельность управления в государстве новой европейской культуры имеет строго подзаконный характер, и юридическая теория государства обычно не знает никакого самостоятельного понятия управления, как совокупности внезаконных или надзаконных властных государственных актов. Современная теория государства не замечает условно исторического характера того различия, которое проводится в этом отношении между деятельностью управления и законом. Различие это совершенно отсутствовало в государствах других эпох и других культур. Уже учреждения абсолютной монархии могут убедить, что в пределах ее деятельность управления нельзя считать простым исполнением законов, так как в названной исторической форме государства не создалось еще точного закона и не выкристализировались еще отличия между законом и подзаконным указом. Вообще говоря, если взять государство в широких исторических перспективах, то для властных проявлений его деятельности характерно отнюдь не издание каких либо норм, будь то нормы общие или нормы частные, изданные по поводу какого либо определенного индивидуального жизненного случая, для властной деятельности государства характерно скорее издание единичных приказов, которые только в довольно условном смысле могут быть названы «нормами». Объявление войны, например,—этот исторически обычный в практике властный акт — вовсе не есть норма. Не есть «норма» и заключение мира. Когда старая государственная власть в лице ее носителей приказывала, например, не восстанавливать разрушенных замков или не взимать пошлин — разве все это были нормы в смысле современной юридической теории государства — законы или указы? [1]) Для обозначения первоначальных властных актов, которые еще не дошли до

1) Я разумею, напр., акты средневековых государств, о которых см. K. Zeugler, Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Reichsverfassung, 1913, No 18, 28, 31, 32 и др.

различения между общим и частным и не имеют в виду ни создания правил, ни определения исключений, но просто содержат выявление властной активности, может быть лучше всего применено созданное *Л. И. Петражицким* понятие *нормативного факта* (или еще точнее нормативного акта). Под нормативным же фактом он понимает различные повеления, запреты и иные изречения, которые не суть законодательные нормы, но особого рода действия и поступки людей, имеющие быстро преходящий, исчезающий характер. Нормативные факты как бы уже не существуют после произнесения соответствующих слов или подписания соответственного документа, тогда как нормы представляются, как нечто длительное или постоянно существующее. Нормативные факты, сами не будучи нормами, могут вызвать в жизни целый ряд норм различного содержания, например, акт объявления войны — целый ряд законов, касающихся уголовных, гражданских, полицейских, хозяйственных отношений.[1])

Наиболее обычной формой нормативных актов являются приказы. По содержанию своему приказы или предписывают какие либо положительные действия, например, уплату известной суммы денег или доставление каких либо иных предметов, совершение каких либо работ и т. п.; или предписывают воздержание от чего либо, например, от посягательств на чужую жизнь, здоровье, честь, имущество; или, наконец, приказы могут состоять из предписаний терпения, безропотного перенесения чужих действий, например, использования собственником его собственности, терпение чужого устного или печатного слова, пропаганды чужих мнений и т. п.[2]) В двух последних случаях приказы содержат в себе известные предоставления другим лицам прав, например, неприкосновенности личности, неприкосновенности имущества, прав свободы или известных притязаний на получения, на уплату денег. Вся государственная история всех времен и народов полна примерами таких приказов, к изданию которых и сводилась, обычно, деятельность правительств и отдельных правителей. Причем, ранее, чем принять форму каких либо общих законов, подобные приказы издавались в совершенно конкретной форме, в виде обращения к определенным лицам или группам лиц, в виде отдельных привиллегий или изъятий, в виде частных поручений и предоставлений. Однако, форма приказа не является единственной формой, в которой проявляются нормативные акты, исходящие от государства. Государство может объявлять свою волю также в виде торжественного обещания, договора, соглашения и т. п. (см. выше).

г) *Законодательные функции*, о которых мы имели случай говорить, когда излагали теорию закона (см. Отд. II, гл. I, § 4) и которые сводятся к изданию различных установлений особо повышенной силы действия. Издавая такие положения, государство как бы особо подчеркивает связанность своей воли тем, что ею было принято и положено. Поэтому начало законности в государстве и осуществляется прежде всего тогда, когда граждане чувствуют, что изданные постановления обязывают не только их самих, но и тех, кто их издал. Законность противопоставляется произволу, при господстве которого исчезает чувство связанности и начинает преобладать ощущение непрочности установленного

1) *Петражицкий*, О. с., II, стр. 36.
2) Ibid., I, стр. 71; II, стр. 442.

порядка, который может быть изменен в любой момент и без всяких на то серьезных мотивов. Фактическое проведение законности в государстве требует не столько торжественных деклараций о «ненарушимости» законов, сколько создания кадра лиц, которые действительно уважали бы закон и считали бы себя его служителями. Так, например, в эпоху Российской Империи власть многократно, со времени Петра 1, превозглашала господство начала законности, а между тем в жизни господствовал административный произвол, объясняющийся тем, что исполнительный аппарат был плох и не способен к уважению закона. От общего смысла, лежащего в основе законности, нужно отличать те формы, при помощи которых осуществляется господство в государстве имеющих повышенную силу установлений. Господствующая на европейском континенте теория закона обычно упускает из вида, что формы эти могут быть разными и далеко не совпадающими с политическими установлениями, выработанными современным конституционным правом. Современная теория считает, что единственным способом издания государственного акта повышенной силы является тот,который сводится к четырем моментам:а) инициативе или почину со стороны уполномоченных лиц, б) обсуждению в парламенте, в) санкции главой государства и г) публикации в установленном порядке. Между тем, если даже ограничиться европейскими государствами, то можно указать на Англию, в которой начало законности очень развито, между тем большинство важнейших установлений создано вовсе не в описанном порядке, при помощи парламентских актов, а путем прецедентов, обычаев и отдельных случаев, освященных уважением к традиции или известным консервативным формализмом, свойственным англо-саксонской жизни. В Англии повышенную силу действия имеет любой приговор суда, который связывает государство не менее, чем парламентский акт. Можно противопоставлять таким образом французскую систему форм законности и английскую. Первая основана на том, что государство создает для актов повышенной силы особую, искусственную форму издания. Закон и отличается от указа тем, что он требует особой формы, отсутствующей при издании указов. Вторая не считает нужным прибегать к искусственным формам и считает, что акты, изданные некоторыми определенными носителями власти, именно, в силу того, что они от них истекают, пользуются повышенной силой и связывают государственную волю. Французские и английские юристы спорят, какая из этих «законностей» лучше, что является уже вопросом политическим. С точки зрения теории государства нужно утвердить мысль, что формы осуществления законности могут быть весьма различны, существо же этого начала, заключающееся в идее связанности и в отрицании произвола, должно быть присуще каждому государству.

д) *Функции, обусловленные главенством закона в государстве.* Закон,как было уже сказано, есть изданный в особо торжественной форме государственный акт. Необходимость издания особо торжественных актов объясняется желанием особо закрепить некоторые государственные волеизъявления, придать им особо ненарушимый характер и тем самым создать прочные устои для государственной жизни. Так как, в значительном количестве случаев, подобная потребность лучше всего удовлетворяется путем издания общих по своему содержанию норм, то законы весьма часто имеют характер общности, которая,

по выражению *Лабанда*, составляет naturale, а не essentiale законов (т.е. признак, обоснованный фактически, но не логически необходимый).[1])

История убеждает, что жизнь государств, достигших прочного порядка, всегда бывает построена на законе: начало законности имеет в них особый, превалирующий характер, закон в них первенствует и царствует. Государства западной культуры уже много столетий тому назад построили свою жизнь на преобладании начала законности, которое в настоящее время составляет едва ли не главную отличительную черту европейского государственного быта.

Первенство закона в государстве оказывает особое влияние на все проявления государственной деятельности. Проявления эти получают характер актов, обусловленных в той или иной степени законом, связанных законом и вытекающих из закона. Рассматривая проявления государственной активности с точки зрения отношений их к закону, необходимо различать следующие категории государственных подзаконных функций:

а) Закон прежде всего требует исполнения, и начало законности в государстве создает особый род *исполнительной* деятельности, как подзаконной области управления. Есть два рода такой подзаконной деятельности государства — свободная и связанная. Закон может, с одной стороны, ограничиваться выставлением некоторых общих принципов деятельности, предоставив исполнителям некоторый бланкет в исполнении частностей. Так возникают исполнительные функции, основанные на свободном усмотрении в пределах, положенных законом. Например, ст. 48 германской конституции предоставляет президенту республики пользоваться военной силой в целях принуждения в тех случаях, когда отдельные земли не выполняют обязанностей, возложенных на них законами. Равным образом президент, в случаях нарушения общественного порядка и спокойствия, имеет право прибегать к чрезвычайным мерам, включая пользование военной силой. Хотя мероприятия эти и подлежат докладу рейхстагу и могут быть им отменены, однако, они обнаруживают ту сферу свободной деятельности управления, которая предоставляется законами главе государства.

Но закон может точно установить, что должны делать исполнители, лишив их свободы усмотрения и предусмотрев отдельные детали их поведения. Такое предусмотрение всегда имеет свои пределы и не может быть проведено безгранично. Закон не может предусмотреть всех подробностей той деятельности, которую принуждены проводить исполнители. Как бы далеко ни шли его отдельные предписания, он всегда оставляет некоторое место свободному усмотрению, которое должен выявить всякий, даже самый незначительный, агент государственной власти. Поэтому, если говорить о функциях подзаконных, то проводимое в их пределах различие свободной и связанной деятельности всегда имеет несколько условный характер. Дело здесь идет о «более» и «менее», а не о каких либо абсолютных различиях.

б) Закон требует, далее, восстановления нарушенного порядка тогда, когда закон не соблюдается. Это составляет вид государственной деятельности, которая называется *судебной*. Она должна быть выделена в особую категорию,

---

1) Laband, Arch. für öffentliches Recht, Bd. I.

потому что для нее существенен момент реакции на *нарушение закона*, который отсутствует в исполнительных актах. Суд имеет дело не с проведением в жизнь непосредственной воли закона, но с утверждением этой воли *по особому, частному случаю*, — по случаю несоблюдения этой воли. Поэтому судебный приговор и имеет характер такого властного акта, который как бы подтверждает закон, констатирует его и изъясняет. Судебные акты суть как бы особый вспомогательный род деятельности по отношению к законодательству. По отношению к простой исполнительной деятельности судебный приговор зачастую имеет значение руководящее, поскольку исполнители должны считаться не только с текстом законов, но и с теми применениями, которые установил суд по поводу различных конкретных правонарушений. В этом смысле судебные акты могут быть очень близки к актам законодательным, создавая как бы особое субсидиарное законодательство, построенное на принципах, выработанных в официальном законе. Такова, например, практика верховных судов, которым предоставлено право окончательного толкования законов. Отдельные толкования этих судов, особенно, в случаях пробелов в официальном праве, могут иметь законодательный характер. Но и в судах низшей инстанции, если им предоставляется право свободного толкования,судья может выступать в роли законодателя, каковым был, например, римский претор, каковым является современный английский судья, в известных пределах судья советский и каковым должен быть всякий судья по учению школы «свободного права». Нужно всегда помнить, что какова бы ни была свобода судебного усмотрения, все же мы имеем здесь дело с *подзаконными* государственными функциями, ибо усмотрение это присваивается судье законом. Равным образом в применении такого усмотрения судья связан самой конституцией суда, которая только и делает возможной отправление его судебных функций.

Особую категорию подзаконных актов составляют акты *контрольные*. К ним принадлежит проверка, приостановка и отмена одних государственных актов другими. Само собою разумеется, что такие акты становятся возможными только при значительном упрочении начала законности в государстве: чтобы контролировать, необходимо сначала выработать надлежащий порядок нормального исполнения. Если нет идеи установившегося законного порядка, то не может быть и идеи контроля. Контрольные акты находят свое применение в разнообразных проявлениях государственной жизни. В процессе законодательства они осуществляются в форме veto над постановлениями законодательных органов, которое может принадлежать или главе государства, или народу. В сфере исполнительной мы наблюдали их в виде институтов, так называемой, политической ответственности агентов управления, в виде запросов, в виде отозвания агентов исполнения и т. п. В сфере судебной они осуществляются в формах отмены приговоров судов низшей инстанции судами высшей инстанции (кассация и апелляция).

в) Наконец, с особой формой подзаконной деятельности мы имеем дело тогда, когда закон устанавливает известный порядок для пересмотра и изменения самих принципов, положенных в основание какого либо государственного строя. Это — *учредительные* функции, которые следует отличать от простых законодательных. Законодательство имеет дело с изменением законов в установленном

порядке, а учредительные акты имеют в виду изменение *самого порядка издания законов*. Таким образом учредительные акты изменяют самое понятие закона в формальном смысле этого слова в данном государственном строе, проводят новые границы между законодательством и управлением, словом, меняют основное для данного государства распределение функций. Учредительные акты можно назвать также актами изменения конституции данного государства. Учредительные акты суть таким образом проявления присущего каждому государству права на самоопределение и самоорганизацию. Учение об учредительных функциях развилось преимущественно во французской публицистической доктрине в связи с теорией об учредительных правах народа, которые находят свое выражение в народном восстании против установленной власти и в учреждении нового правительства. Германская юридическая теория государства обычно не содержит учения об учредительных функциях, хотя соответствующие явления и излагаются германской теорией обыкновенно под видом учения о неограниченной власти государства, о способности государства произвольно менять любой правопорядок и т. п. Специфический характер учредительных актов заставляет выделить их в особую категорию властных изъявлений государственной активности, стоящую наряду с деятельностью государства по законодательству, управлению, суду и контролю.

§ 6. Распределение функций.

Вопрос об отношении государственных функций к носителям власти или, иными словами, вопрос о распределении функций по носителям власти получил в новой европейской теории конституционного права чисто политическое истолкование. Со времени *Локка* и *Монтескье* западная теория государства исключительно занималась размышлениями о том, как построить государство, в котором осуществление властных актов было бы максимально затруднено и задержано. Решение этой проблемы достигалось путем «разделения властей» — т.-е. такого распределения функций, при котором осуществление одних мешало бы осуществлению других. Таким образом думали бороться с деспотизмом и построить истинно свободное государство. И, следовательно, проблема распределения функций превращена была в проблему построения некоторого идеального политического строя, обеспечивающего наилучшим путем свободу граждан. Не отрицая политического значения этой проблемы, мы не можем, однако, считать ее отвечающей задачам теоретического познания государства. Это последнее должно иметь в виду не построение нормального и справедливого государственного порядка, но изучение тех типических отношений, в которых могут стоять друг к другу носители власти и государственные функции. Эти отношения можно свести к следующим основным видам.

1) *Распределение функций без проведения начала специализации.* При такой системе каждый государственный орган наделяется всеми возможными государственными функциями, — полнотой осуществления властных актов. Возможное при этом совпадение деятельностей и неизбежные столкновения избегаются не путем разделения труда, но посредством замещения одного органа другим. Это — система замещающих друг друга властей, зачатки которой можно на-

блюдать уже в некоторых учреждениях старых абсолютных монархий. В Московской Руси, например. Боярская Дума замещала царя в его отсутствии, причем, действуя вместо царя, она действовала как царь и осуществляла все возможные акты, которые в обычном порядке осуществлялись царем. Особенно это чувствовалось в эпохи междуцарствия или во времена несовершеннолетия царя, когда Дума замещала царскую власть во всех отношениях. [1]) Сенат был учрежден Петром Великим для вершения всех государственных дел в отсутствии монарха. « Власть Сената простиралась на все вообще роды дел государственных, ему поручено было высшее управление оными. Указам его повелено было повиноваться, как указам самого государя».[2]) С подобными же учреждениями встречаемся мы на Западе. Так, прусский Верховный Тайный Совет замещал главу прусского княжества на время его отсутствия, и отношение между заместителем и замещаемым было построено не на специализации функций, но на различных периодах действия, в течение которых полнота власти одного переносилась на другого.[3]) На подобном порядке замещения построено в новейшее время советское государство. Как известно, советская доктрина отрицательно относится к теории разделения властей в смысле европейских воззрений и современной европейской практики. Однако же, при множественности верховных органов советской власти, советское государство не может избежать проблемы распределения функций. Распределение это осуществляется тем путем, что верховные, стоящие во главе государства коллегии — Съезд Советов, Центральный Исполнительный Комитет, его Президиум и Совет Народных Комиссаров — обладая полнотою власти, последовательно заступают друг друга, причем высшая коллегия обладает правом контроля над деятельностью низших коллегий. [4])

2) *Распределение функций с проведением начала специализации.* Этот тип распадается в свою очередь на следующие подвиды: А) *Строгое проведение начала специализации.* Это есть система которую предлагали некоторые истолкователи *Монтескье*, хотя сам *Монтескье* ее и не придерживался. Ее характеризуют иногда, как систему *абсолютного* разделения властей, т. е. такой полной специализации функций, которая исключает между соответствующими органами всякое сотрудничество. [5]) Нужно иметь в виду, что такого крайнего разделения не может быть ни в каком государстве, просто потому, что оно противоречит идее разделения труда, так же,как и принципу единства государственной власти. Да, в сущности говоря, абсолютного разделения властей не желал ни один последователь названной теории. Не стремился к нему и Кант, которого иногда приводят в качестве примера крайнего сторонника разделения властей. Действительно *Кант* считал, что «власти» в государстве составляют как бы три самостоятельных лица. Но и для *Канта* они в своей троичности составляют единую государственную волю. [6]) В их отношениях наблюдается не только

1) Ср. *Неволин*, Собрание сочинений, т. IV, стр. 137.
2) Ibid., стр. 214.
3) Bornhack, Preussische Staats-und Rechtsgeschichte, 1903, стр. 89. Так же построено соотношение органов Лиги Наций.
4) Ср. «Право Советской России», т. I, стр. 51, 83.
5) Rehm, Allgemeine Staatslehre, 1899, стр. 288.
6) Kant, Metaphysik der Sitten, I Theil, стр. 45, 48.

координация, но и субординация. В частности, отношения их строятся как бы по типу силлогизма — законодательная власть составляет как бы большую посылку, исполнительная власть — меньшую, а судебная — умозаключение в форме судебного приговора.[1]) Оттого в системе *Канта* первенствующее положение занимает законодательная власть, и единство закона составляет ту общую основу, на которой происходит сотрудничество властей. На практике подобная система была последовательнее всего проведена в конституции французской республики 5 фруктидора третьего года (22 августа 1795 г.). Конституция эта подчеркивает, что законодательная власть, составленная из двух палат (Совета 500 и Совета старейшин) не может отправлять ни исполнительных, ни судебных функций и не может никому делегировать своих прав. [2]) Член законодательного корпуса не может совмещать своей должности с какой либо иной должностью в республике. [3]) Исполнительная власть, по этой конституции, существует в виде пятиличной коллегии (директории), которая избирается законодательным корпусом, однако же, не из его членов. Директория охраняет, согласно закону, внешнюю и внутреннюю безопасность республики, издает указы (прокламации), согласные с законом и направленные к исполнению закона. Она распоряжается военной силой, хотя не пользуется правом непосредственного командования армией и выбирает для этого особых генералов. [4]) Она следит за общим проведением законов в жизнь и назначает ответственных министров. [5]) Она сносится с законодательным корпусом только письменно и только в исключительных случаях может быть призвана в заседания корпуса. [6]) Она дает письменные отчеты законодательному корпусу и может предлагать ему письменно некоторые мероприятия, однако же не в виде редактированных проектов. [7]) Конституция эта не допускает возможности даже отрицательных воздействий одной власти на другую. Директория не обладает ни правом инициативы законов, ни правом veto. С другой стороны, законодательный корпус также не может влиять на директорию, хотя он и формирует ее в порядке избрания. Также самостоятельно построена и судебная власть по названной конституции. Конституция подчеркивает, что судебные функции не могут быть отправляемы ни законодательной властью, ни исполнительной. [8]) Судьи не могут вмешиваться в исполнение законодательной власти и не могут приводить в исполнение какой либо закон. [9]) Конституция эта как бы действительно строит в государстве три отдельных лица. И для понимания того, каким образом из этих трех лиц образуется единая государственная власть, до известной степени подходят богословские аналогии, взятые из догмы о троичности лиц единой божественной природы. [10]) Все это впрочем есть политическая метафизика, которая не может способство-

1) Ibid., стр. 45.
2) Duguit et Monnier, Les Constitutions et les principales lois politiques de la France, 1905, стр. 45.
3) Стр. 47.
4) Стр. 144, 146.
5) Стр. 147.
6) Стр. 161.
7) Стр. 163.
8) Стр. 202.
9) Стр. 203.
10) Ср. Duguit, Traité, II, Стр. 523.

вать устранению практических недостатков подобной системы. Чрезмерное обособление властей или ведет к непримиримому их соревнованию, которое в любой момент склонно перейти в анархию, или же ведет к диктатуре одного из элементов власти, которая и устанавливает необходимое в государстве единство действий.

Б) *Специализация функций при условии возможности отрицательного воздействия одних органов на другие.* Такой способ распределения функций предлагал *Монтескье*, в своей известной теории, построенной на неправильном истолковании особенностей английского политического строя. *Монтескье* отправляется в построении своей теории от понятия политической свободы. Он считает свободой «право делать все, что дозволено законами» [1]) и высказывает мысль, что ни одна из чистых форм государственного устройства не может обеспечить политической свободы. Ему кажется очевидным, что свободы нет в абсолютной монархии, которую он склонен называть просто деспотией. Но по его мнению, также и демократия, и аристократия не являются государствами с свободными по своей природе, ибо они не создают гарантий против злоупотреблений властью. [2]) «Известно уже по вековому опыту» — говорит *Монтескье* — «что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не дойдет до положенного ему предела». [3]) Причем эта истина одинаково применима и к единоличному, и к многоличному властителю: и в демократии возможен произвол большинства, попирающий законность и свободу. Ошибочно поэтому приурочивать идею свободы к демократическому строю. «В демократии народ, повидимому, делает, что хочет, но политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется». [4]) «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью», — продолжает он — «необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга». «Возможен такой государственный строй, что никто не будет склонен делать то, что закон ему не дозволяет». [5]) Для этого нужно, чтобы власти в государстве не были соединены в одном лице. Там, где власти соединены в лице одного султана, царствует ужасный деспотизм. В республиках Италии, где эти власти соединены , свободы меньше, чем в наших монархиях. «Государи, стремившиеся к деспотизму, всегда начинали с объединения в своем лице всех отдельных властей». [6]). Объяснение этого явления, по мнению *Монтескье*, не представляет особого труда. Представим, говорит он, что «власть законодательная и власть исполнительная будут соединены в одном лице или в одном учреждении». «Свободы при этом не будет, так как можно опасаться, что обладающие ими монарх или сенат станут создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет еще свободы и в том случае, когда судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной

1) Montesquieu, Esprit des Lois, Liv. XI, Chap. III.
2) Ibid., Ch. IV.
3) Ibid., Ch. IV.
4) Ibid., Ch. III.
5) Ibid., Ch. IV.
6) Ibid., Ch. VI.

властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола: ибо судья будет законодателем. Если она соединена с исполнительной властью, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников или дворян, или же из простых людей, были соединены эти три власти: создавать законы, приводить их в исполнение и судить преступления или тяжбы частных лиц». [1]) Совсем иное дело, когда эти власти разделены — тогда они приходят в состояние некоторого устойчивого равновесия. Иными словами, теория разделения властей требует такого правительственного аппарата, который ставит искусственные преграды против злоупотребления власти. Отдельные единицы власти следят друг за другом и останавливают друг друга тогда, когда совершается покушение на нарушения законности и права. Но подобное балансирование властей и их равновесие возможны только в том случае, если власти обладают правом взаимного контроля. Для этого *Монтескье* считал нужным исполнительную власть наделить правом роспуска парламента и правом veto (т.-е. запрета) по отношению к постановлениям законодательной власти. Что же касается до обратного отношения законодательной власти к исполнительной, то Монтескье не указывал здесь каких либо специальных мер контроля, хотя английская политическая жизнь и знает их в виде политической ответственности министров. Но роспуск парламента и veto суть чисто отрицательные акты. Смысл их исчерпывается *возможностью препятствия*, а не возможностью положительного участия. Этот последний пункт и составляет существо разбираемого здесь распределения функций. Характерной особенностью его является то, что прямая положительная деятельность каждого органа устанавливается только на основании *отрицательных актов* надзора одних органов над другими. Из различных законодательных установлений, воплотивших эту теорию, прежде всего нужно назвать конституцию американских Соединенных Штатов 17 сентября 1791 года. Совершенно ошибочно считать, что в названной конституции проведено какое либо абсолютное разделение властей. Американская конституция типично проводит начало специализации с допущением отрицательного воздействия одних органов на другие. Ее три департамента (Departaments)—законодательная, исполнительная и судебная власти—ни в коем случае не независимы друг от друга, но связаны друг с другом тем, что могут осуществлять взаимный контроль. Избираемый всенародным голосованием президент обладает правом veto, которым он, кстати сказать, и пользуется. Сам он находится в известном отношении под контролем верхней палаты, и, наконец, судебная власть контролирует общее проведение исполнения законов в республике. Авторы этой конституции, будучи ревностными поклонниками системы *Монтескье*, последовательно воплотили ее в жизнь. [2]) Но такое же равновесие между властями имели в виду установить и авторы французской конституции 1791 года. Ее главным намерением было не установление каких то трех абсолютно независимых единиц власти, — законода-

1) Ibid., Ch. VI.

2) Ср. W. Wilson, Constitutional government in the United States, 1921, стр. 56. Из более старых: Pomeroy, An Introduction to the Constitutional Law of the U. S., 1870, стр. 89. — Story. Commentaires, vol. I, стр. 533. Неправильно изображение конституции С. Ш. у Rehm'a, O. c., I., стр. 288, и отчасти у Duguit.

тельной, исполнительной и судебной, — но установление такого порядка соотношения между органами государства, который обеспечивал бы взаимный контроль посредством актов отрицательного воздействия. Законодательная власть, согласно этой конституции, воплощалась в лице одной палаты.[1]) Исполнительная — в лице короля, который устанавливал министерство и обладал правом законодательного veto. [2]) Судебная власть — в лице суда, которому присваивалось право общего надзора над законностью. Депутат *Малуэ*, возражавший против этой конституции при обсуждении ее проекта, совершенно справедливо определял ее смысл, указывая, что первой ее посылкой является равновесие между властями. «В распределении силы властей, в их независимости, в их равновесии — вот где следует искать гарантию естественных и гражданских прав»— говорил он. [3]) Но он полагал, что произведенное конституцией разделение как раз этой цели и не достигает. Он указывал, что организация двупалатной системы гораздо лучше могла бы оградить права граждан от деспотизма законодательной власти. Он обращал также внимание на неудовлетворительное, по его мнению, решение вопроса о власти монарха. По его мнению, монархический принцип полезен главным образом, как противовес (contrepoids) по отношению к другим властям, и в качестве такого противовеса он должен обладать значительной самостоятельностью, — достаточной для того, чтобы оказать препятствие не только ошибкам законодательной власти, но и *положительным ее мероприятиям.* [4]) Для равновесия властей нужно, чтобы монарх был моральным лицом, чтобы он обладал суверенной волей, способной противодействовать законодательному корпусу. Он таким образом настаивал на том, чтобы глава исполнительной власти обладал не только отрицательными средствами, но и способами положительного воздействия (право законодательного почина и т. п.). Это был спор различных истолкований теории разделения властей: одного, связанного с именем *Монтескье* и с американскими опытами ее истолкования и приложения, и другого, связанного с позднейшей практикой дуалистических монархий и с опытами английского парламентаризма.

В) Специализация функций при условии не только отрицательного контроля, но и положительного вторжения одной власти в компетенцию другой. Система эта имела два исторических воплощения—с одной стороны,в переходных формах абсолютной монархии к умеренному конституционализму и, с другой стороны, в тех смешанных формах политического устройства, которые носят имя государств парламентарных. В первом случае монархическая власть, приобретая с введением конституционного режима специальный характер власти исполнительной, однако-же, оставляет за собою право широкого вмешательства в дела законодательства. Так, например, у нас в России по конституции 1906 года монарху не только присвоено было право абсолютного veto, право роспуска парламента и право исключительной инициативы в изменении основных законов, но еще сверх того присваивалось право издавать чрезвычайные указы,

1) Duguit et Monnier, O. c., стр. 7, Titre III, Art. 3, Chap. I, Art. 1.
2) Ibid., Titre III, Art. 4, Chap. II, Art. 1, Chap. IV, Art. I, etc.
3) Archives parlementaires, I Série, vol. 29, стр. 275.
4) Ibid., стр. 276-277.

имеющие силу законов (по 87 ст.) и таким образом конкурировать до известной степени с законодательным корпусом в лице Государственного Совета и Государственной Думы. И, наконец, что фактически было едва ли не самым существенным — исполнительная власть, пользуясь своим правом объявлять отдельные местности Российской Империи на исключительном положении, получала фактическую возможность отменять действие обыкновенных законов и заменять их действием законов чрезвычайных. Россия в течение двух последних царствований жила таким образом на основании двойного порядка: одного официально действующего, но временно приостановленного, другого, изданного в чрезвычайном порядке и существенно изменяющего положение личности, гражданской свободы, обычной юрисдикции и т. п.

Второй случай — это та политическая система, которая считается нормальной в современных демократиях и по которой законодательная власть в лице народного представительства получает возможность существенного влияния на власть исполнительную. Мы говорим о так называемой парламентарной системе. Естественным путем, в результате долгой исторической практики, она сложилась в Англии; главной ошибкой Монтескье считают то, что он не заметил ее в своем идеологическом изображении английской политической системы. В других европейских государствах она была более или менее искусственно привита иногда в виде парламентских обычаев, иногда же, особенно в последнее время, в форме законодательных постановлений. Существо парламентаризма заключается вовсе не в том, что парламент становится исполнительной властью и таким образом утрачиваются границы, отделяющие законодательство от управления. [1]) Неправильно думать также, что при системе парламентаризма правительственной властью является, если не парламент в целом, то особый комитет парламента. В Швейцарской республике, например, высшей исполнительной властью является коллегия, избранная союзным парламентом на три года — так называемый Союзный Совет, независящий от отдельных голосований народного представительства и могущий в течение срока полномочий своих проявлять самостоятельную деятельность, поскольку она согласуется с общим направлением народного представительства. В противном случае народное представительство отменяет постановление Союзного Совета, и такой акт не считается поводом для министерского кризиса и для отставки Союзного Совета. Союзный Совет можно таким образом назвать особо *уполномоченной комиссией народного представительства*, однако, положение его совсем иное, чем положение кабинета в системе парламентаризма.[2]) Систему парламентаризма с точки зрения внешних, социально-политических признаков можно характеризовать, как такую политическую систему, в которой представители большинства руководящих в парламенте политических партий становятся министрами — чего нет в Швейцарии, где члены Союзного Совета могут не быть представителями партийного большинства. Однако, признак этот, конечно, недостаточен, и, чтобы понять внутреннее существо парламентарной системы, нужно обратиться

1) W. von Blume, Wesen und Aufgabe der Parlamente. Handbuch der Politik, I, стр. 336.

2) Hasbach, Die parlamentarische Kabinetsregierung, 1919, стр. 30-31.

к признакам, почерпнутым из внутренней природы соответствующих политических форм. [1]) Привлекая эти признаки, можно сказать, что парламентарный кабинет есть такая составленная из представителей партийного большинства коллегия, которая конструируется парламентом в порядке организации и при том конструируется так, что не только ее действия являются согласованными с изменяющимся положением внутренно-парламентских отношений, но и самое ее существование зависит от этих отношений и изменяется с их изменением. В этом — отличие парламентского кабинета от директории, как она создана, например, французской конституцией 1793 года. Директория, созданная народным представительством, является, однако, независимой от своего создателя: народное представительство не может влиять на действия директории и не может смещать ее голосованием. Равным образом здесь же лежит отличие парламентского кабинета от швейцарского Союзного Совета. Деятельность Союзного Совета — подконтрольна, однако же, существование его не зависит от тех или иных настроений парламента. Парламентский кабинет есть коллегия, постоянно отражающая различные создавшиеся в пределах парламента политические констелляции. Кабинет есть орган, действующий в пределах одной констелляции; но ксгда изменяется положение, и в парламенте образуется новое большинство, парламентский кабинет должен выйти в отставку.

Таким образом названная система допускает возможность *прямого положительного влияния парламента на исполнительную власть* Можно сказать, что парламент определяет общие принципы политики, в то время, как министерство свободно управляет в пределах этих общих принципов. Но до каких пределов простирается область общей политики и область независимости исполнительной власти — это есть вопрос, который может быть разрешен на основании дипломатического искусства и который получает различные разрешения в зависимости от местных и временных условий. [2]) С этой стороны парламентскую систему можно определить, как систему особого политического равновесия между законодательной властью и властью исполнительной. [3]) Такое равновесие может быть в конце концов установлено при помощи политических сил, лежащих вне власти парламента и власти парламентского кабинета. В истории парламентского режима такими силами были: 1) независимый постоянный глава исполнительной власти — король в парламентских монархиях или президент в республиках и 2) голосующий корпус народа. В исторических своих корнях система парламентаризма органически связана с конституционной монархией, и в этой связи можно нащупать глубокую внутреннюю логику. [4]) Если создавшееся новое положение в парламенте расходится с политикой кабинета, если между парламентом и кабинетом назрело противоречие, то, чтобы кабинет не был превращен в простой исполнительный комитет парламента, ему должно быть предоставлено искать какого либо судью в споре. Но чтобы не было засилия кабинета, парламенту также должно быть предоставлено право выступать самостоятельной стороной. Исторически и было так, что судьей

1) Redslob, Die parlamentarische Regierung, 1918, стр. 1.
2) Ibid., Стр. 2.
3) Как на это справедливо указали: Duguit, Traité, II и. Redslob, O. c.
4) Развитие этой мысли особенно интересно у Редслоба.

между спорящими сторонами выступал монарх. Он мог распустить парламент, став на сторону кабинета, но мог стать и на сторону парламента, тогда кабинет уходил в отставку. Система парламентаризма исторически была, таким образом, связана с правом короля распускать парламент. Королевская власть в этой системе играла роль поддерживающего равновесие рычага. «Парламентский режим» — как говорит Редслоб — «можно сравнить с весами. Номинальный носитель власти, монарх или президент, держит их в своих руках. Две чаши суть министерство и парламент. Гиря соответствует тому непреодолимому действию, которое является в результате народных выборов. Глава государства должен устанавливать равновесие, кладя гирю то на одну, то на другую чашу весов».[1])

Однако, нельзя усматривать в этих исторически создавшихся условиях каких либо абсолютных категорий. Уже английская политическая история может нас убедить, что на смену монархическому парламентаризму в Англии идет постепенно парламентаризм плебисцитарный, — в котором роль преимущественного судьи в споре между парламентом и кабинетом занимает уже не монарх, а голосующий народ. [2]) Случаи роспуска парламента в Англии в 1922 г. и в 1923 г. показывают, что регулирующая и уравновешивающая роль монарха играет в них незначительную роль. С другой стороны, целый ряд новейших конституций, появившихся после войны, вводит парламентарный режим, не только не наделяя главу исполнительной власти уравновешивающими функциями, но даже вообще обходясь в государстве без личного возглавления и совмещая таким образом парламентаризм с формами директориальной республики.[3])Конституции отдельных германских земель вообще не знают президента, и роль последнего исполняется парламентским кабинетом. Это создает для кабинета совсем особое положение, которое допускает признание только одного судьи при споре между кабинетом и парламентом — именно голосующего народа. [4]) Конституции германских государств и устанавливают референдум, как последнее средство равновесия между парламентом и кабинетом. Наконец, совсем особое положение занимает система парламентаризма во Франции и в странах, которые построили свои конституции по французскому образцу. Здесь сам президент является избранником законодательного корпуса в составе двух соединенных палат. Президент обладает, кроме того,ограниченным правом роспуска парламента — именно во Франции он может роспускать Палату депутатов только с согласия Сената. Это особое положение президента, как креатуры парламента, отнимает у него возможность быть самостоятельным судьей и проявлять самостоятельные уравновешивающие функции. Сверх того, французская конституция не знает, в противоположность немецким, непосредственного обращения к народному голосованию в споре между кабинетом и парламентом. В интересной книге своей о парламентаризме, *Редслоб* блестяще показал, что такое положение, в силу внутренней логики, делает французский пар-

---

1) Redslob, O. c., стр. 7.
2) K. Löwenstein, Zur Soziologie der parlamentarischen Repräsentation. Arch. für Sozialwissenschaft, 1924.
3) Cp. Koellreuter, Das parlamentarische System in Deutschland, 1921.
4) H. Preuss, Verfassung des Freistaates Preussen. Jahrbuch f. öffent. Recht, 1921, стр. 271.

ламентаризм совершенно особой формой диктатуры парламента над страной и сводит роль кабинета на степень простого исполнительного комитета палат. Поэтому во Франции министерство должно искать расположения палат, ничем не связанные палаты лишены всякой дисциплины, они постоянно притязают на вмешательство в административные вопросы и постоянно смещают кабинет, что образует в общем правительственную систему, не обнаруживающую никаких черт политической устойчивости. Насколько сильна диктатура парламента во Франции, показывает последняя французская практика: на наших глазах палаты получили возможность даже смещать президента. «C'est par un incroyable abus de mots» — писал один французский критик этой системы — «que cette pratique bizarre a pu usurper le nom de régime parlementaire». [1])

Резюмируя изложенное, можно сказать, что парламентарный режим есть такая форма политического устройства [2]), в которой: а) исполнительные функции отделены от законодательных; б) исполнительная власть принадлежит особой коллегии, конструируемой парламентом, обычно из представителей партийного большинства, которое может влиять на политику кабинета внутрипарламентским путем; г) от настроения парламентского большинства зависит самое существование этой коллегии; д) самостоятельность свою названная коллегия так же, как и парламентский корпус, могут отстаивать путем обращения к нейтральному судье в лице главы государства и голосующего народа, в различных соотношениях этих сил.

---

1) Цит. у Redslob, О. с., стр. 142.

2) Обычным заблуждением является взгляд, что парламентарный режим связан необходимо с демократией. Заблуждения этого придерживается вся демократическая пресса и почти все деятели современной европейской демократической политики. На самом деле идеалам чистой демократии в смысле Руссо или идеи 1848 года соответствует не парламентарный кабинет, а простая комиссия народного представительства или голосующего корпуса в целом.

Отдел третий

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Гл. 1. Проблема усовершенствования государства.

В предшествующем изложении нами были изучены различные типы государств, как со стороны стихийно-фактической, так и со стороны деятельно-организационной (ср. Отдел I, гл. I). Мы подошли теперь к последнему вопросу общей теории государства, — к вопросу о наилучшем, совершенном государстве или о государственном идеале. Было уже указано, что эта проблема принадлежит к области практической политики, а не теоретического государствоведения, однако, и в ней имеется своя, чисто теоретическая сторона. Теоретическое государствоведение, конечно, не призвано к тому, чтобы построить какой нибудь конкретный план совершенного государственного строя, но никакая другая область знания не может решить общего вопроса о том, в каком смысле можно говорить о государственном идеале и к нему стремиться. Вопрос этот не разрешается практической политикой, но ею предполагается. Многие заблуждения политики происходят от того, что она не относится к названному вопросу критически, что она ставит перед собою такие цели, которые не совместимы с ценностной природой государства и из нее ни в коем смысле не вытекают. Чтобы определить эту ценностную природу государства и соразмерные ей, направленные на государственное усовершенствование цели, для этого должна быть поставлена особая критическая проблема, разрешение которой доставит общие принципы для построения возможного в пределах практической политики конкретного государственного идеала.

Недостаточной постановкой такой критической проблемы объясняется коренящаяся в глубокой древности и широко распространенная доныне вера в то, что в пределах земных государственных форм может быть достигнуто конечное царство земного блаженства, последний идеал земной общественной жизни. Идейные корни этой «утопии земного рая», мыслимой в образе земного государства, лежат в древних языческих представлениях о государстве, как о самом совершенном человеческом обществе. Воззрения эти, одинаково свой-

ственные Востоку и Западу, владели человечеством в течение целых тысячелетий и определяли политические судьбы целых народов и культур. Причем в истории можно различать два аспекта этих воззрений — консервативный и революционный. Первый абсолютизирует и идеализирует существующие государственные учреждения, считая их непосредственным отражением совершенного Божественного порядка. Классическим образцом такого рода идей можно считать учение *Конфуция*, которое на долгое время стало официальной философией срединной империи. Для *Конфуция*, так же, как и для *Гегеля*, существующее государство есть выражение самой абсолютной идеи, воплощение на земле царства абсолютного добра. В той или иной степени подобный взгляд на государство был свойственен всем языческим представлениям о монархии, как о Божественном установлении, отражающем в себе черты владычества верховного начала в мире. В своеобразной формулировке мы находим его в античной классической политике, у *Платона* и *Аристотеля*, для которых власть государства была проявлением общего космического порядка власти и подчинения. «Элемент властвования и элемент подчинения», как учил *Аристотель*, «сказывается во всем, что будучи составленным из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет нечто целое. Это общий закон природы, и как таковому ему и подчинены существа одушевленные».[1]) Поэтому, когда в своей метафизике *Аристотель* приступает к определению понятия принципа или причины, он в качестве примера называет тот произвол, благодаря которому существует в государстве власть царей или тиранов; когда он говорит о власти души над телом, он уподобляет ее власти правителя над государством и также Бога над миром. [2]) Воззрения эти переходят и в христианскую политику, для которой власть государства зачастую была также проявлением общего космического порядка власти и подчинения. «Мир тела», говорил *Августин*, «есть упорядоченное расположение частей. Мир души неразумной — упорядоченное успокоение порывов. Мир души разумной — упорядоченное согласие суждений и действий. Мир тела и души — упорядоченная жизнь и благосостояние существа одушевленного. Мир человека смертного и Бога — упорядоченное в вере под вечным законом повиновение. Мир людей — упорядоченное единодушие. Мир дома — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие сожительствующих. Мир государства — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие граждан. Мир небесного государства — самое упорядоченное и единодушнейшее общение в наслаждении Богом и взаимно в Боге. Мир всего — спокойствие порядка.» [3]) Это учение об универсальном порядке, изображающее весь мир как некое универсальное государство, послужило основой всей средневековой политики. По правильному замечанию *Гирке*, политические идеи средневековья исходили из идеи теологически упорядоченного мирового целого, в которое государство и отдельные люди входят, как части. [4]) Целое это связано некоторой единой гармонией, повторяющейся на отдельных ступенях космоса, одинаково

1) *Аристотель*, Политика, русск. пер. *Жебелева*, стр. 12.

2) Met., Lib. V (Δ), 1313 A.

3) De Civitate Dei, кн. 19, гл. 12.

4) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III, стр. 514-15.

звучащей и в большом, и в малом. Поэтому каждое отдельное существо есть малый мир, микрокосм, в котором воспроизводится все, происходящее в великом мире, мыслимом по образу универсального государства. Можно сравнивать отдельные части этого мира — и везде мы найдем нечто подобное: в космосе найдем элементы человеческого государства, в государстве — элементы космоса.

Параллельно с этой абсолютизацией существующих государственных форм развивается и революционный миф о преображенном и достигшем полного совершенства государстве будущего. В истоках своих он часто связан с другим, противоположным по смыслу мифом — с мифом о когда-то потерянном земном рае, о каких-то старых формах общественной жизни, которым свойственно было ныне утраченное блаженство. *Платон* строит свое идеальное государство в значительном отрыве от существующих политических форм греческой жизни, но с указанием на то, что в его политическом идеале отражаются известным образом черты отживших форм старой спартанской государственности. В его политической философии отражается и революционный рационализм, требующий разрушения существующего во имя начертанной утопии, и романтический консерватизм, зовущий к возвращению к старому и поднимающий это последнее на степень идеального, даже Божественного установления. В позднейшей европейской философии учения естественного права превращают воззрения на государство, как на проявление Божественного порядка, из консервативных в революционные. С существующего государства снимаются черты абсолютного совершенства, но зато они переносятся на государство будущего. Отныне политическая мысль западного человечества безраздельно увлеклась одной идеей — идеей построения посредством разума такого будущего государства, которое отвечало бы всем требованиям Божественной и естественной справедливости. При определении конкретных черт подобного государства сыграли, как известно, большую роль изображения политического быта еврейского народа, описанные в книгах Ветхого Завета. [1]) В Европе, вышедшей из стабилизированного периода средних веков и вступившей в период мутационный, явились тысячи людей, взыскующих нового, земного града, нового Иерусалима, в котором не было бы земных царей, но народ свободно собирался бы на земле, руководимый одним Богом или избранными им судьями. Таковы были Гуситы в Чехии, различные протестантские секты в Англии и на материке, поднявшие огромные народные движения не только в целях религиозного спасения на небесах, но и для достижения совершенного общественно-политического строя на земле. С развитием светского просвещения в 17 и 18 веках движения эти постепенно утратили свой религиозный характер. На место идеи Божественного града выступил идеал чисто земного благополучия и счастья. Но с прежней силой западное человечество верило в то, что состояние это достижимо путем организации совершенных политических форм. Кульминационного пункта своего такая вера достигла в период французской революции. Вдохновлявшие эту революцию философские и политические учения построены были на безусловном убеждении, что, разрешив политический вопрос, свергнув монархию и водворив республику, призванную осуществить идеалы земной свободы, равенства и братства, человечество достигнет ступеней неко-

1) Ср. мою статью: «Идея града Божьего в христианском вероучении», Путь, № 5.

торого высшего, конечного блаженства. Это был своеобразный политический миф, который произвел великие потрясения на земле и привел к установлению новейших демократических государств. Господство его померкло в тот момент, когда политический идеал революции из мечты превратился в действительность. Тогда обнаружилось, что демократическая республика, неся человечеству некоторые несомненные ценности, как, например, укрепление идеи права личности, далека от совершенства уже по одному тому, что не разрешает экономической проблемы, не дает человеку хлеба. Вместе с тем рушилась и питающая эту революцию идея экономического либерализма, согласно которой наибольшая экономическая свобода индивидуума, полное обнаружение личного эгоизма, приводит в конце концов общество к наибольшему благополучию. Уже в течение французской революции явились люди, выставившие требование принудительной организации хозяйства, требование коммунизма, как системы, которая единственно может обеспечить экономическое равенство и благополучие человека. Так политический миф стал сменяться мифом социальным, социалистическим. Социализм был объявлен той системой, которая способна привести человека к окончательному блаженству. Утопия земного рая отныне приобрела социалистические очертания.

Государство, как и все, принадлежащее к человеческому миру, является феноменом смешанным, промежуточным, серединным: философское умозрение не может не открыть в нем некоторых абсолютных черт, научный же опыт заставляет смотреть на него, как на учреждение природное, земное, чисто относительное. Государство живет и действует идеей авторитета, причем вдохновляющим началом является религиозный и этический идеал. Но идея высшего составляет неотъемлемый момент религиозных представлений о совершенном космосе, который нельзя мыслить, как состояние какого то всеобщего уравнения. Совершенный космос тяготеет к своей высшей точке — к абсолютному существу или Богу. Оттого в высшем, мистическом смысле абсолютному космосу не могут быть чужды те отношения, которые вытекают из служения государственной идее, из подчинения государственному авторитету и власти. Однако нельзя, как это делалось в древности, характеризовать эти мистические отношения к высшему посредством представлений, взятых из практики земного государства. От земного государства неотъемлемо насилие и принуждение — явления, которые не могут быть свойственны абсолютно совершенному космосу. Применение государством принуждения может быть оправдано тем, что оно осуществляется во имя высших идеалов и только в деспотическом государстве имеет характер голой, ничем не освященной силы. Но нельзя дать никакого безусловного оправдания насилию, творимому во имя каких либо идеалов. Никакая цель, как бы хороша она ни была, не может безусловно оправдать принуждение, как средство. Здесь открывается вечная истина теории непротивления злу насилием, идейные корни которой идут гораздо далее, чем учение *Толстого* и духоборов, опускаясь в глубокую древность, в философию индуизма и китайского мудреца *Лао-Тзы*. Теория непротивления прозревает ту неоспоримую истину, что в абсолютно совершенном космосе, где нет места злу, нет нужды и в принуждении, не нужным становится, стало быть, и государство. Теория непротивления в то же время упускает из вида, что насилие физически неизбежно там, где добро актуально борется со злом или где зло является некоторой

субстанциональной стихией. Отрекаясь в таком мире от применения принуждения, добро становится немощным и заранее предрешает хотя бы временное торжество зла. Попав в стихию воды, невольно становишься влажным; подобно этому, соприкосновение со стихией космического зла невольно накладывает свою печать даже на те цели, которые ей враждебны. Нельзя выплыть из зла в этом мире, не приняв на себя его следов, хотя бы в области применяемых нами средств борьбы. Отсюда и физическая неизбежность борьбы со злом путем насилия. Насилие есть результат несовершенства, результат наличности злого, отрицательного начала космоса. Бесспорно наболевший нарыв лучше насильно разрезать, чем дать развиться гангрене, которая приведет к большим страданиям и смерти, но резать нарывы приходится только там, где есть болезнь, страдание и смерть. Лучше также насильно связать злодея, который хочет зарезать ребенка, но прибегать к связыванию приходится только там, где могут рождаться подобные злодеи. [1]) «Если ты в самом деле более мудр, чем я»,—взывают сторонники абсолютной власти, — «то пусть благодетельный инстинкт заставит и побудит тебя «победить» меня, повелевать мною. Если ты знаешь лучше, чем я, что добро и справедливость, — в таком случае я заклинаю тебя именем Господа: принудь меня делать это. Какие бы ни понадобились для этого медные ожерелья, кнуты, кандалы — не давай мне идти над пропастью». [2]) Но произносить такие заклинания имеет смысл в мире, в котором развернуты пропасти и бездны: нет их — не нужны кнуты и кандалы.

Противники теории непротивления правы в том, что жизненная необходимость требует борьбы со злом путем принуждения. Но для них скрыт и непостижим отрицательный характер тех действий, которые вершатся при помощи меча и железа. Поднявшему меч надлежит всегда помнить, что он берет на себя вынужденный грех, который оправдывается только через ту необходимость, через ту vis major, которая толкает его к неизбежному сопротивлению. Поэтому кощунственно стремление наделять рубящий меч силой Божественного света. Если меч и светит, то светом земным, телесным — металическим светом материи, которою мы принуждены пользоваться там, где становится бессильным духовный свет разума.

Таким земным светом горит и меч земного государства. Его принудительные учреждения жизненно необходимы, так как они несут с собою наименьшее зло. Тот, кто без боя кладет меч в ножны, как делают это анархисты-непротивленцы, — тот способствует торжеству еще большего зла в мире. Стоит только уничтожить земное государство, на месте его возникает такая бездна произвола и насилия, такие ужасы «войны всех против всех», по сравнению с которыми весь аппарат государственного принуждения с его пресловутыми штыками и тюрьмами покажется просто раем. И это не есть голые теоретические рассуждения, об этом свидетельствует повседневный исторический опыт. Опыт этот не раз был пережит в течение человеческой истории, в особенности в эпохи революций. Результаты его не раз были формулированы политиками. Такие формулировки можно найти в глубокой древности. В мифической форме они

---

1) Примеры, которыми пользуется в полемике с *Толстым В. Соловьев* в своем «Оправдании добра».

2) *Карлейль*, Теперь и прежде, пер. Горбова, 1906, стр. 304.

видны уже у *Платона*, в его диалоге «Политик», в котором проблема государства достигает своего философского завершения. В мифическом рассказе о судьбах мира излагается здесь теория вечного круговращения, столь чуждая современным популярным воззрениям на бесконечный прогресс. [1]) Есть древний миф, учит *Платон*, что когда-то небесные светила двигались в обратную сторону, чем ныне. В то время, рассказывает миф, и все мировые процессы совершались иным, противоположным нынешнему, порядком. Предания эти, по мнению *Платона*,— не пустые сказки. Действительно мир совершает круговращение то в одну, то в другую сторону, и это свойство его объясняется удивительным отношением к Божественному перводвигателю. Про мир нельзя сказать, что он вращает самого себя, ибо это ни для кого не возможно, кроме как для вождя всех движущихся вещей; нельзя сказать также, что Бог его вечно двигает или что двигают его какие то два враждебных бога. Мир порою двигается Богом, порою оставляется Им, и после этого он, как заведенное в одну сторону колесо, вращается некоторое время в сторону противоположную. Однако, Бог не отпускает его на свободу совсем, но только до известного предела Когда исполняется этот предел, Бог снова начинает двигать мир. От различия этих движений происходит указанное различие в процессах образования всех вещей этого мира. Когда мир вращался Богом, все шло в обратную сторону, чем теперь. Говоря современным языком, мир был подобен кинематографической картине, лента которой пущена наоборот. На картине этой люди не идут к старости, но шествуют к юности и младенчеству. У стариков седые волосы чернеют, морщины сглаживаются, и они превращаются в цветущих юношей. Ясно, что в подобном мире, при правлении его Богом или гениями, все двигается к добру, люди живут в состоянии блаженства, между ними нет ни возмущения, ни вражды. В таком мире нет и государства, как Божественного установления. Но вот этот блаженный период богоправительства пришел к концу, кормчий вселенной отошел от нее, и мир стал вращаться в противоположную сторону, двигаясь своими собственными силами. В момент этого изменения космос сотрясся в своей основе, однако, не рухнул и постепенно вошел на свой новый путь, «имея попечение и владычества как над всем, что находилось в его недрах, так и над собою и по возможности вспоминая своего демиурга и отца». Будь мир существом совершенным, он продолжал бы движение вечно, но мир приобщен был к началу темному, телесному, беспорядочному и хаотическому. Поэтому он и не мог продолжать свое движение беспорочно. С течением времени им начинает овладевать забвение Божественных начал, беспорядочная природа начинает давать себя знать, и постепенно мир начинает портиться и разрушаться, приближаясь к состоянию древнего хаоса. Вот здесь и наступает момент, когда возникает потребность во внешней власти в мире, когда образуются искусственные сдерживающие начала, родятся правительства и государства. Лишь только Божество прекращает свое попечение над миром, постепенно в него начинает проникать одичание. Жестокосердие овладевает живыми существами, и сильные начинают пожирать слабых. В числе слабых находятся и люди, не вышедшие из своего первобытного существования, не опытные ни в искусстве, ни в технике. И подобно тому, как у английского философа *Гоббса*, «война всех против

1) Polit., 269 A и след.

всех» приводила людей к установлению государства в целях самосохранения, о чем не могла позаботиться сама природа, так и у *Платона* в этот железный век, в век оставленности мира Богом, люди призываются к тому, чтобы заботиться о самих себе, водворять мир и порядок и несовершенно подражать таким образом бывшему космическому делу самого Демиурга.

Те же самые мотивы встречаем мы и в некоторых христианских воззрениях на государство, рассматривающих это последнее, как продукт космического несовершенства, продукт мирового зла. «Поелику человек, учит *Ириней*, отступив от Бога, дошел до такого неистовства, что почитал своего единокровного за врага и бесстрашно предавался всякого рода буйству, человекоубийству и жадности, то Бог наложил на него человеческий страх, так как люди не знали страха Божия, чтобы подчиненные человеческой власти и связанные законом достигали до некоторой степени справедливости и взаимно сдерживали себя из страха носящегося ввиду всех меча». [1]) Оправдание земных властей лежит таким образом в необходимости установления закона для пользы самих людей, чтобы «боясь человеческой власти, люди не поедали друг друга подобно рыбам, но посредством законодательства подавляли разнообразную неправду народов».[2]) С точки зрения этих воззрений, государство есть учреждение, могущее возникнуть только в том мире, который испорчен в своем существе, в котором зло приобрело характер субстанциональный. В пределах подобного мира государство — необходимо, но необходимость эта чисто природная, а не идеальная, эйдетическая или логическая. Государство необходимо так же, как необходимо бороться за жизнь, поддерживать свое физическое существование, чтобы не умереть и не окончить жизнь самоубийством. Оттого организация земного государства так сказать не доходит до неба, чужда царства абсолютного света, отделенного вечной границей от царства тьмы. Изображать царство света какими то государствоподобными чертами, это значит впадать в ту, часто встречающуюся ошибку, в силу которой абсолютное наделяется признаками, взятыми из относительного и конечного мира. Такая ошибка и свойственна всем учениям о божественном космосе, построенном на подобие земного государства, — все равно будет ли это монархия или республика, аристократия или демократия.

Так падает попытка абсолютизации существующих государственных форм и положительных государственных установлений, возведенных на степень учреждений Божественного порядка. Но тем самым должна пасть и вера в возможность государственной утопии будущего — в возможность превращения несовершенных исторических государственных установлений в состояние полного совершенства. Насколько вообще невозможно в нашем относительном мире достигнуть состояния абсолютного физического или духовного блаженства, настолько призрачной и невыполнимой является мечта о преобразовании государства в какой то земной рай. Существующие государственные формы бесспорно могут быть улучшены, и должно всеми силами стремиться к их улучшению, однако, процесс этот никогда не достигнет конечной стадии полного

1) Творения в пер. *П. Преображенского*, 1900, стр. 352.

2) Там-же, стр. 496. Другие примеры у *Н. Н. Алексеева*, Очерки по общей теории государства, Москва , 1920.

совершенства. Утопия земного рая есть один из вреднейших мифов, который владел человечеством и от которого оно должно, наконец, освободиться. К счастью, западное человечество, повидимому, постепенно приходит к развенчанию этого мифа, как это прекрасно показал в своей книге «Об общественном идеале» *П. И. Новогородцев*. На место политической алхимии, верящей в быстрое превращение царства необходимости в царство свободы, выступают трезвые требования практической политики, стремящейся к постепенному улучшению отдельных сторон государственной жизни путем напряженной и трудной обыденной работы. Политика из своего мифического периода переходит, повидимому, в реалистический и научный.

Гл. 2. Структура совершенного государства.

§ 1. Усовершенствование государства с точки зрения природных факторов государственной жизни.

В существе государства мы вскрыли, с одной стороны, элементы стихийно-фактические, природные, с другой стороны — элементы деятельно-волевые. Отношение тех и других к проблеме усовершенствования государства должно быть, очевидно, совершенно различным. Об усовершенствовании первых можно говорить только в особом, очень условном смысле. Стихийно-фактические элементы являются для государства не заданными, а только данными — и в этой данности своей они необходимо обладают уже теми или иными ценностными свойствами. Существуют государства, уже с данной им благоприятной судьбой, и государства, поставленные в условия менее благоприятные. Усовершенствование подобных природных данностей возможно только в смысле обнаружения способностей умело пользоваться плюсами и мудро бороться с минусами. Природа иногда дает государству все шансы для процветания, но оно может не суметь распорядиться этими естественными благами; и наоборот, государство может быть обделенным природою, но трудом и потом своих членов из природной бедности может выбраться в состояние относительного материального и духовного процветания. К числу названных данностей нужно отнести следующие:

I) Прежде всего сюда должно быть отнесено месторазвитие государства, которое всегда представляет собою некоторый уникум в мире и которое поэтому всегда является вещью индивидуальной и незаменимой. Оттого народ, переселяясь на другую территорию, тем самым меняет свою природу, и переменившее свою землю государство становится иным и новым. В тех природных свойствах, которыми наделена государственная территория, уже положены задатки, обусловливающие возможность усовершенствования государства, достижения им нормальной или даже преуспевающей жизни. Сколько бы ни старались люди, они не в силах беспредельно усовершенствовать качество земли, на которой они живут, придавая по произволу ей те свойства, которыми она физически не обладает. Люди не в силах изменить поверхность своей земли, превратив горы в долины. Не могут

изменить климата, в котором живут, превратив умеренный в холодный или тропический, морской — в континентальный. В очень ограниченном смысле люди способны к преобразованию свойств почвы и к радикальному их изменению. Поэтому под усовершенствованием государственной территории нужно понимать органический процесс сохранения и развития тех естественных задатков, которые даны уже самой природой.

Сделанное нами выше различение территориальных типов государств (Отд. I, гл. II, § 2) позволяет установить, какие из них обладают наибольшими природными данностями для достижения ступени максимального усовершенствования. Наибольшим количеством природных возможностей, очевидно, обладает «государство-мир», которое, заполняя собою «часть света», сплочено в своем пространстве, представляет единое территориальное целое, могущее жить самодостаточной жизнью и развиваться путем использования своих внутренних потенций. Про такое государство можно сказать, что природа ему все дала для процветания и развития — кому же много дано, с того много и спросится. От такого государства можно, следовательно, ожидать, что оно достигнет максимума материального и духовного преуспеяния, разовьет максимум материальной и нравственной энергии для своего улучшения. Такому государству необходимо уступают, в смысле естественных возможностей, те государственные образования, которые природно зависимы извне и не могут развиваться путем использования своих внутренних сил. Вследствие внешней нужды такие государства будут стремиться или к захвату других земель и жить в постоянном напряжении военных сил, оказывающем самое неблагоприятное влияние на общее развитие культуры; или же они будут стремиться к мирному слиянию с другими государствами и к потере своей самостоятельности, или же, наконец, в силу внешнего давления они будут поглощены своими более сильными соседями.

II) Природной данностью для государства является и тот «родовой» человек, который образует народонаселение государства, образует объединенный государственными связями «народ». Мы имеем в виду при этом не только чисто физические особенности этого народонаселения — особенности крови и плоти, — но и его психическую индивидуальность. Здесь мы имеем опять таки дело не с тем, что задано, а с тем, что природно дано. Раса, нация, так называемая культурная личность и другие социальные единства, образующие тот человеческий материал, из которого строится государство, не создаются в результате заранее намеченного человеческого плана, но родятся в чисто естественном процессе. С ними вместе родятся и те эмоции, которые, как мы видели, являются основными двигателями государственной жизни (ср. Отд. I, гл. III, § 3). Родятся, наконец, и те ценности, которые составляют внутреннее духовное содержание человеческой культуры (ср. Отд. I, гл. III, § 4). Не сознательное намерение повинно в том, что одному «родовому» человеку нравится пространственная экспансия, другого увлекают практические интересы экономического устройства, третий же предпочитает духовное созерцание и стремление к достижению высших ценностей. Чисто стихийными являются влияния на душевную жизнь человека социально-исторической среды, влияние месторазвития, внешнего окружения, исторически возникших институтов и форм жизни. Преобразование всех этих сторон государственного бытия наталкивается на такие же, чисто

естественные границы, как и преобразование государственной территории. Так например, стремление к улучшению расы (эвгеника), на которую не достаточно обращает внимание современная политика, может повести к медленному изменению известных физиологических задатков, а не к метаморфозе физического бытия человека. Повидимому, более поддаются изменению психические склонности, которые могут быть не только облагорожены соответствующим сублимированием, но и в значительной степени изменены вследствие приятия новых, высших духовных установок. Здесь мы действительно входим в область истинного духовного творчества, которое может вести людей к обновлению и духовному преображению. Приятие, например, народом новой религии доставляет многочисленные образцы постепенного изменения всех духовных устремлений людей и их навыков и нравов.

По отношению к народу опять таки можно говорить о прирожденных ему, благоприятных задатках для процветания государства или, наоборот, о задатках не благоприятных. Благоприятным моментом для развития государственной жизни является наличность в государственном народе некоторого природного психофизического единства. Единство нации или единство культурной личности более благоприятствуют процветанию государства, чем разрозненная многонациональность или многокультурность, которую способны объединить только внешние, искусственные, по большей части, чисто насильственные средства. Если исходить из «государства-мира», как от образования, содержащего максимум потенций, необходимых для процветания и развития государства, то соответствующее ему богатство психофизических задатков может содержаться только в жизни единой культурной личности, объединяющей собой многие различные национальности в одно культурное целое. *Многонациональное целое на сверхнациональной основе единой культуры* — вот формула, которая наилучше выражает особенности человеческого материала, обладающего максимумом возможностей для образования совершенного государства.

III) Стихийным элементом в государстве являются также создавшиеся в нем властные отношения. Особенности их зависят от многочисленных фактов: от величины и свойства месторазвития, от системы хозяйства, от особенностей человеческого материала и т. п. Иногда здесь могут оказывать влияние факторы чисто случайные: нельзя, например, построить государство со слабой властью там, где существуют сложные международные отношения, где соседи обнаруживают завоевательные стремления, где существует постоянная угроза войны. В зависимости от всех этих условий должна стоять проявляемая государством степень властности, которая всегда есть переменная величина. Однако,эту степень властности никак нельзя смешивать с мерой принуждения, которое государство вынуждено применять в зависимости от тех или других обстоятельств. Принуждение есть последствие не властвования, но нарушения власти. Властвование в совершенном государстве, независимо от его свойств, от силы или слабости, должно происходить совершенно автоматически, без трений и катаклизмов, без применения насильственных средств. Необходимость прибегать к последним всегда есть яркий показатель некоторой порчи властных отношений, которые при нормальных условиях должны покоиться на внутреннем внушении, а не на внешних хирургических операциях. Оттого возможный минимум применения насилия есть лучший показатель той ступени приближения и идеалу, которую

государству удается достигнуть. В пределе своем этот минимум превращается в нуль, — насилие вообще исчезает, в государстве все начинает идти как бы «само собою». Такой идеал совершенного государства в мировой литературе лучше всего был формулирован китайским философом *Лао-Тзы*, миросозерцание которого не только не анархично, но этатично в некотором высшем смысле этого слова — будучи в то же время принципиально враждебным насилию и в этом отношении обнаруживая «непротивленский» характер.

IV) Образование ведущего слоя в государстве является также результатом независимого от сознательной воли социального процесса. В истоках своих независимо от сознательного целеполагания образуются и те идеалы, носителями которых являются ведущие группы и классы; независимым от него нужно признать и сознание подвластных, составляющее социально-психологическую основу всякого властвования (ср. Отд. I, гл. IV, §§ 2, 4). Однако, здесь мы как раз и вступаем в ту сферу, в которой стихийно-природная сторона государственного бытия соприкасается с деятельно-активной. Властвование есть не только социальное состояние, но и социальная деятельность. Власть руководит, ставит цели и осуществляет их в жизни. Исходя из стихийно-природной стороны властных отношений, можно говорить о предрасположении государств к развитию и усовершенствованию. Более задатков для приближения к идеалу имеют те государства, правящий слой которых является чисто функциональным, а не классовым. В подобных государственных образованиях менее почвы для возникновения классового угнетения и классовой борьбы, которая для развития государства всегда является минусом, а не плюсом. В названных государствах общественное целое построено не на более или менее искусственном соединении отдельных социальных групп, не объединенных никакими общими интересами, но на некоторой изначальной солидарности, на сознании общегосударственного интереса. Напряжение сил, направленное к общей организации, здесь гораздо интенсивнее, чем в государствах чисто классовых. Оттого здесь имеется более шансов к реализации совокупных задач и целей, осуществление которых ведет к наибольшему физическому и духовному усовершенствованию социального целого.

Переход в область изучения деятельно-организационной стороны властных отношений вводит нас в проблему усовершенствования государства, взятую уже с точки зрения активно-волевой. В последующем мы и попытаемся начертать принципы государственного устройства, ведущие государство к усовершенствованию и соответствующие той ступени государственного развития, которая может быть названа государственным идеалом в выше формулированном, относительном смысле этого слова.

§ 2. Организация ведущего слоя.

Новейшую западную политику, как мы видели, занимает преимущественно вопрос о том, как может быть построено государство без ведущего слоя (ср. Отд. I, гл. IV, § 3). Оттого проблема сознательной организации ведущего слоя выходит из поля зрения современной политики, как проблема не научная и антидемократическая. Только за самое последнее время этот вопрос начинает

привлекать некоторое внимание. Воскресают таким образом старые идеи Платона, для которого вопрос об образовании правящего слоя в государстве был самым основным и важным политическим вопросом. И историки, и социальные философы, и политики начинают говорить, что без образования некоторой «элиты» не может существовать никакое нормальное общество и что, следовательно, проблема ее воспитания заслуживает самого серьезного обсуждения. Эти новые тенденции являются показателем перехода современного политического сознания в стадию здорового реализма, ибо, как мы убедились, попытка построения государства без «элиты» является недостижимой и утопической.

Проблема организации ведущего слоя в государстве выдвигает следующие основные вопросы:

1) Прежде всего, определение вопроса о природе ведущего слоя в совершенном государстве. Должен ли этот слой быть организацией, построенной на установлении принудительных норм и вытекающих из них обязанностей, несоблюдение которых санкционируется принуждением? Или же, напротив, он должен приближаться к типу добровольных организаций, основанных на свободном проявлении общественных сил? В первом случае организующим принципом отбора был бы государственный закон, установление которого необходимо превращало бы ведущий слой в часть самого государственного аппарата. Иными словами, ведущий слой существенно совпадал бы с официальными носителями государственной власти, был бы одним из государственных органов (ср. выше Отд. I,гл.IV, § 5).Во втором случае он не входил бы, в качестве элемента, во властную государственную организацию, не стоял бы в иерархических отношениях с другими носителями государственной власти и представлял бы собою такое объединение, которое иными путями, чем государственная власть, влияло бы на государственную жизнь.

В предшествующем изложении нами было установлено, что социальные функции ведущего слоя в государстве не совпадают с функциями управления. Ведущий слой, как мы говорили, является носителем идеалов данного общества, идейным представителем той культуры, к которой это общество принадлежит. Нельзя, разумеется, преуменьшать значение принудительного, централизованного государственного аппарата в социальной жизни, но неправильно впадать и в другую крайность, считая, что такой аппарат должен покрывать собою всю общественную жизнь и исчерпывать все ее разнообразные потенции. Существуют области культурной жизни, принудительное огосударствление которых могло бы принести только отрицательный результат. Справедливо жалуются, например, на идейный разброд, в который впала современная западная культура, однако глубоко ошибается тот, кто думает, что явление это можно преодолеть путем принудительного государственного регулирования. Не представляет особого труда, преодолевая многообразность современных научных теорий, сделать какую нибудь из них обязательной в смысле государственного закона, как это, например, сделано с марксизмом в коммунистическом государстве. Однако, от подобной «организации» научная истина нетолько ничего не приобретет, но явно проиграет. И если ведущий слой призван организовать куль-

туру в ее различных проявлениях, то под такой организацией следует понимать единство внутреннего убеждения в истине, а не внешнюю регламентацию духовной жизни, не принудительную нивеллировку ее идейного богатства. Осуществить эту последнюю задачу ведущий слой способен только тогда, когда он сам, в своей собственной структуре, воплотит принципы высшего духовного общения— когда он будет представлять собою нечто вроде духовного ордена, который призван водительствовать морально, а не насильственно. При этом условии ведущий слой, принадлежа к государству, как к культурному целому, должен стоять вне технического аппарата государственного принуждения, — как бы *выше* этого аппарата. Если же ведущий слой с ним сольется, он неизбежно превратится в род бюрократии, которая в лучшем случае может быть технически очень сведующей, но всегда лишена собственных творческих идеалов. Зависимость чиновников от государства неизбежно превращает государственное служение в род заработка и тем убивает дух независимости и самостоятельности. Такой бюрократически построенный ведущий слой утрачивает всякую способность к духовному водительству, теряет, стало быть, одну из своих основных и важных функций.

II) Построенный на принципах общественной самоорганизации ведущий слой может напоминать те социальные образования, которые именуются политическими партиями. Основным отличием его от партии, в современном смысле этого слова, является то, что эта последняя всегда построена на основе некоторого частного, партикулярного принципа или интереса, тогда как ведущий слой должен воплощать в себе интересы целого. Поэтому к нему и не применимы понятия «pars», партия. Мыслимый нами правящий слой возможен там, где на место многих партий становится некоторая единая ведущая организация — где мы имеем дело с политическим режимом, который можно назвать однопартийным. Но «однопартийность» равносильна уничтожению партий вообще. А это в свою очередь возможно там, где духовные искания человечества стабилизировались и где, стало быть, стабилизировалось так называемое общественное мнение. Такое состояние очень далеко от современной стадии развития европейской культуры, духовная жизнь которой протекает в атмосфере бурных исканий истины, блужданий в погоне за ней и некоторого идейного разброда. Поэтому современные государства очень далеко стоят от стадии государственного совершенства. Ведущий слой в них типично разбит на несколько враждебных групп, объединенных или тожеством эгоистических интересов, или сходством образа мыслей (сходством миросозерцаний), или тем и другим вместе. При таком положении проблема власти в современном государстве разрешима двумя путями: или путем чередования тех или других групп во властвовании, или путем насильственного подавления одних групп другими. Первый есть путь современной демократии, второй—путь современных диктатур. Основная проблема демократии сводится к тому, чтобы установить те, чисто внешние условия, в силу наступления которых одне группы уступают права власти другим. К этим условиям принадлежит прежде всего принцип большинства. Те интересы или те идеи, которые при настоящих условиях собирают наибольшее количество голосов, становятся на время преобладающими, и носители этих интересов или идей становятся властвующими—до того времени, пока другой интерес или другая идея не приобретут больше симпатий и за них не станет

новое большинство. К этому и сводится режим современного парламентаризма (ср. Отд. II, гл. II, § 6). Другим приемом для примирения противоположных мнений отдельных групп ведущего слоя современного государства является принцип коалиции или соглашения. Сторонники современной демократии особо любят утверждать, что истина рождается от столкновения мнений, упуская из вида, что дело идет в соответственных случаях вовсе не об истине, а о компромиссе противоположных политических стремлений. Каждый интерес и каждая идея остаются в убеждении своей справедливости и истинности, но по тактическим соображениям приходится делать уступки своим противникам, вступать с ними в соглашение и достигать возможности общего политического действия. И если в результате политических дебатов выработалась известная равнодействующая, то это вовсе не потому, что противники открыли новую истину, а просто потому, что они тактически друг другу уступили, оставаясь каждый при своем прежнем убеждении и стараясь в пределе проводить максимально свою программу. Там, где это не удается, где нет возможности компромисса — там в современной демократии наступает неизбежная потребность в диктатуре. Здесь дело идет уже не о соглашении с другими партиями, а просто об их подавлении. Одни группы начинают насильственно проводить свои интересы и идеи, не считаясь с мнениями своих противников и просто их уничтожая.

И демократия, и диктатура являются неизбежными способами властвования в таком обществе, ведущий слой которого не объединен духовным единством и живет в состоянии идейного разброда. Для такого состояния эти политические формы просто не заменимы. Но глубоко заблуждаются те, которые считают названное общественное состояние соответствующим общественному совершенству. Это последнее есть состояние обретенной истины, современная же стадия характеризуется тем, что на ней люди находятся только в исканиях. Если истина когда либо будет найдена, тогда окончится та раздробленность мнений, о которой мы говорим, и наступит эпоха духовной стабилизации. Если бы люди пришли даже к сознанию, что никакой истины нет, тогда по крайней мере они перестали бы стремиться к тому, чтобы властно осуществлять свои мнения. А это равносильно прекращению режима партийности, который основан на искании власти во имя известного частного, партикулярного мнения.

III) Единство ведущего слоя должно покоиться, следовательно, на единстве духовной жизни, на единстве убеждений и духовных стремлений. Выдвигая эту сторону, можно выставить тезис, что ведущий слой в совершенном государстве должен быть «идеократическим» отбором, т.-е. отбором, построенным на власти одной идеи, на единстве миросозерцания. Но образование идеократического отбора может совершаться на почве существенно различных и даже прямо враждебных миросозерцаний. Возможно столько «идеократий», сколько может быть различных миросозерцаний — и каждая из них одинаково бывает субъективно убеждена в идейной истинности своих взглядов. Очевидно, что в совершенном государстве отбор не может опираться на столь относительные идейные принципы. Не субъективная убежденность в истине, которой психологически обладает всякое миросозерцание, но объективное овладение ею может быть основой для высшего единения людей. Поэтому тот отбор, который соответствует природе совершенного государства, правильнее назвать не идеокра-

тическим, но *эйдократическим* — считая что эйдос, в отличие от психологически окрашенного слова «идея», не есть одно из возможных многочисленных понятий о существующем, но необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира. Только тогда, когда такой лик ощущается человеком, «миросозерцание» его можно считать «истинным» в высшем смысле этого слова и противопоставлять другим возможным миросозерцаниям, построенным на знании отрывочном и относительном. Ведущий отбор в совершенном государстве должен обладать подобным знанием высшего «эйдоса», должен быть до некоторой степени им «одержим». Другими словами,ему должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить и которая не может не объединять его в одно целое. Здесь раскрывается извечный смысл учения *Платона* о царстве философов,а также и смысл понятия теократии, как государства, высшим принципом которого является верховная из идей — идея религиозная.

§ 3. Усовершенствование государственного строя.

I. *Организующие начала.* В современном человечестве довольно распространена уверенность, что в смысле политических форм западной культурой достигнута некоторая ступень совершенства, которую можно считать если не высшей, то во всяком случае очень близкой к конечному политическому идеалу. Мы говорим о той политической форме, которую ныне принято называть «правовым государством». И действительно, политическая жизнь некоторых, наиболее развитых народов западной культуры безмерно глубже проникнута началами права, чем жизнь государств других культур и других эпох, политический режим которых, по сравнению с современным, поистине кажется основанным на произволе и бесправии. Проявлением такого «оправления» государства, с одной стороны, служит господство принципа формальной законности, который стал неотъемлемым свойством политической жизни западных демократий; с другой стороны — принцип неотчуждаемых личных прав, обеспечивающих неприкосновенность и свободу современного человека. Новейший политический строй западных государств настолько проникнут названными началами, что вопрос об их дальнейшем преобразовании для многих современных политиков сводится только к тому, чтобы и в будущем еще более их укрепить и укоренить в современной жизни. Ближайшим шагом в этом направлении считают ныне разрешение вопроса о социальных и экономических правах граждан, что и составляет правовую сторону экономической проблемы современного социализма. В указанном направлении течет и деятельность современного законодательства,в котором за последние десятилетия огромную роль играют законы, касающиеся урегулирования социально-экономических условий жизни современных обществ. Однако, наряду с этим процессом наблюдается одно очень любопытное явление, которое с точки зрения практической политики нельзя не считать чрезвычайно знаменательным: в современном правосознании постепенно угасает идея личных прав, влияние которой на современный «правовой» режим было огромным. Ее место занимает принцип объективного права, т-е. юридической нормы, формального государственного закона и устанавли-

ваемых им общественных обязанностей. [1]) В современном правосознании идея обязанностей не только начинает преобладать над идеей права, но и совершенно затемняет эту последнюю. Таким образом «господство права» в современном государстве представляется, как дальнейшее развитие не идеи личных прав, но понятия формальной законности — «объективного права». Существует некоторая серьезная опасность, что в результате укрепления этих стремлений идея права совершенно выродится. «Правовой» режим, сведенный к формуле: должно исполнять предписанное, если оно предписано законом, может преуспевать и в государстве чисто полицейском, основанном на преобладании повинностей над правами и уделяющем очень мало места укреплению этих последних. И такое, чисто тягловое государство может основываться на режиме законности, а не на произволе, а потому может и не обнаруживать характера деспотии. Однако, неправильно называть его государством «правовым» — и по существу дела, т. к. в нем будет отсутствовать или будет доведена до минимума деятельность правоустановления (ср. Отд. II, гл. I, § 3), и по историческим соображениям, т. к. идея правового государства родилась из борьбы с государством полицейским. Современная политика как будто склоняется к той мысли, которая в эпоху процветания европейского либерализма казалась самой ретроградной — что усовершенствование государства должно идти не путем укрепления прав, но посредством обременения повинностями. Происходит таким образом как бы возвращение политического сознания назад к политическим идеалам, считавшимся отжившими и позабытыми. Отсюда стремление воскресить некоторые старые политические понятия, как например Staatsraison, реабилитировать старых политических мыслителей, как *Макиавелли*, переоценить даже старую идею полицейского государства. [2])

Справедливость означенных стремлений следует признать в той мере, в какой теория либерального государства склонна была умалять идею обязанности за счет идеи права; но стремления эти должны быть решительно отвергнуты в тот момент, когда они впадают в другую крайность и заслоняют права обязанностями. Совершенное государство должно быть построено на гармоническом, «соразмерном» отношении обеих сфер государственной жизни — нормативной и аттрибутивной. Оно должно стремиться к установлению равновесия между обязанностями и правами во всех основных сферах государственного бытия (ср. Отд. II, гл. I, § 3). В экономической сфере выражением такого равновесия является так называемая «государственно-частная» система хозяйства; но проведение того же принципа должно быть осуществлено и далее — соразмерность «централизованного» и «автономного» начала должна быть установлена также и в области организации быта, духовной и нравственной жизни. Нахождение такой соразмерности всегда есть конкретная задача, решение которой зависит от многочисленных факторов — от отношении населения к территории, от степени развития производительных сил, от общих экономических условий, от возраста и развития культуры и т. п. Оттого названную задачу не может и не должна решать общая теория государства. Теория госу-

1) Так называемая «школа объективного права», родоначальниками которой нужно считать *Дюги* и *Кельсена*.

2) Ср. литературу, указанную в Введении.

дарства обязана выставить только ту основную политическую норму, что единственно путем нахождения названной соразмерности можно довести государство до степени относительного совершенства.

II. *Организованный порядок.* 1) Переходя к вопросу об организации официального государственного аппарата в совершенном государстве, мы должны прежде всего решить вопрос, должно-ли такое государство по типу своему быть «властническим» или же «демотическим», народным (ср. Отд. II, гл. II, § 4). В первом случае для выделения официальных носителей государственной власти достаточно было бы, если бы ведущий слой обособил из своей среды известный корпус лиц, специально предназначенных для управления государственным аппаратом (его можно было бы назвать управляющей группой или государственным нарядом). Такой корпус должен быть составленным из лиц, специально подготовленных к управлению, как теоретически, так и практически. Чтобы не превратиться в бюрократию, он мог бы быть подвижным по своему составу, а также ответственным по своим действиям перед населением. Он был бы фактическим обладателем государственной мощи и официальным носителем государственного суверенитета (ср. Отд. II, гл. II, § 3). Ему была бы противопоставлена управляемая среда, которая являлась бы чисто пассивным элементом государственной жизни и не принимала бы никакого участия в управлении государственными делами.

Преимущество такой политической системы состояло бы в том, что она была бы действительно «правлением специалистов». Она была бы избавлена от основного порока демократии, где носителями власти являются по большей части диллетанты, избираемые не в силу их знаний и навыков, но сообразно вкусам и временным интересам текущего дня. [1]) То обстоятельство, что управляющая группа формировалось бы из ведущего слоя, обеспечивало бы ей возможность единства действия. Вдохновляемая ею политика не могла бы испытывать тех шатаний, которые необходимо обнаруживаются при многопартийном режиме. При всех этих преимуществах, описанная система обнаруживает и ряд существенных недостатков. Мы уже сказали, что в основе ее лежит представление об управляемой среде, как о начале чисто пассивном. Между тем необходимо утвердить целесообразность привлечения к управлению самих управляемых. Не существует, конечно, никакого всеобщего «права на управление», как учит об этом современная демократия; но существует всеобщая обязанность участвовать в государственных делах, — обязанность социального служения. Выполнение этой обязанности требует активности от каждого управляемого, которая должна найти в государстве правильное приложение. Если приложение это не найдено, то создается чувство раздражения, развитие которого может вести за собой самые невыгодные политические последствия. Существуют и другие соображения в пользу участия управляемых в жизни государства. Государственная жизнь складывается из двух моментов — из устойчивого, статического, и подвижного, динамического. Статический момент при нормальных условиях находит свое выражение в стабилизированной идеологии ведущего слоя; динамична же сама жизнь государства, как целого, с ее вечно меняющимися потребностями и ин-

1) Ср. J. Barthélemy, La problème de la compétence dans la démocratie, 1917.

тересами. Следить за динамикой общественной жизни, не отставать от нее можно только в том случае, когда сами изменчивые интересы и потребности могут непосредственно отражаться в управлении государством. Поэтому целесообразно дать им непосредственное участие в государственной жизни. Наконец, целесообразно привлечь к деятельности управления самих управляемых еще и потому, что таким образом совершается особый отбор лиц, обладающих политическими способностями и политическими навыками. Хотя современная демократия и является, как мы сказали, «правлением диллетантов», однако она съумела отобрать и поставить во главе государства многих блестящих политиков, которые не без успеха конкурировали с правительствами старых, не парламентарных монархий. Нельзя пренебрегать этим опытом современных демократий, привлекая к делам управления самые широкие общественные круги и пользуясь отбором из них наиболее способных и лучших.

Может возникнуть вопрос, каким образом указанное нами демотическое начало совершенного государства совместимо с началом эйдократическим. Опыт современных демократий может внушить мысль, что там, где имеется демократический порядок, там не может существовать власти каких либо общих принципов. Напротив, существо демократии лежит в противоборстве общим принципам и в допущении множества частных принципов, которые, при известных условиях, приобретают временно преобладающее место в государстве. Такое представление о демократии упускает из вида, что демократическое состязание противоположных точек зрения становится осуществимым только там, где существует некоторая общая культурная или национальная почва, делающая возможными «парламентарные» отношения между враждующими сторонами. Там, где ее нет, демократический порядок необходимо переходит в состояние гражданской войны. Новый западный демократизм процветал в ту эпоху, когда существовало всеобщее убеждение в целесообразности буржуазного хозяйственного строя и когда социалисты представляли незначительную группу лиц, не имеющих никаких данных произвести социальный переворот. Но когда социализм вырос в огромную актуальную и напряженно враждебную существующим условиям силу, которой является, например, современный коммунизм, «парламентарные» разговоры между партиями становятся довольно бесплодными. В особенност исовременная демократия может процветать в государствах, в которых общественное мнение является стабилизованным, хотя и в скрытой форме, т.-е. там, где, несмотря на противоположные точки зрения отдельных партий, между ними существует некоторое молчаливое согласие по ряду основных вопросов культурной и национальной жизни. Две основные английские партии веками оспаривали друг у друга власть, но общая линия английской международной политики оттого не менялась. Не было разногласия в том, что нужно строить флот, завоевывать колонии, захватывать основные морские базы и т. п. Английский империализм был той основной общей программой, в которой оспаривались детали, а не основные положения. Государства, в которых существует подобная скрытая стабилизация общественного мнения, могут позволить себе режим современной демократии, невозможный там, где существует принципиальное несогласие по основным вопросам культурной, экономической и общественной жизни. Та стадия духовной дезорганизованности, на которой находится ныне большинство демократий, настоятельно выдвигает проблему организации

общественного мнения. [1]) Если проблема эта своевременно не будет разрешена, перед современным демократическим обществом неминуемо возникнет опасность резких внутренних столкновений, которые перейдут в конце концов в гражданскую войну. Но результатом этой последней будет также своеобразная стабилизация общественного мнения, которая так или иначе установится после окончания борьбы и замирения общественных противоречий. Таким образом мы разными путями приходим к проблеме организации культуры, которая является в настоящее время едва-ли не самой актуальной.

Совершенный государственный порядок, как мы говорили, возможен тогда, когда культура достигла стадии самосознания, когда она формулировала свои общие идейные основы, когда она возвела их на степень сознательных мотивов своей деятельности. Такое состояние культуры предполагает не молчаливую, но сознательную стабилизацию общественного мнения, которое становится общенародным убеждением и превращается в общенародную волю. При этих условиях нет никакого противоречия между началом демотическим и эйдократическим. Демос духовно проникнут эйдосом, и эйдос не имеет других носителей, кром всенародного сознания. Ведущий слой является только органом, в сознании которого концентрируется общенародный дух. При таких условиях нет необходимости в изобретении системы каких либо искусственных средств, при помощи которых происходило бы согласование начала демотического с началом эйдократическим. Важно только следить за тем, чтобы общие принципы всегда находили правильное конкретное приложение, чтобы динамика государственной жизни была согласована со статикой. Для этого совершенное государство должно отразить в своей культуре то начало, которое мы выше назвали началом коллегиальным или началом совета. Официальным государственным органом, выражающим это начало, должны быть различные, избираемые населением коллегии или советы. В основу подобного представительства должен быть положен принцип профессионального, социально-экономического, национального и т. п. интереса — словом, оно должно быть представительством интересов реальных, а не чисто политических, партийных. Советы различных реальных групп населения должны, с одной стороны, служить выразителями изменчивых интересов (момента динамического), с другой стороны — быть лабораторией для выработки лиц, обладающих административными навыками и знаниями. Система советов должна быть построена иерархически, т. е. начиная с низших местных органов управления и кончая органами высшими, общегосударственными. Во главе государства, в качестве одного из верховных носителей власти, должен стоять высший совет, как общегосударственный выразитель демотического начала.

2) Сделанное нами определение совершенного государства, как эйдократии, не решает еще вопроса о том, как должен быть организован в таком государстве властный аппарат. Эйдос или идея служат основанием для власти, властвовать же могут только люди. Только люди могут осуществлять идею, проводить ее в жизнь, применять к конкретным случаям. И возникает вопрос, каковы должны быть принципы, на которых строится этот технический аппарат властвования. Иными сло-

1) Ср. вышецитированную книгу Tönnies, Kritik der öffentlichen Meinung.

вами, возникает вопрос о конституции совершенного государства, о его верховных официальных органах или носителях власти, о функциях последних и их распределении. Причем мы будем говорить здесь только о принципиальных основах, а не конкретных воплощениях, которые не могут быть описаны безотносительно к местным и временным, историческим условиям государственной жизни.

а) В основе совершенного государственного строя должен лежать верховный закон, который определяет существо официальных государственных органов, устанавливает основные права и обязанности власти и подвластных. В этом условном смысле можно говорить о всеобщем и необходимом характере, присущем идее новейшего конституционализма. Политические идеалы новейшего времени преувеличили эту идею, считая, что введение так называемого конституционного режима является некоторой панацеей от всех политических зол. Но несомненно преуменьшает значение конституционализма тот, кто полагает, что в правильном государстве нет никакой необходимости в торжественном закреплении посредством закона основных правовых устоев государственного бытия. Порядок фактического управления какой нибудь партии или группы лиц вопреки конституции или без всякого стремления облечь права управляющих в форму закона можно считать условно целесообразным при некоторых чрезвычайных обстоятельствах, но никак нельзя вводить этот порядок в нормальный и считать совершенным. Главной опасностью подобного порядка является постоянно угрожающий ему произвол и полное отсутствие гарантий какой либо устойчивости и какого либо достоянства. Люди, чтобы покойно жить в государстве, должны быть уверены, что их существование сколько нибудь прочно, что в их жизни есть некоторая урегулированность, есть закон. Здесь и открывается ценность принципа формальной законности, который охраняет от личных капризов и склонностей, мешает проявлению личного пристрастия и произвола.

б) Закон, следовательно, призван определить, в чьих руках должно быть сосредоточено фактическое распоряжение государственной мощью. Для наиболее целесообразной организации такого распределения нужно иметь в виду следующие принципы: во-первых, по содержанию своему деятельность верховных носителей власти в совершенном государстве должна наиболее отвечать культурным и общественным интересам данного общежития, наиболее отражать его основные потребности, стремления и цели; во-вторых, по своей политической форме деятельность эта должна быть наиболее свободной, не связанной и в то же время сообразной с законами и подконтрольной. Начала эти отнюдь не нашли своего полного воплощения в политическом устройстве современных демократий. Основным средством для обеспечения первого из них современный демократизм считает или обращение к непосредственному мнению «народа» (плебисцит, референдум), или же организацию на демократических основах народного представительства. И в том, и в другом случае верховной инстанцией для решения основных вопросов государственной жизни является совокупность обладающих политическими правами граждан (голосующий корпус). Эту совокупность и нужно считать верховным носителем власти в современном демократическом государстве. Но прежде всего нельзя отожествлять интересы государственного целого с интересами наличного взрослого населения данного

государства. Государство, особенно такое, которое сливается с целой культурой, является единством всех прошлых, настоящих и будущих поколений его граждан. Интересы и потребности этих поколений могут и не совпадать с интересами «голосующего корпуса», особенно, если этот последний имеет партийное строение и не объединен никакой общей идеей. Интересы эти, если и могут быть формулированы, то только в стабилизированной идеологии ведущего слоя. Только под влиянием высшего, эйдократического выражения этой идеологии носители власти могут отрешиться от того естественного эгоизма, который присущ как каждому человеку, так и каждому человеческому поколению. Эгоизм этот особо проявляется в жизни современных классовых обществ, где обычно на место интересов целого подставляются интересы господствующих классов и классов, притязающих на такое господство. Но высшего своего расцвета эгоизм достигает при партийном режиме, где обладание властью принадлежит большинству, а иногда даже и меньшинству организованных политических групп, откровенно преследующих свои партийные интересы. При таком порядке то, что фигурирует под пышным именем «гласа народа», может иметь очень мало общего с интересами культурного целого, которыми призвана руководствоваться государственная власть.

Что касается до проведения начал контроля, то современный демократизм стремится осуществить его путем ряда мероприятий, максимально связывающих деятельность носителей государственной власти. Связанность эта обосновывается в политической теории, утверждающей приоритет законодательных функций над функциями управления (ср. Отд. II, гл. II, § 5). Законодательная деятельность при этом понимается, как преимущественно нормоустановительная (а не как правоустановительная), а потому связанность законом более накладывает обязанности, чем предоставляет права. Носители власти лишаются, таким образом, всякой подвижности и свободной инициативы. Государственный порядок тем более считается совершенным, чем более «рогаток» и «препон» ставится свободным проявлениям властных функций. Новейшая теория конституционного государства изобрела в этих целях целый ряд особых механических приемов торможения властной деятельности, известных под именем разделения властей (ср. Отд. II, гл. II, § 6).

Политической системой, наиболее удачно совмещающей властную активность с общественным интересом и подконтрольностью была бы такая, которая сумела бы соединить в устройстве официальных государственных органов единоличное начало с началом коллегиальным. Первое всего более обеспечивало бы возможность проявления личной энергии и распорядительности, столь необходимых во властной деятельности. Властно распоряжаться может, в сущности говоря, только личность. Коллегия или совет по призванию своему должны совещаться, обсуждать, выносить общие планы, создавать программу. Когда совет призван распоряжаться, его воля расплывается в обсуждениях и парализуется голосованиями. Но вместе с тем личная воля требует согласования с общей и гарантии от произвола. Поэтому наряду с нею должен быть поставлен совет, функции которого должны сводиться: к тому, чтобы 1) определять конкретный план направления деятельности на известный период времени; 2) исправлять недостатки, неизбежно свойственные исключительно личным

решениям; 3) контролировать действия личного начала с точки зрения законности и целесообразности. Отношения между коллегиальными и личными органами должны быть построены на принципе заступления при условии специализации основных политических функций.[1]) Такая система отличается от западного парламентаризма тем, что не ставит личную волю в зависимость от случайного голосования. Она в значительной степени приближается к швейцарской системе «комиссионного управления», но представляет более значительную роль председателю коллегии или противостоящим коллегии единоличным органам.

При построении системы государственных органов в совершенном государстве нужно принять во внимание местные и территориальные интересы — интересы и потребности государственных частей. Государственные органы в таком государстве должны быть построены не по типу единой иерархической системы, но должны представлять множество систем, воспроизводящих и повторяющих в отдельных частях государства иерархическую картину организации государственного целого. Иными словами, совершенное государство должно быть в некотором роде государством государств — каковым только и может быть государство-мир. В этом смысле можно говорить о всеобщем и необходимом характере идеи федерализма, как необходимого элемента идеального политического строя.

Гл. 3. О гарантийном государстве.

Нам остается в заключение сказать о тех гарантиях, которыми должна быть обставлена власть в совершенном государстве для того, чтобы обеспечить государственный порядок от возможного уклонения в произвол. Традиция, которая идет в русской мысли от славянофилов, настаивает на том, что в правильном, справедливом государстве гарантии вообще излишни, гарантии вредны. Говоря о гарантиях, славянофилы разумели те, которые они называли правовыми. Что касается до религиозных и нравственных гарантий, то они славянофилами вовсе не отрицались. Напротив, организация совершенного государства для славянофилов вся покоилась на чисто нравственных отношениях между народом и властью, на так называемой «внутренней правде». Предпосылкою славянофильских воззрений служит взгляд на право, как на «внешнюю правду», покоющуюся на насилии и оторванную от основ истинной духовной жизни. Если придерживаться такого взгляда на право, то придется признать справедливость славянофильских воззрений. Славянофилы с глубокой ясностью прозрели ту истину, что в конечной основе своей всякая власть связывается только нравственными узами. Мы видели уже, что власть в государстве построена иерархически, что возглавления своего государственная иерархия достигает в верховных государственных органах, которые являются носителями суверенитета. Нет такой внешней силы, которая могла бы принудить суверенных носителей власти к исполнению их государственных обязанностей, что и разре-

1) Ср. *Н. Н. Алексеев*, На путях к будущей России, и выше, Отд. II, гл. II, § 6.

шило бы «внешним путем» проблему государственных гарантий. Если предположить, что такая сила находится внутри государства, в таком случае она будет носительницей суверенитета, т.-е. будет властью высшей. Тогда по отношению к ней приходится утверждать то самое, что утверждалось относительно высших суверенных органов государства, т.-е. что она, эта сила, будет наивысшей, и не будет никакой иной, новой силы, которая могла бы принудить ее к определенному поведению. Предполагая, что такая новая сила есть, мы явно упираемся в бесконечность. Но, может быть, нужно предположить, что такая сила стоит где то вне государства. Если такое предположение истолковать в том смысле, что названная сила стоит вне государственного аппарата принуждения, вне иерархии официальных верховных органов, — сконцентрирована, например, в ведущем слое, как мы его описывали выше, — то по отношению к этой силе снова повторяются наши прежние соображения: гарантировать, чтобы ведущий слой действовал не по произволу можно в конце концов только духовно-религиозно или нравственно. Можно, наконец, сделать предположение, что принудительные гарантии помещены где-то вне государства, как целого, в международном общении и в международном правопорядке. Такое предположение особенно популярно в современной европейской науке, считающей, что международный правопорядок выше, чем государственный, что он вообще самый высший из возможных правопорядков, так как он есть самый широкий и всеобъемлющий. Он стоит *над* отдельными государствами, может внешним путем принуждать отдельных членов международного общения к тем или иным действиям и таким образом вторгаться во внутреннюю государственную жизнь, быть внешним стражем справедливости и права. Но если допустить, что международный правопорядок обладает правом принудительно вмешиваться в государственную жизнь, то международный союз приходится считать государствоподобным обществом, носителем международной власти и надгосударственного суверенитета. Международный союз превращается в некоторое большое государство — civitas maxima — , в род широкой федерации, которая образует свои высшие органы власти, своих носителей международного суверенитета. Тогда снова возникает вопрос, какими внешними гарантиями можно уберечь от произвола международную власть. Где та сила, которая может принудить наиболее сильных этого мира? Международная жизнь особенно богата примерами произвола и насилия, в истории международных отношений до сей поры господствовал известный закон: «большие рыбы да пожирают малых». Вселенская власть, поставленная во главе планетарной федерации, действительно будет чудовищем силы, превыше которого не может уж стоять никакой другой властный союз. И ясно, что если здесь говорить о гарантиях, то они могут быть только основанными на внутренней правде, а не на внешней, нравственными, а не принудительными. При всех предположениях мы упираемся таким образом в эти нравственные гарантии, как в последнюю основу. Вопрос только, где эту основу благоприятнее искать — в жизни ли отдельных государственных единиц, или же в необъятном пространстве вселенского государства. Отдельные государственные единицы, в особенности если они объединяют собою целую культуру, покоятся, как мы видели, на известных духовных и нравственных принципах, объединяющих людей в одно организованное целое. Интернациональные же идеалы скорее заданы, чем даны, содержание их слишком широко и

потому пусто. И на них гораздо труднее объединить людей в одно властное целое. Таким образом возникает опасность, что вселенское государство, призванное заменить современное международное общение, будет в большей мере лишено духовных основ, чем отдельное, историческое государство, и будет покоиться на чисто физической силе, проявление которой нельзя уже связать никакими гарантиями.

Нужно не только принять старую традицию русской политической мысли, считающей, что вопрос о гарантиях в государстве есть вопрос преимущественно нравственный — нужно пойти еще далее и отрешиться от славянофильского взгляда на право, как только на внешнюю правду. Отличительным моментом права, как учило большинство русских юристов, отнюдь не является внешнее принуждение. Право есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек «свободно может» и к чему он насильственно не принужден. Принуждение и насилие в праве начинаются только тогда, когда право нарушается и когда нужно вступиться на его защиту. Мы уже видели, что организация такой принудительной защиты далеко не всегда возможна. Из нее изъята область деятельности верховных органов государства, которые никто не может принудить и которые могут принуждать только сами себя. Самого же себя можно принуждать только духовно и нравственно — и это суть основы последних гарантий, допускаемых существом государства, как союза властного и принудительного.

Славянофилы упустили из вида только одно — при том очень существенное и важное. «Внутренней правде» далеко не всегда подобает оставаться без внешнего обнаружения — обычной же формой этого последнего является торжественный акт превозглашения государственной воли в виде государственного закона (см. Отд. II, гл. I, § 4). Справедливо то, что изданный закон содержит нравственное обязательство его исполнять, является так сказать всенародно произнесенной клятвой. Нельзя преуменьшать социального значения таких актов обнаружения «внутренней правды». Историческими формами для их выражения является опубликование конституций, издание деклараций, заключение союзных договоров и т. п. Нельзя сомневаться в ценности этих актов, и потому они обычны в государственной практике. Даже та власть, которая максимально стремилась отделаться от всякого «буржуазного фетишизма», не нашла иной формы для закрепления своих основ, чем издание конституции и торжественный договор об учреждении союза. В подобных актах мы имеем особую форму гарантий, которую можно назвать юридической — поскольку изданный закон есть один из наиболее часто встречаемых источников права.

Само собой разумеется, что обязанность соблюдать закон для самого законодателя является чисто нравственной. Чувство законности, пронизывающее государство, есть одно из моральных чувств, и те государства, в которых это чувство наиболее развито, можно назвать государствами гарантийными. Стремление к наибольшему обеспечению гарантийного порядка составляет последнюю необходимую черту того государственного строя, который мы назвали совершенным.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ

Августин, св. ..... 157.
Алексеев, Н. Н. ... 17, 21, 44, 53-54, 67, 77, 95, 97, 104, 107, 111, 125, 127-128, 147, 162, 177.
Аншютц ..... 109, 111.
Аристотель ..... 39, 54, 133, 157.

Бакунин ..... 7.
Бартелеми ..... 40, 120, 172.
Бела Фельдес ..... 98.
Бенуа ..... 41.
Берк ..... 6, 11.
Бернацик ..... 119.
Бестужев-Рюмин ..... 24-27.
Блан, Л. ..... 79.
Блуме, фон ..... 152.
Бобровский ..... 78.
Бодисен ..... 59.
Борнгак ..... 107, 147.
Брайс ..... 107.
Бриан ..... 82.

Вагнер, И. ..... 44.
Варнотт ..... 81.
Варрон ..... 54.
Визер, фон .... 35, 74, 78, 85, 87.
Вильсон, В. ..... 150.
Вольпе ..... 10.
Вормс ..... 45.

Галлер ..... 11-12.
Гарди ..... 60.
Гаррингтон ..... 55.
Гасбах ..... 152.
Гасгаген ..... 55.
Гаусгофер ..... 23.
Гачек ..... 114, 120.
Гейгер ..... 60.
Генель ..... 35, 107, 125.
Генон ..... 58.
Гегель ..... 6, 11-12, 45-46.
Гербер ..... 6, 66.
Герман, Б. ..... 96.
Гирке ..... 119, 125, 157.
Гоббс ..... 161.
Гобино ..... 55-56.
Гримм, Д. Д. ..... 94, 122.
Грост, де ..... 60.
Гумбольдт ..... 106.
Гумплович, Л. ..... 74.
Гюбер ..... 10, 83.

Дави ..... 25, 74.
Джемс, В. ..... 43, 45.
Дикс ..... 38.
Дитцель ..... 106.
Джентиле ..... 10.
Доугалль ..... 87.
Дюги ... 21, 93-94, 108, 120, 138, 148, 150-151, 153, 171.
Еллинек, В. ..... 93.
Еллинек, Г. ... 12-16, 21, 35, 38, 65-67, 89-90, 93, 108, 110, 112-114.

Жебелев, С. А. ..... 157.
Жирардэн ..... 79.
Жувене, Р. де ..... 82.
Жэз, Г. ..... 81, 87, 123.

Зайдель ..... 67, 107.
Зиммель ..... 42.
Зупан ..... 28.

И. Р. ..... 28, 75.
Иеремиас ..... 60.
Иеринг, фон ..... 107.
Ириней, св. ..... 162.
Йегер, Г. ..... 28, 36.

Кант ..... 119, 147-148.
Карлейль ..... 6, 160.
Каррэ де Мальберг ... 6, 13, 20, 138.
Карсавин, Л. П. ..... 18.
Келльреутер, О. ..... 83, 154.
Кельсен .... 6, 16-17, 20-21, 68-69, 92-93, 112, 130, 171.
Кингслей ..... 10.
Кистяковский, Б. А. ..... 14.
Ключевский, В. О. ..... 76-77.
Кокошкин ..... 14.
Консидеран ..... 79-80.
Конфуций ..... 157.
Коркунов, Н. М. .... 85-88, 108.

Коррадини ..... 10.
Краббе ..... 6, 79.
Кропоткин ..... 7, 127.
Куденхов-Калерги ..... 38.
Кунов, И. ..... 70.
Кьеллен ..... 9, 35.

Лабанд ... 21, 109, 111, 144.
Лазаревский ..... 14.
Лао-Тзы ..... 159, 166.
Ласки ..... 10.
Лассаль, Ф. .... 87, 90-91.
Левенштейн, К. ..... 154.
Леви-Брюль ..... 53.
Леонтович ..... 78.
Леруа, М. ..... 127, 139.
Лилиенфельд ..... 49.
Лингг, Е. ..... 67.
Локк ..... 12, 146.
Лоу, Бернар ..... 81.

Мабли ..... 6.
Майер, Г. ..... 108.
Макиавелли ..... 133, 171.
Маркс, К. ..... 5-8, 70-71.
Мартитц, фон ..... 107.
Масперо ..... 74.
Маулль ..... 29, 35-36.
Мейер, Эд. ..... 24-26.
Мейнеке ..... 10-11.
Мейсснер, Б. ..... 60.
Меркль ..... 17.
Мечников, Л. ..... 26.
Мильтон ..... 55.
Мичерлих ..... 28.
Моль, фон ..... 108.
Монтескье .... 6, 12, 64, 80, 138, 146-147, 149-151.
Моннье ..... 148, 151.
Морэн ..... 139.
Море ..... 25, 74.
Мэн, С. ..... 129.
Мэстр, де ..... 6, 11-12.

Неволин ..... 147.
Незабитовский, В. А. ..... 21.
Неуманн, Ф. ..... 38.
Никитин, В. П. ..... 61.
Новгородцев, П. И. ... 107, 112, 163.

Обст ..... 23.
Оппенгеймер ..... 74.
Ориу ..... 13, 39, 108, 140.
Остин ..... 107, 129.
Острогорский ..... 75, 82.

Павлов-Сильванский, Н. П.. 77-78.
Парето .....72-73, 81-82.
Паркер ..... 25.
Петражицкий, Л. И. ... 97, 104-105, 122-123, 125, 142.
Платон ..... 54, 125, 133, 157, 161-162, 170.
Плеханов, Г. В. ..... 70.
Померой ..... 150.
Прашек ..... 60.
Преображенский, П. Ф. ... 162.
Преусс, Г. ..... 116-117, 154.
Прудон ..... 7, 127.

Ратцель ... 25, 29-30, 35-36.
Редслоб ..... 153, 155.
Рем ..... 147, 150.
Риттингаузэн ..... 79.
Ронко ..... 10.
Россони ..... 10.
Рошер, В. ..... 96.
Рупмф ..... 11.
Руссо ..... 6-7, 12, 30, 38, 40-41, 79, 155.

Савицкий, П. Н. ... 23-24, 26, 30-32, 96.
Садовский, Я. Д. ..... 136.
Сарвей ..... 107.
Сиэйс ..... 6, 80.
Соловьев, В. ..... 160.
Спенсер ..... 49, 106.
Спенсер и Гиллен ..... 73.
Станислав (А. Вольский) .... 128.
Стори ..... 153.

Татищев ..... 78.
Тенниес ..... 82, 174.
Тит Ливий ..... 54.
Толстой, Л. ..... 159-160.
Трубецкой, Н. С. ..... 46, 61.
Тур, фон ..... 117.

Устинов, В. М. ..... 80.
Уордс, Л. Ф. ..... 82.
Уэллье ..... 81.

Фейербах, Л. ..... 70.
Фердросс ..... 112.
Ферреро ..... 9.
Фирканд ..... 87.
Фихте ..... 119.
Флейшманн, Л. ..... 111.
Фогель ..... 24, 27, 35.
Фрэзер, Л. ..... 53.
Фрейд ..... 87.
Фрикер ..... 21.
Фробениус, Л. .... 46-47, 57.

Цезарь ..... 25.

Цеуглер, К. ..... 141.
Цорн ..... 107.

Чичерин, Б. Н. ..... 125.
Чхеидзе, К. А. ..... 28.

Шампинион ..... 80.
Шеманн ..... 56.
Шенебеен ..... 28.
Шеффлэ ..... 49.
Шильдер, С. ..... 27.
Шлоссманн ..... 117.
Шмидт, Б. ..... 125.
Шмитт ..... 7.
Шмиттеннер ..... 51-52.
Шнейдер, Г. ..... 28.
Шпанн, О. ..... 96.
Шпенглер ... 10, 13, 33, 46-47, 53, 56-57, 62, 64, 78.
Шрадер ..... 24.
Штаммлер, Р. ..... 105-106.
Штерк ..... 108.
Шумпетер ..... 55.

Эеберг, фон ..... 98.
Энгельс, Ф. ..... 70.
Эсмен ..... 40, 80.

Якушев ..... 128.
Ястров, И. ..... 99.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Въ указатель не входят названия и страницы, указанные в оглавлении).

Автаркия .....34 сл., 164.
Анархизм .....7, 8, 59, 80, 116, 127 сл., 160.
Аристократия .....72, 83, 132, 140, 149.
Атомизм политический ....83, 116, 133, 135.
Аттрибутивы .....103, 104.

Бесконечность .....57, 58.
Бюджет ..... 98.

Величина государства ...27 сл., 29, 30, 31.
Верховные цели государства ..59 сл., 123
Вето .....145, 148, 150, 151.
Власти всеобщие и специальные ..... 125.
Властвующие ..... 69, 79.
Власть отвлеченных принципов ..... 69, 86 сл.

Гео-политика ..... 23.
Государственный аппарат ... 19.
Государство демотическое .. 136, 172, государство-деревня — 25, государство-волость — 24, 73, государство-город — 25, государство-земля — 25, 73, государство изолированное — 33, --классовое — 75, 166, —континентальное — 33, государство-мир—27, 28, 32, 41, 52, 73, 132, 163, 165 сл. -- многонациональное — 41, национальное — 52, 66, 177. -- однонациональное — 41, -- островное — 33, -- речное — 26, -- сплоченное и раздробленное — 31, симметрическое и асимметрическое — 30,—тягловое и свободное — 32, 77, 171, -- с служилым слоем — 75, 76, государство-царство — 26.
Границы государства ..... 34.

Делегации теория ..... 116.
Демократия ..... 41, 56, 116, 132, 133, 135, 136, 139, 168, 172 сл., 175 сл., — английская — 32, 33, — представительная и прямая — 79 сл., — органическая — 135.
Диктатура ..... 168, сл.
Директория ..... 148, 153.
Диспозитарии государственной мощи ..... 120.
Договорная теория .....5, 38, 40, 116.
Долженствование ..... 94.

Евразийство ..... 23, 30, 33, 47, 52, 63.

Европейское государство ... 13 сл., 18, 39, 102, 144.
Естественное право .... 6, 108.

Завоевание ..... 73.
Закон ..... 138, 141-145, 148, 171, 175, 176, --- и право .....107, 112, 114, сл. 170.

Идеалы общественно-политические ..... 87, 156, 167.
Идеократия ..... 84, 169.
Иерархичность ..... 128.
Империализм ..... 54.

Камералистика ..... 104 сл.
Конституционное государство . 14, 175.
Конституция английская ... 63, 75, 134, 143, 152.
Конституция С. Ш. А. ..... 150, 156, — французская ..148, 154.
Кризис власти ..... 9.
--- идеи суверенитета ... 132.
Культура и государство 58 сл., 165.
Культурная личность .... 46 сл.
Культурные типы ..... 57 сл.

Либерализм политический ... 22, 106, 126, 159, 171.
Личность государства .... 6, 21, 118.
-- и государство ..... 43, 67, 68.

Марксизм .. 7, 70, 71 сл., 120, 167.
Международное право ... 130-132, 140, 178.
Монархия ..... 132, 134, 139, 141, 147, 151, 153 сл.

Народная психология .... 61-62.
Народное представительство .. 140, 174.
Народность (национальность) . 19, 40, 46.
Нация ..... 19, 40.
Науки идиографические 16,
-- каузальные — 16.
Непротивление злу ..... 159.
Нормы технические и хозяйственные—95,—как гипотетические суждения — 96,— безусловные — 97, нормативные акты — 141.
Нравственность положительная ..... 102.

Общество и государство... 18 сл., 45, 167.
Общественное мнение .. 82, 168, 173 сл.
Объектная теория территории ..... 21.
Обязанности и права ..... 76.
Океанический принцип ..... 32.
Олигархия ..... 133, 139.
Органическая теория государства ..... 6, 9, 10-11, 40, 42 сл., 67, 117-118.

Паразитизм социальный ..... 72.
Партии политические ..... 83.
Патримониальная теория государства ..... 21, 22.
Плюрализм методологический . 15.
Политические элементы в науке о государстве ..... 21, 22, 39, 41, 63, 65, 116, 132, 138, 143.
Право лично-свободное ..... 105.
-- частное — 103, 109, 116.
-- и государство—16, 20, 68, 69, 79, 92, 94, 107.
Правовое государство ... 114, 123, 171.
Принуждение ..... 165, 179.
Произвол ..... 142, 150, 175.
Пролетариат ..... 9, 82.
Протестантизм ..... 102, 158.
Происхождение государства .. 53.

Раса ..... 47, 55.
Реальность государства ... 6-8, 13-20.
Регулирование ..... 99, 104.
Реставрация государства ... 6, 10-11.

Самообязывание . 98, 111, 112 сл., 141.
Самоопределение личности .. 102, —национальности — 41.
Свобода политическая ..... 149, права свободы — 102-104, 106, 138 сл.
Советское право и государство .. 8, 111, 114, 115, 131, 137, 139, 140, 145, 179.
Соседи политические ..... 34.
Связанность верховных носителей власти ..... 101.
Служение социальное ..... 122.
Социализм и государство ... 8, 72. 104, 106.

Социологическая теория государства ..... 16, 17, 68.
Стадии прохождения закона ..111, 143.
Субъектная теория территории ..... 21.
Суверенитет внутренний и внешний — 130, —государственный — 64,— международный — 178, — монархический — 65 сл., — народный — 39, 65, — права — 68, 79, теория суверенитета — 64 сл.
Судебная деятельность ..... 144.

Уголовное право ..... 102, 103.
Учредительное собрание ... 139 сл. учред. функции ..... 145.
Усмотрение свободное ..... 144.
Утопия земного рая ..... 156, 163.

Целесообразность государственная ..... 113.
Цели государственные ..... 142.
Ценность государства ..... 54.

Факты нормативные ..... 63.
Фашизм ..... 138, 139.
Федерализм ..... 131, 177.

Юридическое учение о государстве ..... 6, 17, 20, 22.

Эйдократия ..... 170, 173.
Эгоизм классовой ..... 176.
Этатизм ..... 125.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи.

стр.

ГЛАВА I. ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ 5

Идея государства в теориях естественного права — 5. — в юридическом учении о государстве — 6. — в миросозерцании современных народных масс — 7. — Следы поворота — 9. — Новейшая реставрация государственной науки — 11.

ГЛАВА II. О МЕТОДАХ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА 12

Современная наука о государстве, как часть европоведения — 12. — Методология современного государствоведения — 14. — Плюрализм — 14. — Юридический монизм — 16. — Задачи общего государствоведения — 17.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА И ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВА 18

Государство, как общественное целое — 18. — Государство, как властный аппарат — 19. — Элементы государства — 20.

ГЛАВА II. ТЕРРИТОРИЯ 20

§ 1. *Существующие теории.* Территория, как объект власти — 21. — как элемент государства-личности — 21. — Критика существующих воззрений — 22. — Территория, как месторазвитие — 23.
§ 2. *Территориальные типы государств.* — С точки зрения величины — 24. — С точки зрения формы — 30. — С точки зрения местоположения — 33. — С точки зрения природных качеств месторазвития — 34.

ГЛАВА III. НАРОД 38

§ 1. *Существующие воззрения.* Народъ как субъект права и объект власти — 38. — Критика существующих воззрений — 39.

§ 2. *Народ, как органическое единство.* Социальный индивидуализм и универсализм — 43. — Органическая теория общества и государства — 45. — Критика органических воззрений и их положительная сторона — 47. — Государство и организм — 51.

§ 3. *Психические двигатели государственной жизни.* Политические эмоции и чувствования — 53.

§ 4. *Государство и культурные ценности.* Ценности первого порядка — 56. — второго порядка — 60. — Учреждения и формы исторической жизни — 63.

ГЛАВА IV. ВЛАСТЬ. 64

§ 1. *Существующие воззрения.* Теория индивидуальной воли — 66. — общей воли — 67. — власти права — 68. — Классовая теория власти — 70.

§ 2. *Теория ведущего слоя.* Марксистские воззрения — 71. — Теория правящей расы — 74. — Классовые правящие группы — 75. — Служилые группы — 76.

§ 3. *Современная демократия, как опыт построения государства без ведущего слоя.* Два типа современной демократии — 79. — Классовая структура демократии — 81. — Роль политических партий — 83.

§ 4. *Существо власти.* Основной недостаток классовой теории власти — 85. — Психологические основы власти — 86. — Идеократический характер властвования — 87.

§ 5. *Ведущий слой и правящая группа.* Понятие правящей группы — 88. — Понятие конституции — 89.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

ГЛАВА I. ОРГАНИЗУЮЩИЕ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 92

§ 1. *Существующие теории.* Право, как единственное организующее начало социальной жизни — 92. — Необходимость признания других организующих начал — 93.

§ 2. *Нормоустановительная деятельность государства.* Виды норм — 95. — Техническая стихия регулирующей деятельности государства — 97. — Бытовое регулирование — 99. — Нравственное регулирование — 101.

§ 3. *Правоустановительная деятельность государства.* Право-

установления и нормы — 103. — Существо правоустановлений — 104. — Типы государств в зависимости от роли нормоустановительной и правоустановительной деятельности — 106.

§ 4. *Теория закона.* Отожествление закона с правом — 107. — Закон, как общая норма — 108. — Закон в формальном и материальном смысле — 110. — Основной признак правовых норм — 115.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗОВАННЫЙ ПОРЯДОК 115

§ 1. *Официальные носители государственной власти.* Существующие теории — 116. — Теория представительства — 116. — Теория государственных органов — 118. — Носители власти — 120 . — Понятие государственной конституции — 121.

§ 2. *Свойства официальных носителей власти в государстве.* Понятие публичности — 121. — Всеобщность государственного властвования — 124. — Типы государств с точки зрения всеобщности властвования — 126.

§ 3. *Взаимоотношения носителей власти.* Иерархическая взаимозависимость носителей власти — 126. — Понятие суверенитета — 129. — Независимость государства — 130.

§ 4. *Состав носителей власти и классификация государственных форм.* Единоличные и коллегиальные носители власти — 132. Учение о формах государственного устройства и его недостатки — 133. — Государства демотические и властнические — 136.

§ 5. *Государственные функции.* Понятие — 137. — Существующие классификации — 138. — Самопровозглашение — 139. — Назначение и выборы — 140. — Верховное управление — 141. — Законодательство — 142. — Подзаконная деятельность — 143.

§ 6. *Распределение функций.* Без проведения начала специализации — 146. — С проведением начала специализации — 147. — Строгая специализация — 147. — Специализация при условии отрицательного воздействия одних органов на другие — 149. — При условии не только отрицательного, но и положительного воздействия — 151. — Дуалистические монархии — 151. — Парламентаризм — 152.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА 156

Два типа абсолютизации государства — 156. — Ценность государства — 158.

ГЛАВА II. СТРУКТУРА СОВЕРШЕННОГО ГОСУДАРСТВА.. 163

§ 1. *Усовершенствование государства с точки зрения природных*

факторов государственной жизни. С точки зрения месторазвития — 163. — С точки зрения народонаселения — 164. — С точки зрения власти — 165. — С точки зрения ведущего слоя — 166.

§ 2. *Организация ведущего слоя*. Природа ведущего слоя в совершенном государстве — 167. — Его отличие от партии — 168. — Эйдократический характер — 169.

§ 3. *Усовершенствование государственного строя*. Организующие начала — 170. — Организованный порядок — 172. — Государственное устройство совершенного государства — 172. — Организация носителей власти — 174.

ГЛАВА III. ГАРАНТИЙНОЕ ГОСУДАРСТВО 177

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ 180

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 182

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.